

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

5. 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям и
информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92
Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во ПИ № ТУ 20-00064
Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов
Муса Магомедович

Редколлегия:
Л. Абдулаев
С. Алиев
М. Бексултанов
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
С. Мусаев
Р. Талхигова
А. Шайхиев

Рукописи принимаются
редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на
электронных носителях.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail: vaynah_az1@bk.ru
<http://www.vaynah.at.ua>
<http://www.j-vaynah.ru>

Журнал выходит один
раз в месяц. 16+

Журнал набран на
компьютерной базе ГАУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК
«Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать
29.05.14

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ДЕНЬ ПАМЯТИ И СКОРБИ НАРОДОВ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Эдильбек ХАСМАГОМАНОВ. <i>Общая боль – общая память</i>	2
Алвади ШАЙХИЕВ. <i>Бессмертие</i> . Стихи.....	4
Мовла САЙДЦЕЛИМОВ. <i>Даймахке сатийсар</i> . Дагалецамаш.....	6

ПОЭЗИЯ

Лариса ИСХАДЖИЕВА. <i>В открытую дверь только эхо войдет</i> ... Стихи.....	29
Насрудин ЯРЫЧЕВ. <i>Мной утрачена</i> ... Стихи.....	65
Ахмет АСХАБОВ. <i>Собирает сердце жалость</i> . Стихи.....	71

ДЕБЮТ

Мадина ХАЛИКОВА. <i>Нохчийн мотт – сан деган ага!</i> Стихаш.....	31
Хеда МИЗАЕВА. <i>Все обманно</i> . Стихи.....	68

ПРОЗА

Муса БЕКСУЛТАНОВ. <i>И завтра, как вчера</i> . Повесть. <i>Перевод с чеч. Михаила ЭЛЬДИЕВА</i>	32
---	----

ЧЕЧЕНСКИЙ ЯЗЫК

Идрис БУЛАТБИЕВ. <i>Имена древневосточных богов в чеченской антропонимике</i>	74
---	----

ИСТОРИЯ

Лиза АДМИСИЕВА. <i>Краткие географические и исторические сведения о наиболее крупных селениях Наурского района</i>	83
--	----

ПУБЛИЦИСТИКА

Гауз ИСС. <i>Национальная идея для страны Гор и Равнин</i>	88
--	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вахид ИТАЕВ. <i>В поисках идеального героя. О романе Мусы Ахмадова «Дерева в сумерках»</i>	90
--	----

РЕЦЕНЗИЯ

Роза МЕЖИЕВА. <i>Несколько слов о «Слове»</i>	94
---	----

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Саламбек АЛИЕВ. <i>Чеченские тайны</i>	95
--	----

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Сацита ИСРАЙЛОВА. <i>Штрихи к портрету художника</i>	95
--	----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

День Памяти и Скорби народов Чеченской Республики**Эдильбек Хасмагомадов****Общая боль – общая память**

В довольно длинном списке памятных дат этот день занимает особое место. Что мы отмечаем в День памяти и скорби? Какие чувства он должен вызывать у нас? Ответ на оба вопроса, казалось бы, совершенно очевиден из самого названия. Действительно, какие еще чувства должен вызывать этот День, кроме памяти и скорби?

Понятно также, что эта памятная дата (как и любая другая дата, официально отмечаемая государством) имеет своей целью консолидировать общество на основе чувства национальной солидарности, привести к еще большему народному единению, сплотить народ и власть на основе общей памяти и общей судьбы. Этой же цели служат любые праздники. И не только государственные, но и чисто религиозные, например, христианское рождество, или светские, например, Новый год.

Но людей объединяет не только радость, но и общее горе. Яркий пример такой даты – общероссийский День народного единства. Настоящим праздником его не назовешь, поскольку напоминает он об одном из самых трагических периодов в истории России. «Смутное время» на рубеже XVI–XVII столетий едва не привело к гибели русского государства, а внутренняя междоусобица и иностранная интервенция принесли гибель огромному числу жителей страны.

Между прочим, День народного единства призван напоминать современным гражданам России, что в «смутное время» страна и народ были спасены не его правителями, а рядовыми гражданами по призыву простого жителя Нижнего Новгорода Козьмы Минина, сформировавшего народное ополчение, которое и освободило вначале Москву, а затем и все государство от внешних врагов. Заодно был положен конец и внутренним распрям.

Еще один пример такого рода – память о «холокосте», живущая в сердцах не только граждан Израиля, но и евреев всего мира.

Вспомним также, что наши близкие соседи армяне вот уже почти сто лет ежегодно отмечают дату армянской трагедии осени 1915 года, вину за которую они возлагают на турецкие власти.

Порой некое трагическое событие не просто откладывается в народной памяти, но становится фундаментом, на котором стоит этническое самосознание. Конечно, это крайний случай. И далеко не идеальный. Трагедия, положенная в основу национальной идентичности, способна со временем выработать в массовом сознании так называемый «комплекс жертвы», вызвать чувство мести, без преодоления которого невозможно мирное настоящее и тем более будущее. В качестве примера можно снова назвать Армению – требование на государственном уровне признать геноцидом трагедию осени 1915 года со всеми вытекающими из этого признания юридическими последствиями – вот уже более двадцати лет является главным препятствием на пути нормализации армяно-турецких межгосударственных отношений. Безусловно, негативно влияет оно и на перспективы карабахского урегулирования.

В исторической памяти чеченцев, как и у любого другого народа, найдется немало трагических дат, о которых нельзя забывать. Например, такой датой (как и у русских) может считаться монгольское нашествие. В еще большей степени – нашествие войск хромого Тимура, буквально опустошивших территорию Чечни и истребивших большую часть ее населения.

Другая – более близкая, но не менее трагическая дата – Кавказская война. В ходе этой войны, продолжавшейся при жизни двух поколений, буквально каждое чеченское селение было уничтожено по нескольку раз, а население Чечни в итоге сократилось вдвое. Завершающим аккордом стало переселение в Турцию

25 тысяч чеченцев, которых колониальные власти оставили без земли, передав ее казакам, поселенным по берегам Сунжи.

Еще ближе по времени 23 февраля 1944 года, когда чеченцев поголовно депортировали в республики Средней Азии по ложному обвинению в предательстве Родины. О размере прямых и косвенных потерь, которыми обернулась эта трагедия, историки спорят до сих пор и, вероятно, будут спорить еще долго.

И наконец, рубеж XX–XXI веков – наше «смутное время», породившее в Чеченской Республике общественную анархию, ввергнувшее чеченский народ в состояние гражданской войны, а также вызвавшее две разрушительные и кропопролитные войны.

Таким образом, ежегодно 10 мая мы вспоминаем и о жертвах выселения, и о погибших в Великую Отечественную войну, и о потерях двух последних войн, и о трагических событиях на стадионе «Динамо» в самом центре Грозного и гибели 9 мая 2005 года Первого Президента Чеченской Республики Ахмат-хаджи Кадырова, ведь именно его жизнь и смерть олицетворяют в сознании современного чеченца трагическую судьбу своего народа.

Добавим к сказанному, что при утверждении даты 10 мая как республиканского Дня памяти и скорби был достигнут определенный консенсус между властью и обществом – в обсуждении этого вопроса принимали участие представители республиканской научной и творческой интеллигенции.

Как мне кажется, власть отказалась от соблазна приурочить общереспубликанский День памяти и скорби к какой-нибудь трагической дате в истории чеченского народа по двум главным причинам. Во-первых, Чеченская Республика многонациональна по своему составу и является частью многонационального государства. По этой причине выделение одного народа (пусть даже, как говорится, государствообразующего) нежелательно по вполне очевидным причинам.

Во-вторых, для будущего чеченского народа фундаментальное значение имеет интеграция в политическое, экономическое и гуманитарное пространство Российской Федерации. И в этом случае День памяти и скорби, приуроченный к дате выселения чеченцев или к окончанию Кавказской войны, получивший определенную политическую трактовку в недоброжелательных средствах массовой информации, вполне мог привести не к общенародному единению, а, наоборот, способствовать духовному разъединению и даже противопоставлению.

За примерами далеко ходить не надо – вспомним политические спекуляции в западных и грузинских СМИ вокруг Олимпийских игр в Сочи, проведение которых совпало со 150-летием изгнания с Кавказа 500 тысяч черкесов, коренных обитателей тех мест, где и соревновались олимпийцы.

Мы живем в мире, раздираемом многочисленными противоречиями. Так было всегда, на всем протяжении человеческой истории. Мы видим это сегодня. И так будет еще очень долго, если не всегда, до самого конца существования человечества. Мы не можем гарантировать себе и своим детям мирное будущее, если будем вспоминать из своего прошлого только обиды, некогда нанесенные нам.

Не следует понимать это так, что мы должны все забыть и все простить. Если мы забудем уроки собственной истории – вот тогда у нас точно не будет будущего. Речь о другом. Внимание исключительно к собственным бедам, концентрация на собственных обидах создает психологический барьер, не позволяющий видеть в соседях потенциальных друзей, а не врагов. Эта опасность, которую многие склонны недооценивать.

Политически нейтральная дата республиканского Дня памяти и скорби как нельзя лучше отвечает требованиям времени. В этот день мы вспоминаем не одну трагедию, а все трагические страницы истории народов, населяющих Чеченскую Республику. Мы не противопоставляем свое прошлое другим народам нашей страны. Мы можем говорить об общей боли, осознаем общность наших судеб и, тем самым, – общность будущего, в которое нам идти вместе.

День Памяти и Скорби народов Чеченской Республики**Алвади Шайхиев****Бессмертие**

*Герою Советского Союза
Ирбайхану Бейбулатову*

Есть фраза пышная:
«Шагнуть в бессмертье...»
А нельзя ли проще?..
Ведь он-то знал:
Не в славе суть –
Горят родные нивы,
Рощи.
Всего,
Чем память дорога,
Всего,
Чем светел день Отчизны,
Коснулся жадный и нечистый
Взгляд оголтелого врага.

Да,
Умирают на войне.
Но мир,
Но свет в твоём окне,
Все будущие поколенья
Ждут от неволи избавленья,
И надо их закрыть собой.
И потому пошел он в бой.
Для одного недостижимо
Бессмертье.
Оно лишь в том,
Что будет жить
Твой сын,
Твой дом –
Над вечной кромкой струйка дыма...
Что значат слава и молва,
Он разве думал в пекле боя?
Он пал,
Но Родина жива.
Бессмертьем стала
Смерть героя.

Горькая мера

В горе:
– Когда же покончено
будет с войною? –
Над похоронной
о сыне заплакала мать.

В радости:
– Гляньте-ка, мирное небо какое? –
Сына с победой дождавшись,
воскликнула мать.

В грусти:
– Неужто война
в самом деле начнется? –
Сына служить провожая,
промолвила мать.

Долго ль еще
Матерям поседевшим придется
Горе и радость аршином
войны измерять?!

Спой, мама, колыбельную

Спой песню колыбельную мне, мама!
Я тот же, я не повзрослел ничуть.
Ты не смотри, что лет прошло немало,
Что ростом выше стал – не в этом суть.

Я просто научился быть добрее
И верить людям, скалам, тишине.
Спой, мама, колыбельную скорее –
Она причина перемен во мне.

Поклявшись жить,
тепло сердцам даруя,
Я знаю, что тернист мой путь и крут.
Спой, мама, еще раз – понять хочу я,
В чем сила слов, что за душу берут!

Спой, мама...
Хоть уснуть я не сумею,
Хочу, чтоб рядом голос твой звучал.
Спой, мама, колыбельную, ведь с нею
Я прорастал сквозь годы по ночам.

Ночь, звездный полог
над землей развесив,
Идет хозяйкой в мире тишины.
...Я верю, мама:
Колыбельных песен
Убить не смогут выстрелы войны.

Исан а, лазаман а де**Мовла Сайдцелимов**

Нохчийн къам шен Даймахках къасторах, хийрачу махкахъ яьккхинчу халачу, къызачу хенах назманаш, узамаш, илеш, эшариш а кезиг яц. Уьш нохчийн къомо Гум-Азехъ лайначух яздан, дийца а ца мегачу хенахъ кхоьллина, цаьрга ладийг Линчара шайн изсехъ ларъярна тлаьхъарчу заманахъ (20-чу бешеран 90-чу шерашкахъ) зорбанехъ арайийлина, хлинца а араюьйлуш ю.

Нохчийн прозаикийн, поэтийн исбаьхъаллин произведенеш «Всполохи» (З. Абдулаев), «Лаьмнаша ца дицдо» (М. Сулаев), «Кхолламан цхъа де» (А. Айдамиров), «Даймахке сатийсар» (М-С. Гадаев), «Кхаж», «Лазаман лорах» (И. Шайхиев) и. дI. кх. а оцу заманах ю.

Журналийн, газетийн а аГонаш тIехъ кезиг ара ца бийлина вайн махкахойн дагалецамаш а.

ХIокху дагалецамийн автор Цоцин-Эвлара Сайдцелимов Мовла Даймахках къастаран хало лайначийх цхъаь ву. Иедало елла карахъ цхъа а кехат-бакъо йоцуш, ша къайлах Даймахка, юха цигара Гум-Азе бинчу а халачу некъах дуьйцу цо. Исбаьхъаллин басаришца кхала а ца гIерташ, автора ма-дарра яздина охъадиллинчу йозанан хатI бен ца нисдеш, шун кхиэле бохку оха хIара дагалецамаш.

Даймахке сатийсар

Дагалецамаш

Новкъавалар

Иза дара 1954 шеран февраль беттан тIаьхъарчу деношкахъ. Тхан да колхозехъ говраш Иалашъеш вара. Цуьнан декхаршна юкъадогIура: докъаран рагI дагарца хеда а еш, муьшца гехъ 50-60 гIулч сов генара и докъар схъа а кхоьхуш, хъаьвдешна чудиллар, божал цIена латтадар, уллерчу татол чуьра говрашна хи малор, буййсана ха дар, хъаьвдеш чуьра хъаьрдаш дIаяхар, докъаран раьгIнаш ларъяр.

И болх бича, тхан дена шалха къинхъегаман денош яздора. Хьийкъина тIедаре хъаьжжина, къинхъегаман деношна ялта а лора. Цхъана дийнахъ, малх чубузучу хенахъ, со тхайн ден белхан метте вахара.

– КIант, хьо кхузахъ сацахъа, со, маьркIажа ламаз а дина, вогIур вара, – элира соьга дас.

Тхан цIа цуо болх бечу меттигна 200-250 гIулч хиллал бен гена а дацара. МаьркIажа хан хилча, тхан дас ха дечу жимчу цIа чу, цхъацца вогIуш, кхоь турко-месхетинец веара. Цара шашь азербайжанцаш ду а олура, шайна аьттонна. Царел тIаьхъа, дукха хъе ца луш, сан юьртахо Даудов Баудди а веа. Уьш, цIенкъа тесначу ча тIе охъа а хевшина, Кавказах лаьцна къамелаш дан буйлабелира. Буйцург юкъара гIиргIазойн мотт бара.

Цара дуьйцура Кавказехъ шайна гинчу, евзинчу а гIаланех: Баку, Батуми, Тбилиси, Кутаиси...

– Со-м кхана а гIур вара Кавказе, – элира ас, церан къамел сецча.

– Къийго мас-м хьур яцара хъан цига, – элира Бауддис. – Хьо цига водахъ, ас итт туьма ахча а лур ду хьуна, тIевосса хьуна хьошалла дендолу стаг а вуьйцур ву.

– Иза мила ву? – хаьттира ас.

– Эндишов Маьмид ву, – элира цуо.

Ас и цIе – Эндишов Маьмид – юха-юха а йохуш, сайн дагахъ латтайора. Чохъ волчу кхаа туркочо а, шашь а пхиппа туьма ахча лур ду хьуна элира. Со-м церан ахчане сатуьйсуш а, я цара бохург бакъ хеташ а вацара. Церан къамелаш

дуйххалдла шайна клеверан цлов бахьархьама дуйцуш дара. Бауддис аьларг дагах а кхетта, ас Даймахка ван сацам бира. Цу тле, айса царна делла дош кхочушдар сайна тле а лецира. Тхан колхозехь мангал туоха а, маьрсаца цлов баккха а меттиг яцара. Тхан колхоз «Ага» («Хьалхьа») цхьана заманчохь доккха хи леллачу тлулгийн, жагланан тогли чохь яра, шех гиргIазаша «Сай» олуш. Цигахь хIумма а ца кхуьура, цхьа саксаул бен. Кхийолу аренаш ерриг ялта дуйш яра. Бешара даьллачул гIодмийн цлов бен, бежнашна хьалха таса хIума яцара. Цундела, наггахь колхозан кертара цлов бахьа вогIург а хуьура. Уьш махкахой хиларна а, гийла-мисканаш хиларна а, царех кьа а хетий, тхан дас цаьрга цлов бохьуйтура, ша низам талхадахь а. Колхозо Iаьнна кечдина докьар, дукхьаьолахь бухадуьсий, аькка догIанаш тле а догий, дахкалора. Цундела тхан дас, Ленина аьлла: «Йовш, хIаллакьхуьлучу хIуманех халкье пайдаэцийта!» – дешнаш а даладой, цлов бохьуйтура.

Тхуна кьилбехьа йолу «Кызыл Аскер» («Цен эскархо») цле йолчу колхозан мохк тхан кIотарна иттех метр гIулч хиллал генадоцчу татолца доза долуш бара. Дукхьаьолахь наха шайн бежанаш, коча я маIех муш а тосий, татолан йистошца дажадора.

Цхьана дийнахь Даудов Бауддина шен люцерни Токмак-ГIалахь йохка колхозо ши говр южу ворда елира. Ворда лелошверг сан маьхча Тарамов Сайд-Эми вара. Токмаке воьдучу цу шинца, тле сайн долу цена духар а дуйхьина, Даймахка ваха аравелира со. Соьгахь тхан дас хеча эца делла ткьа туьмий, цу тле, ас, айса ворхI класс чекхьаьккхича, йисина сайн книшкаш йохькиний, берашца гIулгех ловзуш даьккхиний ялхитта туьмий, «Восстановление народного хозяйства» аьлла 1952 шарахь арахецна заемашший яра. Сан духар: еха Iаьржа, «бубрик» олуш йолу пальто, Iаьржачу шолан кастом-хечий, когахь батингаш, коьргахь хурашка а.

1954 шеран март беттан хьалхарчу кIирандийнахь Даймахка цIаван аравелира со. Хьалха ма-аллара, паспорташна тле «Разрешается проживать в пределах Киргизской ССР» штемпельш етта хан яра иза.

Тхан колхоз Токмакна 15 чаккхарма кьилбехьа яра. Новкьахь лелаш наггахь бен машенаш а яцара. И некь, кхин машен ца хуьлуш, гIаш бира аса. Со, Токмакна чувуллучохь асфальтан некьана тIеваьлча, суна дуйхьал сан маьхча Минкаилов Шемил кхийтира. Цуо соьга, хьо лаа лелий аьлла, хаьттира. Ас, суо хеча эца базара воьдуш ву, элира. И дIаволавелира. Тхойша вовшашна дикка генаваьллачул тIаьхьа, со цунна тIаьхьаьаьжира, ванах, ас лелочух хIумма хаьий-ге цунна аьлла, дагахь долуш. Со дIахьажарца, иза схьа а хьаьжира. Иштта кхузза цхьатерра дуйхь-дуйхьал хьаьжира тхойша...

Со Токмак-ГIалин автостанце воьдуш, суна дуйхьалкхийтира, люцерни ерриг дIа а йохькина, варданца цIа вогIуш Бауддий, Сайд-Эмий. Со сайн доллу «барзакь» тIедуьхьина гича, Бауддис Сайд-Эмига аьлла, куц дара, и кIант Кавказе ваха араваьлла аьлла.

Со вардан тIе хьалаваьлча, люцерни йохькина цIа вогIуш волчу Бауддига ас элира, цуьнгахь ахча дуй хууш, Сайд-Эмина ца хозуьйтуш, кьайллах, итт туьма схьалой ахьа, Баудди, со хIинца Кавказе воьдуш ву хьуна, ахьа кьийго мас а хьур яцара хьан цига аьллаче. Баудди, ца хезначуха, мера чухула «хIуп» олуш, дIавирзира. Ахьа делча а, ца делча а, со воьдуш-м ву хьуна, ас аьлча, хьалха санна, изза дира цуо.

– Мусаев Насарди вевзий хьуна? – хотту соьга Сайд-Эмис.

– Вевза, – олу ас.

– Иза мичхьа Iаш ву хаьий хьуна?

– Хаьа.

– Сан велосипед ю Насардигахь, цу тIехь цIехьа юм ел, – боху Сайд-Эмис.

Сайд-Эми соьл ши-кхо шо воккха вара, цуо аьларг ца дича суна эхь ду-кха аьлла, со НасардигIаьрга ваха. Ша цIахь вацара иза. ХIусамнене ас эли:

– Со Сайд-Эмис велосипед цIа яло вайитина.

ХIусамнанас соьга боху:

– Эцца сени чохь ю-кха хьуна иза, д'айигахьа.

Со, велосипеда т'ехиьна, асфальтан новкъа д'авовьдуш вара. Дикка некъ бинчул т'аьхьа, Насарди суна дуьхьалкхийти.

– Хьо Сайд-Эмис велосипед ца яло вайитинера? – могош-парг'ат хаьттинчул т'аьхьа, хаьттира соьга Насардис.

– Х'аь, – аьлла, жоп делира ас.

– Да ма йигахьа, кхана «Кегети» колхозе ваха везаш вара со, цигахь г'ирг'азошна г'ишлош еш а, ремонташ еш а болх бинера ас, ахчанна расчет ян цига ваха диэзаш вара со, – аьлла, соьгара велосипед д'айицира Насардис.

И ваха деза колхоз генахь яра, 25-30 чаккхарма хиллал. Ас, хаза а хеташ, велосипед цуьнга д'аелира. Иза дуьхьал ца кхеттехь а, со-м, велосипед Сайд-Эмин ден йиша Маржан йолчохь да а х'оттийна, цуьнан к'анте Туркога Сайд-Эмина велосипед ца кхачае аьлла, д'аваха дагахь вара.

Сайд-Эмин ден йишин ц'ийнда Султиев Элмарза вара. Церан ца Старая Покровкехь, тхан колхозе боьдучу некъа йисттехь дара. Насарди дуьхьал а кхетта, цъядика, к'инхьегам ца хуьлуш, со Токмак-Г'алин автостанце д'авахара. Автостанцехь билет а эцна, Фрунзе-Г'ала (х'инца Пишкек) вахара. Токмакний, Фрунзений юккъехь 60 чаккхарма ю.

Со Фрунзе д'акхаьчча, лаьтташ Кара-Балта йоьдуш йолу автобус яра. Маьрк'ажа хан хилале автобус Кара-Балта д'акхечира. Х'етахь и юрт яра, х'инца г'ала ю. Со автобус т'ера ох'авовьссича, ас цъяна нохчичуьнга хаьттира, Алексеевке йоьду автобус мичахь соцу аьлла.

– Цига йоьду автобус а х'оккху майданыхь соцу. Тахана цига т'аьхьхьара автобус д'аяхна, тхоьгахь буьйса а якккхина, кхана г'ур ву хьо, – олуш, со шен х'усаме вигира со.

Суна хьошалла динарг гелдганхо хиллера. Ас цуьнан ц'е а ца хаьттира. Цаьргахь дика кхехкийна кхоьаш, сискал а йиьна, со д'авижира.

Алексеевкхь тхо ц'ахь долчу хенахь хилла болу тхан лулахой бара Iаш. Цаьргахь буьйса яккхархьама, хаьттира ас уьш. Гуьйрана хьалаг'аьттича, х'усамдас, Алексеевке йоьдучу автобусан социьле вигна, новкъаваьккхира со. И чувахча, со Кара-Балта станцехьа д'аволавелира. Ас харцдерг дийцар. со Даймахка воьдийла ца хаийтар дара, наха со дохковаккхарх а, нахалаваккхарх а ларлуш.

Кара-Балта станцин кассера, ши туьма а делла, Джамбуле билет а эцна, «Фрунзе-Москва» ц'ерпоштна т'ехиира со. И билет ас дуьхьхьалда ц'ерпошта т'е хаархьама эцна дара, сайн хьалхара «х'илланаш» д'адуолош хьалавала, бехказлонна. Со Луговая станце кхаьчча, вайн кьомах тера, т'ехь дуьйхина салтичун духар а долуш, лакхарчу сержантан даржехь цъа оьзда кьонах ц'ерпошта т'е хьалавелира. Цуьнан ц'ена яьшна юьхь, тодина мекх дара. Цу хенахь нохчи эскаре вуьгу бохург хьехош а дацара. И стаг Iаламат куцдолуш вара.

Джамбуле тхо кхачале, вагона чохь лаьтташ волчу суна т'евеара иза.

– Хьо стенга воьдуш ву? – хаьттира цо соьга.

Сан аьрзунан з'ок санна болчу мерах шекваьлла хир вара иза.

– Кавказе воьдуш ву, – жоп делира ас.

– Со а ву Ведана воьдуш. Хьо Кавказе вахалур вац, юхаверза,– элира цо соьга.

Цуо иза х'уьттаренна бохуш ца хиллера соьга, ас хьоьгудолу Iазап шена хуу дела бохуш хиллера. Суна, имам Шемала т'юм бина меттиг ю бохуш, хьахош хилар бен, бераллехь кхин юьйцуш а ца хезнера Ведана. Цуьнан дешнаш диэза ца делла, со кхечу вагон чу вахара.

Собгахь х'етахь Джамбуле кхаччалц билет дара, цундела со чохьверг сан вагон яра. Со Джамбуле кхечира. Цул дуккха а генахь йолчу Тюлкубас станце а кхечира. Оцу станцел со т'ехваьлча, кондукторо соьга билет хаьттира. Аса Джамбуле эцна долу билет д'агайтира.

– О, ты Джамбул давно проехал, на следующей станции немедленно слезай, – элира цо.

– Ладно, – цуьнга а аьлла, со кхечу вагон чу вахара.

Джамбулна тЕхваьллий, мичхьа кхаьчний дика хууш вара со. Чимкенте кхаьчча, билет доцуш хиларна, проводнико со станцин милице вигира.

– Хьо стенга вьодуш ву? – хаьттира соьга милицин капитана.

– Со Арысе, сайн гергара нах болчу вьодуш ву, – жоп делира ас.

– Муьлхачу кьомах ву хьо?

– Со нохчо ву, – жоп делира ас.

– Билет хIунда дац хьобгахь?

– Тхо долчехь колхоз ю, болх бинчунна кьинхьегаман денош яздо. Луш алапа ца хилча, соьгахь билет муха хуьлу? Цу тЕе, кьинхьегаман деношна, ялта хьыйкьина тЕе деача, ца валлал ялта ло. Ялта кЕезиг хилахь, и дерриге Еедална дIа а лой, тхо, хIумма йоцуш, тхайн тЕелхигащца дуьсу.

– Схьагарехь, Советан Еедална реза вац-кха хьо? – боху цо соьга.

– Со реза ву, нийсо куьйгалхоша лелийча.

– Документаш хIунда дац хьобгахь?

– Со колхозехь Iаш ву, колхозхошна паспорташ ца ло. Цу тЕе, со 7-чу классехь доьшуш ву. Сан дейтта шо бен дац, – элира ас. – Каникулашна дIахецча, даима а колхозан юкьара балха вьоду со, кхаа батгахь бригадиرو хьажийнначохь болх бо, кIа юкьара чхьавг, баьIаш, петIаматаш, кхидолу асарш хедадо маьрсаца. КIа хьокхучу хенахь, комбайнан соломокопнительна тЕера ча охьатаса вьоду, муш ийзош. Советан Еедална реза ца хила хIумма дац, со тунеедец вац...

Тпаккха, забарна санна, со терзанан барамехь 50 кийла бен вац, билет долчунна 32 кила ларча мах боцуш дIаяхь бакьо ю, и ларчанаш шайгахь йоцуш, дуккха билеташ долуш пассажираш бу, цу багажал 18 кила бен веза воцу со дIавигарх поездана хIун йозалла хуьлу, соцур-м яц иза сан возаллина, ас аьлча, массо а бийлабелира, «кхяхь-кхяхь» аьлла. Царех коьрта волчу капитана, и кIант дIавахийта, иза бакьлуьйш ву аьлла, буйр а дина, со аравалийтира.

Чимкент-ГIала йоккха хиларна, цЕрпошта 20 минотехь латта езаш яра. Хьалхарчу некьа тЕехь лаьтгаш яра и. Юха а оьцу цЕрпоштна тЕе а хийна, Арысе кхечира со. Арыс йоккха станци ю, кхаа агIорхьара аьчкан некь тЕебогIуш: Фрунзехьара, Ташкентехьара, Кзыл-Ордехьара.

Со Арысе дIакхаьчча, лекха боьттинчу буха тЕе йиллинчу мужалта тЕе кехат а диллина, цIа кехат яздан хIоьттира со. Шекьанан кьоламан даш, туй тухий, даша а деш, кехат яздира ас. «Со Кавказе вьодуш ву, Арысе кхаьчна, соьгахь хIоккхул ачча а ду. Со, сайн ненан коша тЕе а хIоьттина, цIа вогIур ву, нагахь санна аш суна дов дийр дацахь, делахь – вогIур а вац», – аьлла, доцца кехат яздина, иза конверт чу а диллина, тхайн ПиргIазера адрес а яздина, дIатесира ас (со Кавказера юхавеьча, и кехат тхан дас, КьорIанна юккье диллина, Iалашдеш карийра суна).

Со, еххачу хенахь наб янза а, кIадвелла а хиларна, маьркIажа хенахь станцин зал чу вахара. ГIанта тЕе со охьа ма-хийинехь, набкхетта хиллера суна. Милицин белхахочо, когах ког а тоьхна, самаваьккхира со.

– Герз дуй хьобгахь? – хаьттира цо.

– Дац, – элира ас.

Сан дегIах, кисанаш чу а хьежа волавелира иза. Кьолам ирбеш лелош хьажочу пЕелгал долу чудуьллу жима урс дара соьгахь. Иза цуо дIадаьккхира.

– Кехаташ дуй хьобгахь? – хаьттира соьга.

– Сан документаш дац, со дешархо ву, сан паспорт хуьлу хан яц, цу тЕе, колхозехь Iаш ву, паспорташ ца лой шуна шайна а хаьа, – элира аса.

Цул тIаьхьа цуо со Чимкентехь санна, аравалийтира. Со перрон тЕе ваьлча, сох цхьа оьрси кхийтира, ханна 22-23 шо хир волуш. Иза хиллера лаьцначуьра паргIатваьккхина стаг.

– Вайша вокзал чохь садаIа вуьгур вац, документаш хоьттуш. Арахь буьйса яккха еза вайшимма, – элира цо.

Со резахилира. Маъркџажа хан яра. Тхойша станцин аьчкан некъашна дехъа а ваьлла, тогичу воьссира. Арахъ лайн оьланаш яра. Тогичохъ махо идош, керчош йолу горга кџохцалан яраш лахыйна, дџавижа кечам беш вара тхойша. Оцу ярийн кџохцалш чџога ира дара. Гиргџазеххъ-м уьш оха, махо хершниш чу я татолаш чу йиттинчуьра, лахъайой, муьшца гехъ цџа а яхий, дерзинчу куьйгашца сетта а еш, кегйой, кхе тохкий, ягайора. Тхойша цу кџохцалан ярашна тџе дџавижира. Шинне а тџетеснарџ сан цъба пальто бен яцара. Цуьнгахъ лаьцначийн билгало тџехъ йолу бџаьстенан духар бен, кхин хџумма а яцара. Кхано, набкхеттачу хенахъ, ас пальто схъаозош, цуо дџаийзош, узарш деш џара тхойша шелонна.

Йуьйрана сатасале хъалагџаьттина (тхойша-м дџавижчъхъана а самаваьлла вара), гџали юкъа вахара тхойшиь. Дикка са а хилиьтина, вокзале схъавеара. Жимма хан яьлча, «Ташкент – Москва» пассажирийн цџерпошта схъакхечира. Цу тџе а хийна, Москва боду некъ юьхъарлеци охашимма.

Тџехъа юьссу гџаланаш, станцеш. Хџора чаккхарма некъ мел бин а, Даймахкана гергакхочу, дог Даймахкана уллехъа гџерта сан.

– Со шелло, цъхъана сахътана хъайн пальто тџеюхийтахъа соьга, – элира соьга сан некъахочо.

Ас, схъа а яьккхина, дџаелира пальто. Цъха хан яьлча, тџап-п аьлла вайра сан некъан накъост. Поездан тамбуран неџ дџа а йиллина, со хъалхахъа дџахъаьжира. Ас санна, неџ дџа а йиллина, хъалхахъа йолчу кхозлагџчу вагонан тамбуран неџарехула арахъоьжучу цунах бџаьргкхийти сан. Вагонашна чухула вахана, тџе а кхаьчна:

– Накъост, хъо сан пальто тџе а юьйхина, вада стенна ведда? – элира аса.

– Со хъоьх лечкъина ца веддера, ревизи йогџуш, царех кџелхъаравала веьнера. Хъо санна волчу накъостахъ ведда, со цъханхъа гџур вацара, суна цкъа а дицлур дац, ахий, хъан пальтоной со лечуьра кџелхъараваккхар. Бехк ма биллахъара ахъ, хъо санна кьинхетаме накъост суна гина а вац, – элира цо. – Хџан, дџаэца хъайн пальто, сан доккха сужда ду хъуна...

Ас, схъа а эцна, тџеюьйхира пальто.

Беркозан олучу станце кхаьчча, соьга вагонан кондукторо билет хъьттира. Соьгахъ билет дацара. Тџаккха иза сан дегџахъ хъажа волавелира. Киснашкхъа, дегџаца хџумма ца карийча:

– Дџаяхал мачаш, – элира цо соьга. Ас мачаш дџаехира.

– Дџаюха хъайн мачаш, – элира цо, чохъ хџумма а ца карийча.

Ас, сихвелла, мачаш дџаюхаран низам талха а деш, сихха аьрру коган мача дџаюьйхира.

– А ну-ка, сними обувъ, я знаю вашу хитрость, – аьлла, сан кога кџел куьг хъаькхира цо.

Сан ахча пазата чохъ дара, набкхетча киснара схъа ца эцийта, къайладаьккхина. Мачаш ас дийнахъ а, буса а дџаюхуш яцара. Соьга пазат чуьра ахча схъа а эцийтина, ворхџ туьмий. пхи сом а гџуда охъадилла, кхин лакхара гџуда тоха бакъо яц, элира цуо. Ас, схъа а даьккхина, ворхџ туьмий, пхи соммий дџаделира.

– А ну-ка, дай посмотриеть, сколько там осталось, – элира цуо.

– Это не ваше дело, – аьлла, дисина ахча кисана диллира ас.

Квитанцин меттана цъха кехат делира цо, ша яздина долу. Хетарехъ, и ахча цуьнан шен кисана дахра...

Сайга билет хъьттича, ца кхеташ волчу ас и «квитанци» дџагайтира.

– Это не документ, больше его никому не показывай, – элира соьга накъосто. Ас, иэџа а дина, дџакхоьссира иза.

«Джусалы» станцехъ, билет ца хиларна, ас, юучунна аьлла, киснахъ дитина кхо туьма а даьккхира соьгара гџуданна.

Кестта Аральск станце кхечира со. Цигахъ казахийн къомах волчу милиционеро, сан кисанашка а хъаьжна, йисина заемаш дџаехира.

– Дџо казах-милчочо соьгара заемаш дџаехи, – аьлла, оьрсийн милиционере арз дира ас.

– Ддало кхуьнан заемаш, – элира оьрсичо, и казах-милиционер тле а кхайкхина. Гпеххьа тле а чевхаш, заемаш схьа а яьхна, соьга схьакховдийра цо.

Тпаьххьара а Уральск-ГПалин станце кхечира тхойша. Цигахь ткьа минотна соцура церпошта. Сой, сан накьосттий станцин ресторан чу вахара. Сан накьосто, меню тлехьаьжна, чорпий, котлеттий, бепиг, чай заказ дин. Ас а ийци изза. Тхойша йиьна ваьлча, соьца волчо официантка тле а кхайкхина:

– Тхойшингара мел ахча доггу? – аьлла, хаьттира.

Официантко шен карара жима счет дласатьхна, вуьрхитта сом доггу, элира.

Ас ахча ддаделира, сан некьохочуьнгахь ахча доцийла суна хаьара.

Дукха хан ялале, цхьана жимчу станцехь ша охьавуссуш: «Я никогда не забуду твою человечность и доброту, ты меня от холода спас, накормил. Спасибо за все, гора с горой не сходится, а человек с человеком встречается. До свидания, если Бог даст, встретимся, мне с тобой расставаться трудно, но меня дома ждут, так как я написал письмо о дате встречи», – элира цо, соьга куьг а делла, мара а кхетта. Церпошта генаьллалц соьга куьг лестош лаьттира иза. Ас пуьнга а ластийра куьг.

Станци жима хиларна, церпошта кхаа минотехь бен лаьтташ яцара. Сайн цаваран план физически картица яьккхинера ас. Аьчканекьан картица цхьайолчу станцийн цераш аса Iамийначу картин церашца йоггуш яцара. Масала, Урбах станци карти тлехь «Пушкино» аьлла языйна яра. Ершов станцехь поезд I5 минотна сецча, вокзалан кассе вахана:

– Дайте мне билет до Пушкино, – элира ас.

Кассиршо, станцеш тлехь йолу книшка кега а йина:

– По этой линии станции Пушкино нет, Пушкино есть только под Ленинградом, – элира.

– Я знаю, это бывшее Царское Село, где учился Пушкин, – элира ас.

Со кхин хьелахь, поезд длаяха а ма мега, кхана Iуьйрана хуур ду-кх, со мичхьа кхачьна аьлла, со поезд тле хиира. Iуьйрана арахьаьжча, церпошта Саратов-ГПалин станцехь лаьтташ яра. Со Астрахане длабоьрзучу некьана дикка генаваьлла хиллера...

Церпоштан тпаьхьарчу вагон тлера охьа а воьссина, вокзала чуваха дагахь со перрона тлехула схьавоггуш, зьорталчу деглехь волуш, белшаш тлехь йолчу шина пагона тлехь биь седа болчу милцочо, шен аьтту куьйган хьажо пелг саттийна, со шена тле вийхира. Цо хаьтти соьга:

– Хьо стенгара воггу, мича воьду, билет мичахь ду хьан? – аьлла.

– Билет ас дгогахь длакхоьссина, со схьакхачьна, – жоп делира ас.

– Стенга воьду хьо?

– Кху Саратов-ГПалахь сан гергара нах бу, цаьрга воьду со, – элира ас.

– Документаш дуй хьобгахь?

– Сан паспорт доккху хан кхачаза ю, дейтта шо бен дац сан, ворхIалгIачу классехь доьшуш ву со, – элира ас.

– Хьо дешархочух тера а вац, куьйгаш доьхна хьунда ду хьан?

– Сан куьйгаш, вагонах хьакхаделла, бехделла. Со классан куьйгалхочуьнгара кхо де хан ехна, гергара нах болчу воггуш ву, – аьлла, аьшпаш боьттира ас.

– Пошли в мой кабинет, – аьлла, длавигира цо со. Тхойша цуьнан кабинетехьа длавоьдуш: – Кто по национальности? – хаьттира цуо.

– Татарин, – жоп делира ас.

Цхьадика, глезалойн маттахь цунна хууш цхьа а дош ца хиллера. Суна а ца хаьара, кIеззиг бен, уьш а церан мотт гIиргIазойн маттаца боггуш хиларна хийнера.

– А деньги есть у тебя? – аьлла, хаьттира цо соьга.

Ас тпаьххьара дисина итт туьман кехат дIагаьтира.

– Ну, иди тогда, – аьлла, со паргIатвитира цуо.

Массо хIуманна тлехь Дала аьтто бора сан, ас Даймахке сатийсаре хьаьжжина.

Цул тлаъхъа со вокзалан кассе вьодий, рогле длахIутту. Суна тле а йогий, цхъана оьрсийн къоначу зудчо хотту соьга:

– Куда вы едете? – олий.

– Я до Гудермеса еду, – жоп ло ас.

Со цига вьодуш ву ас дуьххъара элира.

– Я тоже в Гудермес еду, мы с вами попутчики.

Айса лелориг цунна ца хайитархъама, иза чохъ йитина, со аравелира.

Кхано, цхъа хан яълча, еана «Москва – Астрахань» пассажирийн церпошта длахоьттира. Суо Даймахка кхаьчча санна, хазахийтира суна, «Астрахань» боху дош дешча. Со вагон чу хъалавелира. Цхъадика, нефарехъ лаьтташ кондуктор вацара.

Айса совнаха бина некъ юханехъа беш вара со. Тохара ас Пушкине кхаччалц билет луо аьллачу станце а кхечира. Иза хиллера аьчканекъийн карти тлехъ – Урбах. Нах Казахстане балха лелачу хенахъ со масийттаза хилира оцу станцехъ. Сайна оьшу церпошта схъаян дикка хан а хилла, со цу юьрта юккъехула волавелча, «Пушкинский сельмаг», «Пушкинский сельский Совет», «Пушкинская средняя школа» йозанаш доьшура ас...

Урбахохъ со чохъ волчу вагона тле хъалавелира соьл ханна воккхо казах. Иза суна улле охъахира. Тхойшиннан къамел тасаделира, ах гIиргIазойн, ах казахийн маттахъ. Ас сайна церашца бен ца бевза казахийн поэташ, яздархой: Ауэзов, КурмангIазиев, Джамбул Джабаев вевзий хъуна бохуш, хоьттуш. Бакъду, суна Джамбул Джабаевс язйина цхъа-ши стихотворени хъара дагахъ («Ленинградцы, дети мои»). Некъ бацбархъама дара ас дуьйцург.

И казах Джаныбек станцехъ охъавоьссира. Со кхин уллехъ стаг воцуш висира. Цхъадика, кхин билет, документаш ца хоьттуш, со Астрахане кхечи.

Аштаркханехъ берхIитта шай доккхуш йолу кхо морожни эцна, хьалхий-тлаъхий уьш дIайиьна, гIалига хъажа, трамвайна тле а хиьна, вахара со. Лелла, юха вокзале веьча, сан ирсана длахоьттича санна, лаьтташ «Астрахань-Минводы» церпошта яра. Хазахийтира суна, суо цIа кхаьчна ваьлча санна. Вокзал чу а вахана, и дIайоьду хан а хиьна, со перроне велира. Поезд дIайоляла йисинарг цхъа сахът ткъа минот бен хан яцара. И хан волавелла лелаш дIайлийтина, со церпоштана улле вахара. Пассажираш вагонаш чу хъалабевлира. Цхъана минотна нефарера кондуктор дIаваьлча, со вукху вагонан тамбур чу велира..

Церпошт Даймахкехъа дIайолаелира. ХIора чаккхарма тлех мел теси, со дуьнен чу ваьлла мохк гергахъа телара. Цхъадика, ас хьалха ма-аллара, Аштаркхнера Гуьмсе болу беа некъ, Дала аьгто беш, соьга цхъаммо барт ца хоттуш, чекхбелира. Гуьмсе со кхаьчча, шийтталгIачух итт минот яьллера.

Винчу юьртахъ

Со жима бер долчу хенахъ, сан ненан йишас Заас со, ги а воьллина, корталица шад бина, гехъ Гуьмсе вигнера. Иза Гуьмсехъ вехачу Iабдуллин хIусамнана яра. Гехъ волуш, тлаъхъаша кхеттачу малко сан букъ бохбора. И дага а лаьцна, со малхана дуьхьал аьчкан некъаца дIаволавелира. И некъ хиллера Махачкалара Баку боьду некъ. Айса 2-3 чаккхарма некъ бинчул тлаъхъа, кIад а велла, некъан йисттерчу за даькхинчу кокнан синтаршна юккъе, ИндагIе охъахира со. Дуккха а деношкахъ дегIах хи кхарзанза, бедарш йиттанза волу со дегI кIамлуш вара...

Церпоштан некъана уллехула болчу некъаца тлехволуш нохчийн лекха куй коьртахъ велосипед хъхкина вьодуш цхъа стаг гира суна. Иза тлехвалийтира ас, юха, тлаъхъавахча, цхъана казарме кхечира со. И стаг, ара а ваьлла, бешахъ метиг етташ воллура.

– А где здесь Цацан-Юрт? – аьлла, тле а вахана, салам а делла, хаьттира ас.

– А какие приметы были там? – элира цо.

– Посреди села протекала речка Хулхулау...

– А это, вон ту гору видишь, за этой горой, – аьлла, Гуьмсехьа йолчу реглана тIе пIелг хьажийра цо.

– Баркалла, – элира ас.

Чу а вигна, шен дандолу хьошалла дина, новкъаваьккхира цуо со.

Цуьнан Юдика а йина, со юханехьа Гуьмсехьа волавелира. Аьчкан некъан белхалочуьнга хаьттира ас:

– А где здесь речка Хулхулау?

– Вон тот подъем видишь? После него на правой стороне течет эта речка, – жоп делира цо. Цунна баркалла а аьлла, со дIаволавелира. Кхочу-уш, асфальтан некъан йистера машенаш социиле кхечира со. Со цига дIакхаьчча, бухаьх лекха, андий догIмаш долуш, гуо шуьйра лекха шляпанаш коьртаьх йолуш виь стаггий, кхин божарий а, зударий а лаьттара. Со и виь стаг, велаьх а, вацаьх а, жуьгтий ву хьуна бохуш, Ийра. Цара коьртаьх и шляпаш лелайо бохуш хезнера суна.

Цара къамелаш оьрсийн магтахь дора:

– Гудермес красивее, Гудермес красивее стал, – бохуш, оханехьа а хьожуш. Цьхана хенаьх еана кира лело машин дIахIоьттира. ХIетаьх автобусаш Iаламат кIезиг яра. Цу машин тIе хевшина тхо Курчалойн эвлаьх базар хIуттучу меттигехь долчу кешнашна улле охьадиссийра шоферо, ша шу тIехь долуш юьрта ваха ваьхьар вац аьлла. Пассажираша шоферна пхиппа сом делира, ас, со жима хиларна, вуьтург хир ву аьлла, кхо сом делира.

Суна ала дицделлера: Гуьмсан регIа хьаладевлча, гуьмсахойн кешнашка кхаьчначу хенаьх, ас дIа бIаьргтоьхча, суна тхайн эвлайстера доккха акхтарг гучуделира. Цунах хиира суна, тхайн юрт йолу меттиг. Бераллин хенаьх тхо и доккха акхтарг долчу ловза доьлхура. ВорхI-бархI бери, вовшийн куьйгаш а лоций, акхтарган стоммалла юстура. Церан куьйгаш халла дуьхь-дуьхьал кхочура...

Цу акхтаргах бIаьргкхетча сан хилла ойла, суна хилла хазаетар лур дацара дукха мах баларх. Винчу юьртан тамехь, мерза хьожа кхийтира сьха...

Машенара охьавовссича, юьрта йистерчу базарний, кешнашний дуьхьал болчу некъа хьалаволавелира со. Некъа йисттехь йолчу кранан тIам охьа а таIийна, шийла хи мелла, юьрта юккъехьа волавелира со. Вай махкахдаьхча, Курчалой боху юьртан цIе дIа а яьккхина, цуьнан меттана олуш хиллера Шурагат.

Со юьрта юккъерчу коьрта ураме кхечира. Курчалоевский район а Шурагатски хилла дIаяхнера. Юьрта юккъехь дIатоьхначу цIечу кIади тIехь, кIайчу сирца яздина: «12 марта Выборы в Верховный Совет ДагАССР. Все на выборы!» – аьлла. Со цецвуьйлура, ванаьх, вай махкахдахале, Цоци-Юрт а юкьайогIуш, Нохч-ГIалгIайн АССР ма яра хIара, хIинца дегIастанхойн ю-те хIара, бохуш.

Со цIехьа дIаволавелира. Кхочу-уш, Гелдагана а кхечи со. Малх регIа тIехьа баьлла хан яра. Ас лаьтташ болчу нахана юккъерчу цьхаьнга пIелгаца ишар йира, сайна тIевола аьлла. Иза тIевеара.

– Где живет здесь Эндишов Мамед? – аьлла, хаьттира ас.

Лакхаьх а хьаьжна, аьтту куьйган хьажо пIелг дIа а хьажийна:

– Вон столб, видишь, напротив него его дом, – элира цо.

Цунна баркалла а аьлла, хьалаволавелира со.

Некъа йисттехь догIуш тагол дара, тIехула тесна у а долуш. Цу тIе ког биллина, дехьаваьлла со, церан неIаре кхечира.

– ХIей нах, хьаша тIеобций аш?! – мохь туьйхира ас.

НеI дIа а йиллина, нохчийн магтахь со вистхуьлуш хезна хIусамнана, кхера а елла, «ахI, ахI» аьлла, ши-кхо гIулч юханехьа элира.

– Хьо кхера ма луо, со-м шун тайпанан нах, Хьамзин Кусу, Зеин Иелимсолтий, ИбрахIимий, Иелимхий, Болчиханова ХIижанар а болчуьра – Токмакера – веана вай, – элира аса.

ТIаккха цуо, кхин йист ца хуьлуш, куьйган ишарца чохьхавала элира.

ХIусамнанас (цуьнан цIе Хьавани юй хиира суна жимма Ийча) шен кIант

хъажийра цийндена тлаъхъа. Иза лулахошка вахана хиллера. Масех бусадийнахъ тоъал наб янза волчу суна маънги тле хиъна Iашшехъ набкхетта хиллера, биллина гайба а боццухеъа. Цхъа ахсахът даълча цавеанчу хIусамдас соьга салам делира, вовшашна мара а иккхира тхойшиъ.

– Хьо хъенан ву? – хаътира цо.

– Молла-хъаъжин Сайдцелиман кIант ву, – элира ас.

– Хьо стенгара веъна?

– Со Токмакера, ас лакхахъ цIераш яхна багарбина шун тайпанан нах болчуъра веана, уыший, тхой цхъана колхозехъ Iаш ду...

Охашимма къамелаш дечу хенахъ, со набарна охъаоьхуш вара.

– Дика ду, хьо кIадвелла куц ду, дIавижа, дисинарг кхана дуйцур вай, – аьлла, со паргIат витира.

Охашимма буйцург нохчийн мотт бара, цунна вайн мотт бицбаланза хиллера.

ШолгIачу дийнахъ тхойшиъ уйтIа велира. Со бIаьрго ма-лоццу гучу юьрте хьобжура. Маъмидас, пIелг хъежош, суна гойтура:

– ДIоранаш Баудди цIенош ду хъуна, хIорш – Iелимсолтин, хIорш – Iелимсин, царна уллернаш ИбрахIиман ду, – бохуш, Iаьндийн цIенош гойтура цо суна. Суна-м церан бала а бацара, юха цIавахча, цара тхан цIенош долуш дарий аьлла хаттахъ, дара аьлла, жоп дала бен. Сан ойла тхайн урамехъ яра.

– Урс дуй хьобгахъ? – хаътира соьга Маъмдис.

Ас, киснара схъа а даьккхина, къолам ирбо жима урс дIагайтира. И урс соьгара Арысехъ схъадаькхинчух тера дара.

– Делахъ, оцу уьрсаца сара а баккхий, цу тIера чкъор дIадоккхуш, къайллах кIелдIахула бIаьрг хъажош, шайн цIенош долчу юккъехула вола а лой, схъавола.

– Маъмида, суна вайн рузбанан маъждигна уллерчу школахъ со доьшуш волуш кхузза цхъатерра гIан гина, суьйлийн, Iаьндийн, гIумкийн, оьрсийн берашка, уьнна тIехула оьллинчу карти тIе пIелг Iуьттуш: «Вот мы здесь жили, во Фрунзенской области, недалеко от города Токмак, на расстоянии 15-16 км», – бохуш.

– Цу чу ма гIохъа, иза кхераме гIуллакх ду. Шайн юккъехула лелий, схъаволахъа, – элира соьга Маъмида.

Сайн гIуллакх маьрша доций хиира суна. Цуо ма-боххура, сара а баьккхина, цу тIера чкъор уьрсаца дIадохуш, тхайн урамехула волавелира со. Воьдуш, тхайн цIа лаьттинчу барза тIе кхечира. Цу буйххъе ваьлла, со гIурволчу агIорхъа дIахъаьжира со. ЦIенош лаьттинчохъ кегIина гериг бен, кхин хIумма яцара. ЦIенойн гIирс баго дIабаьхъна хиллера. Уьш ягочу хIуманна юьртара арабовлуш а ца хилла. Цундела хъаннаш юкьелла яра.

Со кхидIа цIенойн тидамбан малхбалехъа дIаволавелира, уьрсаца сараг тIера чкъор а доккхуш. Урам, нагахъ бен цIа доцуш, баьсса бара. Сан ден вешин Ибхъажин чохъ Iаш берш Быстрицкий фамили йолуш оьрсий хиллера.

– Быстрицкий хIун болх беш ву? – Маъмиде ас хаътича, цо жоп делира:

– Колхозехъ ву, парторг, партийни «старый волк» ю, – аьлла.

Вайн къам цIадирзинчул тIаьхъа иза Шела кхелхина дIавахнера. Цул тIаьхъа ас цуьнан районни газета тIе тоьхна «Я видел Ленина» цIе йолу статья йийшира. Эскарехъ волчу хенахъ иза Ленинна ха деш хилла, олура. Церан хIусамна тIехваьлла, со кхидIа а, эвла йистехъа, волавелира. Воьдуш, тхайн дас хадеш хиллачу хъаьтта лаьттинчу метте кхечира со. Цоци-Юьрт, нисса шина декъе йоькьуш, охъадогIуш ду Хулхуло... Молотовн цIарах йолчу колхозан хъаьттахъ хехъ волчу тхайн дена юург оьций тIаьхъавоьдура со. Нанас, чIепалгаш дой, уьш ши тIам болчу яй чу дохкий, тIехула даьтта дуттий, кечIора юург...

Суна бераллин хан йиц ца лора. Хъаьтта лаьттинчохъ жимма Iийна, со юха а тхайн ураме велира. Тхайн цIа лаьттинче юха а бIаьргтоьхна, Маъмди волчу хIусаме вахара.

– Гин хуна шайн юкъ? – аьлла, хаьттира Маьмида.

– Гин, дукха ирча юкъ-м, – жоп делира ас.

Ирча елахь а, дагна хьоме-м яра бераллехь буьрканах, гIулгех, тIе тIулгийн сицкъараш детташ, аьчкан ахчанах левзина, Iай салазаш хихкина, Iодаца пхерчий кхуйьсуш хан якккхина меттиг.

– Тховса кху чубогIур болуш лулахой бу хуна вайна. Ас цаьрга хьо Бакохарчу хьешан кIант ву аьлла хуна, со волчу хьажа-хIотта веана. Ахь а изза алалахь цаьрга, нохчийн мотт, цIена ца буьйцуш, бохабай бийцалахь, – элира соьга Маьмида.

МаьркIажан бода кьовлабелча, МаьмидагIаьрга веара виь стаг. Жимма хан яьлча, соьца кьамеле бевлира уьш, цхьацца хеттарш а деш.

– Со Бакохара Маьмидан хьешан кIант ву, кхаьргара хьал-де хаа, дас вайитина, – элира ас, сайна хьеха ма-хьеххара.

– КIант, хьо ма сингаттаме, гIийла ву. ХIун ду хьан сагатдийриг? – хаьттира царах цхьамма.

– Вац со-м хIумманна а саготта, – олу ас. Амма царна жоп дала соьга ца бийцало бохийна нохчийн мотт.

– Шу долчохь кхин а дукха буй, ахь санна, нохчийн мотт цIена буьйцуш шун нах? – хойтту цара .

– Тхо долчохь ворхI доьзал бу-кх, иштта цIена нохчийн мотт буьйцуш. Оха тхайн мотт, биц ца беш, Iалашбо, цхьаьнакхетча, даима а вовшашка буьйцу. Делахь а, азербайджанцийн мотт а хаьа тхуна.

ХIусамден, сан а аьшпаш гучубевлла делахь а, я тхобца самукьне ца хеттехь а, уьш, хье ца луш, дIабахара. Цара вовшашка «хьаьна вачIа» бохуш, дечу кьамелах со а ца кхетара. Уьш дIабаханчул тIаьхьа, хье ца луш, тхо а дIадийшира. Iуьйрана Маьмида соьга хаьттира, мичхьахула веана Кавказе. Ас дийцира айса бинчу некъах.

– Хьо генахула, го тосуш, веана. Бакохула хIордал дехьаваьлчхьана, Юккъерачу Азе дIакхаьчний ву.

– И дагахь-м со а вара, – элира ас.

Ханна воккха велахь а, Маьмида географих, историх, политиках долчу хIуманех дика кхетам болуш стаг вара.

Кхузахь йоккху хан ас нагахь кхеран уьйтIахула, бешахула а волалуш якккхира. ШолгIачу дийнахь Iуьйрана хьалагIевттича, Маьмидас соьга элира:

– Со, хIара хIусамнана эцна, Междуречье (Шела) ваха дезаш ву, хьо вайн берашций цахь Iе.

– Берашца цахь Iийна ас хIун дийр ду, со а дIаваха новкъавер ву. Сайн са лаьттинчу меттигашка со кхаьчна, хьаьжна ваьлла, – элира аса.

ТIаккха, Шела дахар а дитина, сулун ялтех диначу деман бод хьакхо юьйлира хIусамнана. Оцу бедах бина хьокхам а бетина, кхин тIе итт хIоа а кхехкийна, ахчанах хаьдда мур шайна хIоьттина хиларна, бехкалабахана хьийзаш, соьга пхи туьма ахча кховдийра Маьмида:

– Кху муьрехь ахчанна кьелла ю тхобгахь, кIезиг делахь а, некъана хIара пхи туьма ду хуна. ДIаэца, – олуш.

– ХIан-хIа, оьцур дац, со некъана кечамбина ваьлла ара, соьгахь ахча долуш ду, – элира ас. Бакъдерг аьлча-м, соьгахь диснарг ши туьмин пхи сом бен дацара. Иза кIезиг ахча дара «Беломор» сигаьрканийн ботт ши сом ахсом, ткъа «Казбекан» ботт – кхо сом доккхуш бара. И пхи туьма, кIезиг хеташ схьа ца оьцуш ду Маьмидна хетахь а аьлла, схьайцира ас. Дала сагIа дойла цуьнан иза! Новкъахь ахча кхачадахь а, сан дегайовхо яра цIена бубрикан пальто. Ца хуьлчу далахь, иза эха мехах йобькича а, сайна цхьана ханна шай-кай хир юй хаьара суна.

Со тIевоьссина хIусамдай больнице баха гIортар бехказло хиларх кхийтира со, хIунда аьлча ас со новкъавала везар хьахийча, цара со дахьажо сихоярехь, суна новкъабаккха кхача а кечбарехь. ХIусамнана, со дуьххьара кхарна тIевуссучу дийнахь санна, могаш яра, цара кхин больница а ца хьахийра.

Могашалла хийцяларний, валар-висарний дукха хан ца оьший-м хууш ма дай вайна. Сан ненан ваша Токмакехь, урамновкъахь д'авоьддушехь, «Ва Кавказ!» – багах долуш, охьа а кхетта, веллера. Маьмидг'арна со бахьанехь сингаттам т'екхевдина лаьтташ буй хаьара суна, цундела ас цунна мискъалан зарратал бехк ца буьллур.

Хюаш пальтонан кисанаш чу а дехкина, хьокхам чета а боьллина, т'аьхьхьара Маьмидна, Хьавана мара а иккхина, со новкъавелира, хьомечу юьртана, виначу Даймахкана а букь берзош, Юокьерчу Азе боьду некь юьхьарлоцуш.

Оцу хенахь Цоци-Эвлахь участкови инспектор цхьа б'аьрг болу т'абид хиллера, стагана хьовзам баьлла, бохам хилча, самукъадолуш, цуьнгахьара а хиллера кхерам суна, со т'евоьссинчу х'усамдайшна а. Юьртара нах а бацара кхуза нохчий хьийза лууш я уьш бийца саготта а.

Юьрта юккьехула чекхболучу урамехула Малхбалехьа д'аволавелира со, кхин цкъа а сайн ненан коша т'е а х'уттуш.

– Дала гечдойла хьуна, декъал а йойла, – бохуш, кошан борза т'ехула экам куьг хьокхуш, б'аьргех леда т'адамаш цу т'е а эгош, дикка т'ийра со.

Кийрара шад бастабаллалц вилхира со – сох кхарда гонах аддам ма дацара.

Эххар а:

– Марша т'ойла хьо, Дадаш! Хьуна уллера к'ордийна-м т'ур вацара со оцу хийрачу махка, амма ца вахча ца волу-кх, цигахь берш хир бу-кх суна сагатдеш, царна хууш ма ца ваьллера со Даймахка ван ара. Хьан т'одика т'ойла, Дадаш! Дала хьуна юххехь, кху лаьттахь, дойла тхан д'адоьрзу каш-лахьта! – аьлла, д'авахара со кешнашкара.

...Гелдганахула чекхваьлла, Курчалойн-Эвла кхечира со, дуьхьал цхьа да ца кхеташ. Цигара д'а Гуьмсехьа некь бира ас, Мичик-хина т'екхаччалц. Цунна тиллинчу т'айх дехьаваьлча, четара хьокхам схьа а баьккхина, юккьехула кагбеш, бийкьира ас. Цхьа ах аьтту аг'орчу коьллашна юкьа охьабиллира, цхьана садолчу х'уманийн рицкъа хир-кх хьох аьлла.

Цоци-Эвлара дуьйна т'аш бинчу некьо т'елвинера со, цундела и ахьокхам а беза мохь хетара. Мичиган хи а мелла, киснара схьа а доккхий, ц'андой, цхьацца х'лоа дууш, Гуьмсехьа д'аг'юртира. т'уйрана исс сахьт даьлча Цоци-Эвлара араваьлла со, оцу некьахь кхин д'асайоьдуш чкьург керчаш х'ума ца гуш, делкъал т'аьхьа кхо сахьт долуш Гуьмсе кхечира.

Со д'акхаьчча, станцехь лаьтташ яра «Гудермес – Махачкала» ц'ерпошт. Со цу т'е к'айллах хьалаваларций, ц'ерпошт д'айолаелира. Дикка некь бинчул т'аьхьа, суна т'евеанчу проводнико эзира соьга:

– Я у тебя билет не спрашиваю, но скажи мне, кто ты по национальности.

– Я татарин, живу в Астрахани, еду к родственникам в Махачкалу...

Сан аьрзуна з'лок санна болчу мерах шекваьлла, нохчий ву-теша х'лара бохуш санна, хьоьжура иза соьга. Сох мел шек хиллехь а, ша делла дош-м кхочушдира цо, кхин соьга хаттарш ца деш. Т'аьхьо хиира суна иза т'умки хилар. Суна т'е кхин цхьаннан а тидам ца боьдуш, Махачкала д'акхечира со. Вокзалерчу киоск чуьра лимонадан шиша эцна, жимма юьстахочу нехашчутосургна уллерчу т'анта т'е хиьна, сайгахь дисинчу х'оьх, хьокхаман юьхках т'етахь дира аса. Ас х'ума кхаьллинчул т'аьхьа дикка хан яьлча, кху станце схьакхечира «Москва – Баку» пассажирийн ц'ерпошт. Оцу ц'ерпоштна т'ехиира со. Кхин цхьаммо билет я кхаташ ца хоттуш, дикка некь бира ас, дукхадерг тамбур чохь хан а йоккхуш. Иштта схьавогуш, соьца тамбур чохь сецира цхьа жимха. Оцу накьосто:

– Байтахтанын черчиханан Ереван! – бохуш, мохь хьекха болийра, кхин юхаверза а ца туьгуш.

– Х'ай к'ант, т'ад'ехьа, вайшингахь билеташ дацара, вайшиь гучуваккха волу-кх хьо, – бахарх, иза туьйриг а ца хилла, со кхечу вагонан тамбур чу вахара.

Бакохахъ

Делкъал тѣахъа ши сахът долуш цѣрпошт Бакох дѣакхечира. Географин урокхъ миллион адам чохъ дехаш гѣала ю бохуш юйцура хѣара, муха гѣала ю хъажий аѣлла, волавелира со цуънан урамашкахула. Лела-аш, базара нисвелира со. Кевнал чохъба адамиин тоба яра. Цунна тѣевахара со. Хѣорш тѣаранах ловзуш бара. Нах дѣасатоъттуш, улле вахча, кхо тѣара хъийзош воллуш цхъа стаг вара. Оцу стагана хъалха цо даьккхинчу ахчанан гѣехъа оъла яра. Нах санна, со а вара цо хъийзошу тѣаранех, муълхачунна кѣлаохъ бу теша каро безаш болу сакха хаа лууш. Ас сайн дагахъ билгалбинчу тѣарина кѣл, дукхахъолахъ, нис а лора иза. Тѣерий хъийзош верг хѣилла долуш, каде стаг вара – цо наггахъ нахе а доккхуъйтура ахча. Делахъ а, дукха хъолахъ цуънан болура кхаж. Цунна хъара, ша наггахъ мукъане а ахча нахе доккхуъйтуш ца хилча, уш шеца ловзур боций. Цу юкъатосург пхи туъма ду. Сайгарчу пхеа туъманна тѣе кхин а пхи туъма даьккхича, ма дика хир дара бохург дара дагахъ. Цкъа ловза дог хъавъзаш, юха, карарниг а дѣадаккхийтахъ, хѣун дан деза бохучо юха а уъйзуш, шина даггахъ лаьттира со. Эххар а, хѣан-хѣа, стигларчу гѣургѣезал, карара хъоза гѣоле ду боху хъекъале алар дага а деана, юхавелира со. Цигара дѣавоъдуш, хѣорджеманийн дѣахѣуъттийле кхечира. Кассан берте а вахана, хъаьттира аса:

- Когда пойдет пароход в Красноводск?
- Вот, только что отправился в пятнадцать часов, – жоп делира кассиро.
- А завтра будет рейс? – хотту ас юха а.
- Нет, он ходит через день...

Со Бакохахъ бѣаьргбетташ волавелла ца леллехъ, хѣинца хѣорджеманыхъ дѣавоъдуш хир вара. Ткъа хѣинца де-буъйса даккха дезаро сан кхузахъ. Де суъйренгахъа мел лести а, буъйса яккхаран гѣайгѣа яра суна.

Пристанца хоттаелла генайоццуш пассажирашна лерина зал хиллера кхузахъ. Цу зал чу а вахана, цѣрпошта тѣехъ набъянза хѣоьттина волу со, гѣанташна тѣехъа цѣнкъарчу аннаш тѣехъ дѣатевжира, гѣайбин меттана гѣевланга сайн аьтту пхъарс а биллина. Суъйренан бода къовлалучу хенахъ нах, кехаташ а хоьттуш, чубита болийра зална, гѣанташна тѣехъа волу со гина ца хиллера. Ткъа нах цу зала чу алсам гулбелча, со а царах дѣаййра, кхин цхъаммо а тергал ца веш. Оцу муърехъ а Дала сан аьтто бира, арахъ буъйса ца йоккхуъйтуш. Цу буса дика набйира ас, сахиллалц кхин ха а ца хорцуш.

Юъйрана хѣорда йистехъ йолчу аллее вахара со. Цигахъ дика кходош кечйинчу кондаршна шина а агѣор дѣахѣиттийна гѣанташ дара. Самукъане меттиг яра иза: схъатѣуъдуш яра хѣордан лекха тулгѣенаш, дегѣана аьхна хѣордан хѣон чомах ийна мох, хъан генене кхевдина ойланаш хъоьстуш, маьхъаршца тѣехула хъийза хин олхазарш. Март беттан юккъера денош гѣехъа довха ала мегар долуш дара Бакох. И де дукхахдерг оцу хѣордан йистошца дѣаделира сан, волавелла лелаш я хиъна ѣаш. Шолгѣа буъйса яккха езара цхъанхъа. Де суъйренга лестачу хенахъ тѣевеара суна оьрсех волу ши жимха, сан хеннара хир волуш. Тхо вовшашца къамеле девлира, хѣораммо а ша лелориг а дуъйцуш. Тѣаккха царах цхъаммо олу:

– У меня имеется паспорт, а у вас двоих его нет. Если ты купишь нам батон и бутылку лимонада, то я со своим паспортом добьюсь разрешения на нас троих, чтобы нас пропустили в помещение порта для ночевки.

Ас вахана батон, лимонадан шиша а деара цаьршинна. Оцу кѣнтан паспортах гѣуллакх а хилла, тхо кхоъ ас хъалха къайлахъ буъйса якккхинчу чу витира.

Юъйрана юха а хѣордан йистерчу аллее вахара со. Цигахъ со гѣанта тѣехъ хиъна ѣаш, суна тѣевеара узбеккий, оьрсий. Узбеко соьга хъаьттира:

- Ты откуда и куда едешь?
- Я чеченец из Фрунзенской области, живу вблизи города Токмак, тайком от родителей приехал на родину, бывшую ЧИАССР, теперь еду назад, в Киргизию, – жоп делира ас.

– Твоя свободная езда – это ерунда. Я из Армении убежал, оставив там все документы, чтобы попасть домой на «Айт-байрам».

«Айт-байрам» – марха досту де ду иза церан.

Цхьацца дуьйцу-уш, делкъахан хилира. Билеташ изцарх дерг хьахаделира. Узбекан клант бусалба хиларна, ас сайгахь мел ахча ду хаййтира цунна, тхойшинна юкбахь къайле хила ца йоглуш хетарна. Хордакема дадоьду хан гергакхача йоблча, со кассин берте вахара. Билетан мах пхи туьма воккхачуьнгара, ши туьман пхи сом жимачуьнгара бара лахарчу гат чохь, ткъа лакхарчу гат тхьхь – вархI туьмий, пхи соммий.

– Дайте мне детский билет, – аьлла, ши туьмин пхи сом дакховдийра ас, жима ву мотгийта, геххьа голаш гехь лах а луш.

– Ты уже взрослый, детский билет выдается только детям до десяти лет. Если я тебе и выдам детский билет, то все равно тебя на пароход не пропустят, – элира цо.

Ши билет хир ду бохучух догдилла дезий дахаййтира ас узбекан кланте. Цо элира, ша некъана кечам бина араваьлла ву, ша билет оьцур ду, ткъа хордакеманна тге хьалаваьлча, ша иза суна охьакхуссур ду. И гуллакх цо ма-бохху тхайшшиннан чекхдер ду моьттуш, дагна там хилла лара со. Кема схьадеара, пассажираш трап йолчу кевнан берте бахара. Контролеро, билеташка а хьобжуш, нах кеманна тге хьалабовлуьйтура. Билет долчунна уллехь накъост хилча, цо иза, ша новкъавоккхуш накъост ву олий, чувуьгу. Ткъа соьгахь я билет дац, я цхьа а новкъавоккхуш а вац со.

Ков арахьа а долуш, хордехьа йолчу агор, хордана йисттехула, тулгешна дуьхьало хилийта, доьттина деха бетонан ога дара. Оцу оганна тге а ваьлла, аннийн трапана тге а кхоссавелла, нахана юкъя даийра со. Трапа тхьхь дукха адамаш дара, шайна юкбахь милицин белхалой, эскарера эпсарш, салтий а болуш. Хордакеманна тевала тесначу трапан юьххьехь, дуьхь-дуьхьал а хьобттина, лаьтташ шиь контролер вара. Цхьана контролеро букь берзийча, вукхуьнга къайлах ши туьман пхи сом кховдийра ас, со хьалаваларна кхеравелла делахь, я накъостах озавеллехь а, цо соьгара ахча да ца ийцира. Таккха кеманна тге хьалаваьлчачу узбеке куьйгаэшаршца хаам бира ас, билет охьакхосса аьлла. Цо иштта уьшаршца хаййтира суна, шен билет датгийна хилар. Кема дадоладала йисина миноташ кхайкхош яра радиочухула. Кемано а лора ехха сигналаш, ша дадоладала хан гергакхачний хоуьйтуш. Буйна доьллинчу хьозанан санна, детталора дог. Таьххьара а: «До отправления парохода осталась минута», – аьлча, катобхна палубин биргIа схьа а лаьцна, лахь, висахь а аьлла, кхоссавелла, хордакеманна тге хьалавелира со. Узбекой, цуьнца волчу оьрсичой, катобхна ши пхьарс лаьцна, давадийра со бухарчу гIатт чу. Тхо бухадиссаррий, кема дадоладаларрий цхьаь хилира. И сила долу адамаш хьобжуш долуш, ас гайтинарг сонта «майралла» яра. Делахь а, оцу хьолехь кхин цхьа а агIо яцара кеманна тге хьалавала.

Бухара гIатт хи чохь ду, корехула арахьаьжча, хорда чуьра черий а гуш. Со цхьаь лобхуш хордакема рейс ечуьра ца сацийра, билет доцуш со хьалаволуш гинехь а.

Кема да а доладелла, тхо паргIатдевлча, оьрсийн кланта соьга духалург ахча дийхира, ша Красноводске дакхачча дIалур ду хьуна аьлла.

– Ахь хIун до ахчанах, кеманна тхьхь столови я буфет, я ресторан а яц. Те, соьгахь сайна юург эца а кIезиг ахча ду, – аьлла, ца делира ас цунна ахча. Оцу клантах ца тешара со.

Гуьйрана ялх сахьт долуш Красноводске кхечира тхо. Охьадуьссуш билеташ хоьттуш цхьа а вацара. Тхо кхоь кхузахь дIасакъаьстира. Берда тге девлла, екьачу метте тхайш нисделча, мацах обаргаша ма-аллара, кепеккал гIа даьлча-м, шина кепеккал пусар ца дора шаьш бохучу ойлане ваьллера со. Красноводске кхачьча, со ца кхачьча санна хийтира суна. Кхузара да, кира лелочу вагонех тийсалуш а, сайн цIерачарна тге ца кхочуш вуьсург цахиларх дог тешна вара со.

Гум-Азехъ

Вокзале вахана, цѐрпоштанийн расписанига, билетийн мехашка а хъьжира со. Фрунзе билетан мах пхийтта туйма бара. Дависа, и ахча хила а хилла, цунах билет а эцна, дакхачалц наб муха ца ен ярий бохуш, ойланаш коьрте хыйзаш, лаьттира со вехха.

Красноводсках жимма бѐаьргтоьхна, юха а вокзале веара со. Станцина кьилбехьарчу кевнехъ ха деш йолчу зудчунна со ца гойтуш, кьайллах меттиг лаха хѐобтира. Оцу хенахъ цхьана боккхачу чхарна тѐхьара гучу а ваьлла, гехъ пхобаззайолу топ йолчу ондачу дегѐах оьрсичо, схьа а лаьцна, хьаттира соьга:

– Ты чего здесь шляешься? Не знаешь, что здесь охраняемая зона?

– Если это охраняемая зона, почему Вы прячетесь за каменными глыбами? Если бы я Вас увидел с винтовкой на посту, то я не приблизился бы к этому месту. Вы сами нарушаете правила охраны социалистической собственности, – элира ас.

– Ах ты, молокосос, еще учить меня будешь, а ну-ка, пошли в милицию! – аьлла, кхин пхьарс дѐа ца хьобуш, цо станцерчу милице дѐавелира со.

Оцу отделенехъ хьѐна Іаш кхо милцо вара. Цара хеттарш дан долиьра:

– Откуда едешь?

– Из Баку.

– Кто по национальности?

– Кумык.

Европехъ гѐезало хиллехъ а, кхузахъ гѐумки хилира сох.

– Как фамилия?

– Махмаев Магомед.

– Сколько лет?

– Пятнадцатый год пошел.

– Учишься?

– Да.

– В каком классе?

– В седьмом.

– Куда едешь?

– В Небит-Даг.

– Учишься в школе им. Сталина?

– Да, – олу ас, Небит-Дагехъ иштта школа сайна ю-яц ца хуьушехъ.

Цул тѐаьхьа милцоша:

– Иди и жди свой поезд на вокзале, – олий, со дѐавохуьйту.

Дукха хан ялале хьалхарчу некъа тѐе дѐахѐутту «Красноводск – Москва» цѐрпошт. Со вокзалан перронехъ хьобжуш лаьтта. Пассажираш хьалабовла буьйлабелча, со тѐехьарчу вагонна тѐе вьоду. Оцу вагонах массо а уьдуш хуьлура – иза дукха чѐоѐа техкаш хуьлу бохуш. Нах хьалабевлачул тѐаьхьа, кондуктор гучуьра а валиьтина, со а хьалавелира. Ши вагон вовшехтосучу аьчкана тѐехѐутту со, муьлхачу вагон тѐера ву ца хайтархьама...

Цѐрпоштано йорт иьцира Малхбалехьа. Ши-кхо сахьт даьллачул тѐаьхьа, хьан билетца-м бала бацара тхуна, хьайн кехаташ гайта аьлла, хьовзийра со вагонаш чухула чехкхьовлучу салтийн патрульхоша. Цаьрга а ас, со пхийтталѐа шо долуш дешархо ву элира, паспорт доккху хан йоцуш, тѐе со колхозехъ хиларна, хан кхаьчча а лур долуш дац иза. Кхин со хьйза ца веш, дѐавахара и шиь. Жима а хетта, Іадвитина хир вара-кх цара со. Красноводскера Марь-Гѐала кхаччалц, Иран пачхьалкхаца доза хиларна, салтийн патрулаша а ларьеш хиллера и меттиг.

Небит-Дагехъ и цѐрпошт дѐатесира ас.

Цигахъ цѐрпошта тѐехевшина контролераш билеташ хетта буьйлабелча, вагонан тхов тѐе хьалавелира со. Туркменехъ март баттахъ, вай долчохъ аьхка санна, йовха хуьлу, цундела суна, тхов тѐехъ мох беллахъ а, шийла яцара. Бѐаьрго ма-лоццу шера аренаш ю кхузахъ. Цѐрпоштах цецѐвлла, тѐехьарчу когаш тѐе

хИттина, вортанаш яхйина, и аре мел ю оьпанаш ю, гIаролаш санна, лъятташ. Ас-м, сайга хаьттича, кху аренех гIамарийн аренаш ца олуш, «оьпанийн аренаш» эр дара. Туркменин коьрта шахьар Ашхабад а тIаьхьяюьгуш, Мары-ГIала кхечи. Охьавоьссича, хезаш яра, и перрон а Iадийна, локькхуш туркменийн эшар: «Бян келермин, сьз келмяс сьз яр-яр, могIан келсен булат мекен яр-яр». Локькхучу эшаран мукьамца байн ког а бетташ, Iаш вара со, перронан йистте а хиьна. Цехьхана тIекхетта, цьхаммо тIехьашхула схьалецира со. Иза хиллера Красноводсканий, Мары-ГIалиний юккьехь цIерпошта ларьеш волу белхало.

– Ты с Красноводска без билета едешь, а ну-ка, пройдем в милицию! – аьлла, со дIаозийра цо.

Цуьнан караравала дагахь, со тохавелира, амма вадалур ву бохург эрна дара. Цо со вокзалан милице дIавелира:

– Вот этот молодой человек без билета едет аж с Красноводска, – аьлла.

Кхара а, массанхьа санна, соьга хеттарш дан долийра:

– Откуда, куда едешь?

– Из Красноводска в Байрам-Али, домой.

– Зачем ездил в Красноводск?

– К родственникам.

– Какой ты национальности?

– Кумык.

– Нет такой национальности, а ну, покажи на карте, где ты живешь?

Пена тIехь дIатоьхна дара «Политико-административная карта СССР». Со карти тIе волавелира. Амма шолгIачу милцочо: «Есть такая нация в Дагестане», – олуш, тоьшалла дира.

ТIаккхьа соьга кехаташ хаьттира вукху милцочо. Ас хьалхалерчарна делла жопаш делира, воха а ца вухуш. Ас буттурш аьшпаш белыхь а, уьш тийшира сох, тIе, баккьалла а аьлча, уьш кьилахь пуьташ бацара, цундела Дала сан гIо дора оцу бехачу, халачу некьахь. Со ма вацара самукьадоккхуш, дуьненах бIаьргтоха араваьлла. Айса делла дош кхочушдар, Даймакхе бIаьргтохар, дукха хьалхе еллачу сайн ненан кошан барз хьастар – кхо хIума дара сан хиллачу кьовсамехь со толо везаш кьинхетамечу АллахIан гIо-накьосталлица. Даа кхалларх хIума, тIемала хий хилчхьана, со мацалло гIелвийр воций хаьара суна. Суна уггар халаниг набарна садеттар дара. Милцоша дIахецча, Мургаб олучу хи тIе вахара со. Хи чохь луйьчуш бераш дара. Цаьрга а хьобжуш:

– Рано еще купаться, – бохуш, Iаш гонах кхин а нах бара.

Со хьобжучарах дIакхийтира. Оцу адамашна юкьахь сан шайна тIехь тидам сецна виь стаг вара: цьбаь – лекхачу дегIахь, эпсарийн хорма тIехь йолуш, пиджакан хьалхе мидалша, седано дIалаьцна, шолгIаниг – лоха, шуьйра белш йолуш, кхоалгIаниг – лекха дуткьа дегI долуш, Iаьржачу аматахь, тIехь кIарула Iаьржа кастом-хечий долуш, воьалгIаниг – ханна ткьех шо хир долуш. ТIаьххьарниггий, некхьа тIехь мидалш ерггий билггал оьрсий вара, лекха дуткьа дегIахь верг – гIалмакхо, ткьа Iаьржачу аматахь верг туркмен хиллера. Садовш дара, буьйса яккхьа меттиг лаха дезара. Вокзал чохь набкхеттарг самавоккхура. Сетки чохь пирожкаш йолчу оьрсичо, вукхарна ца хозуьйтуш, соьга хаьттира, со стенга вьодуш ву аьлла.

– Фрунзе-ГIала ваха везаш ву, – элира ас.

ТIаккхьа цо:

– Мы с тобой попутчики. Я еду в Самарканд, – хайтира.

– Хорошо, будем добираться вместе, – элира ас.

Цул тIаьхья оцу суна керлаваьллачу некьахочуьнгара духалург ахча даьккхира гIалмакхочо. Мел дара-м ца хаьа суна.

– Вайша вокзал чохь сецча а, цу чохь набьян а вуьтур вац, цул а, соьгара духалург ахча даьккхинчуьнан ца гIо вайшиь. Цо шайн цIахь, цьба йоккхастаг бен, кхин цьба вац боху, шортта вижа меттиг бу боху. Нагахь цо вайга буьйса яккхарна ахча дехьахь, цо сайгара даьккхиарг чулара эр ду ас, – элира соьга керлачу некьахочо.

Оцу накъоста со тешнабехка кЕл вига там бара бохург суна дага а ца деара. Ца хиллий, суна тЕаьхъа хаа а хиира. Ас хьалха билгалваьккхинчу веаммой, асий дукха гена некъ бира оцу гЕалмакхочун ца ца кхочуш. Эххар а, гЕалин йистехъ йолчу паркехъ гЕанташ тЕе садаЕа хевшира тхо. Пхъуьйрахан тЕехЕоьттира. Тхо вовшашца къамеле девлира, наггахъ «бродяга бродягу трогаёт» боху дешнаш къамелна юкъа а далош. Сан накъост ву бохуш волчуьнан сетки чуьра пирожкаш лаххыйна дЕайиира вукху кхааммо, цуьнга хаттар-алар а доцуш. Эццахъ кхета вуьйлира со, со вочу нахах Еотгавелла хиларх, делахъ а, со воьхна гайта йиш яцара. Пирожкаш йиьна бевллачул тЕаьхъа, гЕалмакхочо соьга боху:

– Дай мне свое пальто, а то у меня хроническая малярия на холод, что-то очень я стал замерзать.

Ас сайн пальто дЕаелира. Цо сихха тЕеюьйхира иза, амма шуьйра, стомма дегЕ долчу цунна готта, жима а яра иза. Амма мел жима елахъ а, дЕаяккха дагахъ а вацара иза, ас цъа-ши сахът даьлча шега сьхаехча а.

– Подожди еще немного, – элира цо.

Цъа сахът даьлча, ас юха сьхайийхира пальто, тЕаккха цо элира:

– Где твое пальто? Если бы пальто было твое, то оно было бы на тебе, а не на мне.

тЕаккха, кисанара сьха а даьккхина, суна тЕе урс лецира.

– Значит, ты так отвечаешь на мою доброту. Бог не фраер, он все видит, и его кара достигнет подлеца, – элира ас.

Кхетта беттаса долуш, сирла яра буьйса. ГЕалмакхочо тЕелаьцнарг жоьлкыйн финка доцуш, чудулу урс дара. Цо цкъа тоьхна йиначу чевнах со лийр а вац, со велла моттуьйтуш, охъавужур ву-кх аьлла, сайн сапаргЕатдаьккхира ас. Цо суна урс ластадале, орден, мидалш а йолчу оьрсичо со, тЕхъашхула тЕекхетта, къевллина маравоьллира. Суна хьалха урс карахъ долу гЕалмакхой, туркменний ведда къайлавелира геннахъ. И шиь къайлаваьлча, со маравоьллинчо со, хьалххъа дукха чЕога дЕатоттуш, дЕахийцира. Со гора-бертал воьдуш, лаьттах куйгаш хьакхадалар бахъанехъ охъакхетанза велира.

Со дЕатеттина «орденоносец» суна тЕхъа лаьтташ вара, шек дЕа а воцуш. Сан-м дацара цунна дан хЕума, онда, зоьртала, хьийкъина стаг вара иза. ДЕабевддачарах цъхаммо шок туйхира, хЕара дЕавоьхуш.

Самарканде дЕаваха везаш волу сан некъахо ву соьца хЕинца виснарг.

Цуьнга боху ас:

– Почему ты за меня не заступился, ведь мы же попутчики?

– Ты же видел, как они съели мои пирожки без моего ведома. Они б и меня побиили, если бы я полез в драку.

Иза-м, сьхагучу суьртахъ, сох къахеташ вара:

– Вот сволочи, нахалы и негодяи.

И накъост луйчоьх а витина, со паркан маьПехъ йолчу милице вахара.

– У меня пальто сняли, документы и деньги забрали жулики, – элира ас.

– Мы сейчас выедем, подожди во дворе, – элира цара.

Арахъ дикка хьоьжуш Еийра со, амма цъа а гучуволуш вацара.

Юха а чувоьду со:

– Когда же вы будете выезжать? – боху ас.

тЕаккха цара боху:

– Где с тебя сняли пальто?

Ас:

– В этом парке.

Цара:

–А ты что делал в это время в парке? В ночное время и нам не безопасно ходить по парку. Лучше б гулял по городу, чем в парк заходить.

Аса-м дукхадолчунна кхаьрца хЕинца лелош дерг хЕилла дара, нагахъ сайга кехаташ хатгахъ а, хЕорш тешаш хилийта. Вуьшта-м, кхара къуй лобцуш къахьоьгур доций хъара суна.

Милицера со вокзале вахара. Вокзал чохъ цъхана оьрсийн зудчо боху соьга:

– Молодой человек, почему ты так легко одет?

Суна хIетахь я хIинца а дIоггара оърсийн мотт Iемина бац. Цо сайна тIехь йолу бедарш тиша хIунда ю боху моьттура суна. Ас цуьнга:

– Да у меня было пальто, но его с меня жулики сняли, деньги и документы забрали.

ТIаккха цо чIогIа, зал чохь болчарна хозуьйтуш:

– Ой, боже мой! У этого молодого человека пальто сняли, деньги и документы забрали жулики, – бохуш, гIовгIа якккхира.

Цунах йоккха паргIато елира суна. ХIинца-м хала дацара, со жоьлкаша чIанаваккхарна, хIоккхул адам теш долуш, кхин дIа некъ бан аьлла, вокзал чохь паргIат дIавижира со. Iуьйрана хьалагIаьттича, со юха а оцу парке вахара, селханлерчарах цхьа а сайна каравой хьажа. Уьш айса лехар эрна дуй-м хаара суна, хIетте синна паргIато ярхьама дара ас лелориг.

Со Мургаб-хин йистонца вокзалехьа волавелира. Оцу хин йисттехула ворда яххал шуьйра гIашлойн некъ бара. Мургабан бердаш лекха дара, цундела хи доьду гIад кIоргехь дара. Цу некъа схьавогIуш, бердах киртигаш яьхна, хи чу вуссийла йолчу кхечира со. ДIо кIоргехь, хин йистехь цхьа хIума: гата я коч – чухьекхош воллуш цхьа стаг вара. Со цуьнга хьаьжира, иза соьга схьа а хьаьжира, вовшийн яххьаш къаьсташ, тхойшинна вевзи вовшийн. Со щеца дIанислушшехь, цо соьга мохь туйхи:

– Эй, молодой человек, подожди немного.

Цо и мохь ца тоьхнехьара, со иза ларвийрволуш вара, иза муьлхачу хIусаме воьду хьожуш. Аьчканекъаца адамаш лела меттиг а гена яцара. ВогIуш, воьдуш милиционер гахь, цуьнга сайна гIо-накъосталла доьхур долуш вара со. Берда тIе хьалаваьлча, цо боху:

– Ты что, меня не узнаешь?

Ас олу:

– Нет, не узнаю.

Сайна ца вевзаш санна, леррина хьожу со цуьнга.

– Как это так, мы же вместе ночью в парке были. Я у тебя пальто забрал, но это была шутка.

Цо иза дуьйцуш, тхойшинна тIевеара ялх-ворхI шо хир долуш кIант. Цуьнга соьца лаьтгаш волчо:

– Пойди, принеси дядино пальто из дома. Мама тебе отдаст.

Жимма хан яьлча кIанта мохь туху:

– Мама не отдает пальто.

Иза ша чу а вахана, пальто йохьуш схьавеара. ТIеюха аьтто беш, схьалаьчна, пальто соьга тIеюхийтира цо.

– Ну как, в целости и сохраннысти вернул тебе пальто?

– Да, как и прежде, целое, – элира ас.

– Ты сегодня не уезжай, завтра я тоже еду в Бухару. Поедем вместе.

– Хорошо, подумаю, – аьлла, иза Iад а витина, ког лаьтгах ца кхеташ, гIалех бIаьргтоха вахара со. Сайна тIехь йолчу пальтонан кисанаш чу куьг Iоьттира ас, цхьана киснахь мерах хьокху йовлакх дара, амма чудуьллу урс дацара. ГIеххьа новкъарло хиллера суна цунах, кисаныхь иралла лелор цу хенахь нохчийн Iадат ма дара, хIунда аьлча Iедало бехдинчу адамна даима а кхерам ма бара гонахарчу хьекьал аьрто долчу адмашкаьхара. ХIун дара хаац, гIалех бIаьргтухуш лелаш, сан тидам сецира цхьана кIантана тIехь. Иза вара кибирчигна тIелеттачу бетонна, гIайракх тIе санна, урс хьоккхуш, иза ирдеш воллуш. Цуьнгара урс сайчух тера хетта, тIевоьдий, ас кIанте олу:

– Ну-ка, покажи мне свой нож!

Урс сайниг дара, ткьа и кIант буса сан пальто ядийначун хиллера. Ас урс сайн кисана диллича, кIанта элира:

– Верни мой нож, мне ночью папа его подарил!

Ас цуьнга:

– Да, как раз твой папа ночью украл мое пальто, а из кармана этого пальто нож

он подарил тебе. А теперь я, как хозяин этого ножа, возвращаю его настоящему владельцу. Все справедливо, по-божески.

Клант цецваьллачохъ вуьтий, со гІали юкъя вьоду. Тамашийна болх бара иза, оццул йоккхачу гІали чохъ со оцу клантана тІеІоттавалар, и урс суна доьгІна хиларна, Дала нисдина хІума дар-кха иза. ГІеххъа гІалех бІаьргтоьхна, вокзале вахара со. Кхузахъ лаьтташ ехха сурсатийн шалон яра, кхо-йиь вагон йоцург, дерриш а шелигаш долуш. Сайна жима садапар а хир аьлла, со вахана аннех йиначу 20 тонн киралелочу вагона тІе хьалавелира, проводникна леринчу тамбур чуьра гІанта тІе оха а хууш. Дукха ца Іаш шалон дІайолаелира, амма суна иза сайна оьшучу Чарджоу-ГІалехъа я бІостанехъа йолчу Кушкехъа йьодуш юй-м ца хаьара. Цхъана станце кхаьчча хуур-кх бохуш, дикка некъ бира. Байрам-Али-ГІалел тІехлелхаш хиира суна, цІерпошта, сан ирсана, Чарджоугахъа йьодуш юй. Ма беха некъ бу-кх цу гІамарийн аренашкахула беш берг, юккьехъ жима станци, ур-аттала разьезд а йоцуш. Мары-ГІалиний, Чарджоуний юккьехъ и цхъа жима гІала Байрам-Али йоцург, кхин цхъа а гуш нах Іаш меттиг яц-кх, цхъа-ши разьезд йоцург. ЦІерпошта, текхаш, Чарджоу-ГІала кхечира буйьса юкъял тІехьяьллачу хенахъ. Со вокзал чувьоду. Ас дІайиллинчу неІарна бертехъ лаьтташ милцо вара. Цо документаш хаттахъ а олий, со юхаволу, сайгахъа букътоьхначуьра иза вухаверзале. Оцу юхаваларх со станцина юххехъ йолчу диттийн боьлака чувулу. Амма цигара станцехъа со дІахъаьжча, со охъавоьссина шалон дІайолалуш го суна. ДІахьодий, цхъана вагонан бехачу ламех катоха кхиало со. Амма цІеххъана карара лами хецалой, со охъакхета, цхъадика, шпалех ца хьакхалуш, жагІи тІе а вужуш. Шпалех кхеттехъ-м, цхъа меже ца йьош вуьсур вацара. ДІайоьдучу шалонан вагонийн ламеш суна тІехула дІауьдуш ду, хьакхадала йиснарг башха юкъ а йоцуш. Керчина кхерамна юьстахваьлча, хьалагІаьттира со, тІаккха «Бисмилла» а аьлла, со ма-вадало водуш, цистернин бега лами юха а схьалецира ас. ЦІерпошта-м хьалхачул а чехкаяьллера, делахъ а, хІинца, Делан орца бахъанехъ, лами сацабелира соьга чІоггІа кьевлинчу буйнахъ. Со эццахъ хьала ца валавеллехъ, и буйьса цхъана коьллашлахъ яккха дезар дара сан, сайн гергарчарна тІебогІу некъ хІумма а бац ца луш. Лами тІе хьалаваьлча, рами тІехула ши куьг цистернех гІертош, иза хьакхарех хьахабелла хилар тергал а ца деш, вьодуш, со, вагонаш вовшахтосучу догІанна уллера рама схъа а лоцуш, хьалхахъа а вирзина, охъалахвелира.

ГІамарийн аренашкахула, пассажирийн цІерпоштаца кьовсаяла тарлуш, чехка лела сурсатийн шалон а. Наггахъ, охъанехъе нисьелча, тормозаш тосура шалоно, вагонан чкьургашна кІелхъара лелхаш долу суйнаш суна юхьдуьхьал а детталуш. БІаьргаш дІахъаббой, юхьдуьхьал пхьарс лоцура ас, кхин дан шапаІат дацара – со букъ берзош охъахиьча, суна схьалаца аьтто болуш хІумма яцара.

Чкьургашна кІелхъарчу суйнашца кьийса кІорда а дина, со, хьала а гІаьттина, шелигах куьйгаш гІертош, раманашна тІехула текхина, лабанна кІел вахавелира. Цигахъ-м охахаа гІант дара. Со, паччахъан гІантана тІекхаьчча санна, там хилла, охъавуьйжира оцу проводникан гІанта тІе. ХІинца хала дацара, со охъахиьна Іаччохъ наб йойлах дарий! Ма дукха хІума ца оьшу-кха халонаша гІелдинчу адаман дегІана! Оцу цІерпошто со Узбекистанерчу Коган-ГІала кхачийра, кхин цхъа а хьовзам боцуш.

Коган-ГІалахъ узловой станци ю. ГІала ша-м башха йоккха а яц, вайн Гуьмсел бен. ЦІерпоштиин шалонаш вовшахтухуш йолу диспетчерски-куьйгаллин пуьлт кхузахъ ю. Массо а некъаш тІехъ ду бес-бесара чиркхаш: кІайн, цІен, баьццара, сийна. Сурсатийн шалон дукха кІордорна, пассажирийн цІерпошта тІе нислур вацара-теша аьлла, вокзалехъа гІоьртира со. Кхузахъ а вокзалан неІарехъ лаьтташ милцо вара. ХІинца, буйьсана юккьехъ, верриг хьакхарша вуьзна волу со шена гахъ, цо кехаташ хоттур ду-кх соьга аьлла, ойла а хилла, со, юхаваьлла вахана, кІажа бухехъ лаьтташ йолчу «пульман» олучу йоккхачу вагона тІе хьалаваьлла, цу чохъ аннаш тІе дІавижира, сайн аьтту пхьарс гІевланга а биллина, ша хирг хир-кха аьлла.

Цхъана хенахъ со тЕхъ волчу вагонах паровоз тасалуш хаадели суна, дIар-р-ров аьлла, тата даларна. ТIаккха со вагонций дIавадийра цхъана агIор. Паровоз дукха чехкабалале, со охъаэккха кхиавелира. Юха, вахана, вокзала тЕхъарчу кондаршна юкъахъ дIатевжира. Гуьйрана малх схъакъадале гIали юкъа вахара со, юха, адам доладелча, вокзале вухавирзира. Вокзалах къаьстийла яцара сан, ца кхача оила йолчу.

Де делкъанга долуш схъакхечира «Ашхабад – Москва» пассажирийн цIерпошта. Со оцу цIерпошта тIе хъалавелира, амма дукхахболу некъ цигара дIа вагонийн тхевнаш тЕхъ бан дийзира, яккхийчу гIаланашка шалон кхочуш, тхов тIера чу а вуссуш. Оцу поездо чеххваккхира со Навои, Каттакурган, Джизак гIаланашкахула.

Джизак станцера некъ Къилбаседехъа боьрзу. Ташкенте а кхъаьчча, цигахъ охъа а воьссина, цхъана ларек чуьра ши булочка а эцна, со вагон тIе хъалавелира. Ташкентера схъаиккхича Арыс-ГIала кхечира со, хъалха Кавказе вогуш ас набахтера араваьллачу тутмакхца арахъ буьйса якккхинчу. Кхузахъ вокзалехъ йолчу расписанига хъаьжира, Фрунзе-ГIала поезд маца йоьду. Иза схъаян мелла а хан яра. Кхузахъ а гIалахула лийлира со.

Делкъал тIаьхъа вокзале дIахIоьттира «Москва – Фрунзе» цIерпошта. Билет эца соьгахъ горга шай а дац, цундела со, кхин еха оила а ца еш, вагона тIе хъалаволу, кондукторан сайх бIаьрг ца кхоьтуйтуш. Шайн билеташ кечде аьлла, контролераша хаам бича, со вагонан тхов тIе волу. Поезд Чимкент-ГIала кхочуш, со тхов тIера вагона чу вуссу. Чимкентехъ а левира со милицехъ, билет цахиларна. Амма, жима ву аьлла, дIахийцира. Милицин карараваьлча, жимма садаIа, со вокзалера дитташ кIел долчу гIанта тIе охъахира. Амма садоийла-м ца хилира сан, со тЕхъ хилла цIерпошта меллаша дIайолаелла йоьдуш яра. Ка ма-доллу тIаьхъахъаьдира со шалонна. ТIаьхъарчу вагонан кхечу вагонех дIатаса диначу догIаныхъ катоба кхиавелира со. «Ялахъ – Хъата лер, ца ялахъ – Миниг», – бохург дагахъ долуш, оцу догIанна тЕхъ, тхъамарна тЕхиьна дахка санна, цхъана станцехъ цIерпошта саццалц некъбира ас. Цул тIаьхъа, цIерпошта сецча, вагонан тхов тIе велира.

Джамбулерчу тоннелах цIерпошта чекхийолучу хенахъ со набкхетта хилар бахъана долуш дийна виснера, нагахъ хъалатаьIнехъ, оцу туннель чохъ вийна хир вара. Оцу туннелан тидам боцуш, цIерпошта цу чухула чекхийолуш, тхов тЕхъ охахиьнарг я хъаланисвелларг вийна бохуш долу хабарш лелаш дара нахалахъ.

Джамбулехъ охъавоьссича, деша «Казахстанская правда» газет ийцира аса. ЦIерпошта дIайолалуш, юха а тхов тIе ваьлла, газет кIел а даржийна, дIавижира со. ДIавуьжуш, вагона чу хIаваь доуьйтуш йолу туьнкалг, сайн куьйгийн пIелгаш чучча а духкуш, мараюллура ас. ТIаккха сан куьйгаш, пхъаьрсаш а, тхъуздулий, догIа тоьхча санна, къовлалора. Аьчканекъо голатухучохъ со цхъана агIор чу ца карчийта дора ас иза. Со Даймакха воьдуш, юха ГиргIазе вухавоьрзуш а айса бина некъ Iаьнан шело ловш бина аьлча, со цуьрриг а харц-м хир вацара, хIунда аьлча цу некъахъ ас дукххайолу хан я вагонийн тхов тЕхъ, я тЕхула сийначу стигалан тхов болуш яккхарна.

Джамбул-станцехъ хъалабевлла нохчийн кIентий а нисбелира соьца. Нохчийн къамел хезча, сан дегIе хазахетар хъаьдира, бехачу некъан кIадвалар, гIелой дIаделира, хIара дуьне дерриге а сайн доладаьлча санна, бIаьргех хи долуш, там хилира, хIунда аьлча суна оцу халачу деношкахъ хезна дацара дог ир-карахIоттош долу, нохчийн нанас шен некхан шуриций, аганан иллиций, сан цIийх, сих а избина, суна хъаналбеш чубиллинчу меттан дош. Суна-м сайна кху деношкахъ ненан мотт бицбала боьлча санна а хетара я, кху араваларх, сайн къомахъ хаьдда, цхъанхъа ван там бара со олий.

ЦIерпоштано со вадийна ГиргIазерчу Каинда станце кхачийнера. Кхузахъ а станцин хъаькамо, со вагон чуьра дIавига хъовзо дагахъ, куро пIелг ластош, лакхарчу терхи тIера охъавала олуш, тIевийхира. Цо бохург айса до моттийгина, со иза охъавоьссинчу агIор ца вуссуш, вукху агIорхъа воьссира, паровоз болчу

хьалхахьа а вьодуш. Тхойшинна юккъехь шалон яра, тӀе кхузахь поезд кхаа минотехь бен ца лаьтгара. Уьш кхин суна тӀаьхьа а ца бевлира.

Суна дуьхьал схьайогӀуш ши зуда яра, цхьамма сих-сиха: «Маржан, Маржан!» – олий, цӀе а йоккхуш. Цаьршимма хьехош ерг Чалдавар яра. Ткъа цигахь Iаш яра сан ненан йиша, Сайд-Ахьмад цӀе йолчу тхан юьртахоучуьнгахь а йолуш.

«Ванах, оцу зудчо хьехориг сан ненан йиша ма ю, цуьнга со цӀа вьодуш вуй Маржане дӀахайта аьлча, хӀун дара-геша?» – аьлла, ойла хьаьвзира сан коьрте.

Амма, цаьршинца къамеле валахь, цӀерпоштна тӀаьхьависа там бу-кх со, тӀе, ас лелошдолу жоьлкалла цара муха дуьйцур ца хаьа-кх аьлла, со вуй ца хоуьйтуш, Iадийра со. Вистхила-м лаьара, хӀунда аьлча, со лобхуш, сан да кхаьчна хир вара кхуза, тӀе сан ненан йиша, со вайна бохуш, суна сагатдеш хир ю...

ЦӀерпошта дӀайолалушшехь, со цунна тӀетасавелира. Цхьана жимачу станцехь поезд сецча, юург юккучу зударшна тӀевахана, тӀаьххьарчу соьмах цхьа жима хьокхам ийцира ас. ХӀинца цӀерпошта ша йьодучу дӀакхача герга хиларна дара хаац, проводникаша вагонийн неIарш ларьеш яцара, цундела эвххьаза хьалавелира со а. Цул тӀаьхьа, хье ца луш, дӀакхечира тхо Фрунзе-Гала.

ЦӀакхачар

Вокзалера автостанце ваха трамвайна дала ялх шай ца хилла, со Iаш базарна уллерчу автостанце вахара, маьрклажа хан хила гергакхаьчначу хенахь. Март беттан ткъе шолгIачу дийнахь дара иза. Фрунзера Токмаке тӀаьххьарчу рейсан автобус яра дӀахIоьгтина лаьтгаш. Автобус тӀех йьогтина яра, цул сов касса дӀакъевлина яра, оцу балхо аьгто бира сан хьалавала. Автобусан хьалхахьара билеташ духкуш схьайогӀуш яра кондуктор. Иза охьахевшинчарна билеташ луш тӀейирззинчуьра, со, къайллах цунна тӀехьашхула ваьлла, билеташ эцначарах дӀайира. Иштта, кондукторан суна тӀехь кхин тидам ца соцуш, Фрунзений, Токмакний юккъера 60 чаккхарма некъ бина, со пхьуйра хенахь сайн ден ден йишин ши кIант Жебар, Джунайд а волчу хӀусаме кхечира. И шиь ул-уллехь Iаш вара Токмакерчу Старая Покровка олучу меттехь, Иссык-Куль Iома тӀера Рыбачье олучу метте боьдучу асфальтан некъан йистехь, ушалш йовлучу меттехь. Со чуваьллачул тӀаьхьа чувеана Жебар:

– Хьо цӀа веана, Мовла?! – бохуш, юх-юха а суна мараветталора. Цуьнан хӀусамнанас, Совдата, и саца а вина, соьга элира:

– Иза-м шен кеп хиларна леладой цо. Бакьду, цуьнан ваша Джунайд, Делан Элчаной (I.с.с.), шен устаза Кишин-Хьаьжас а бохучунна тӀаьхьа возуш, массо а устазаш, эвлаяш безаш, цӀена стаг вара. Бусалбалла, нохчичун ийман, гIиллакх-оьздангалла а шегара доккхуйтур доцуш, дашца, леларца нахана там бан хууш къонах вара иза. Суна вай цӀера арадахале дуьйна а иштта, лакхакх ма-вийццара, вевзина вара иза.

Хье ца луш, Джунайд а цӀа кхечира. Со вайча, дукха хазахетарна, бIаьргех хи делира цунна.

– Хьо меца вуй?– хаьттира соьга Джунайда.

– Вац, – элира ас.

– Тхо хьуна цIогIа сагатдеш дара, хьан цӀахь берш-м хьерабовла бохкуш хир бу, вайшиь сихонца шун цӀа хьалагӀур ву, – элира цо.

Тхьойша пхьуйьран хенахь новкъавелира. Буьйса, бетта са доцуш, Iаьржа яра.

– Вайша дӀакхаьчча, ас Сайдселиме кхаь боккхур бу, хьо цӀа кхаьчна аьлла, тӀаккха иза кхоана цхьаь ца луш Iийр вац, – бохура Джунайда.

– Яла декхар-м ду, – элира ас.

Токмакана I5 чаккхарма гена яра тхо Iаш долу колхоз. И бежа некъ Iаш бира охашимма, кхин дуьхьала я тӀаьхьашха чкъург керчаш йоло хӀума дӀасайоьдуш

ца гуш. Машене-м ирх-пурх догдохийла а яцара, дийнахь наггахь бен хуьлуш йоцчу. Мацах воккхачу стага жимхе, некъ бацбехьа вайшиннан, аьллагунна дайна, Джунайда соьга, айса д'асавоьдуш лелийнарг дийцахьара, элира. Ас, дуьйцуш к'ордадой, хабар сацийча:

– Кхин д'а а, – олий, юха а дуьйцуьйтура цо.

Наб йог'луш волу со сих-сиха луйьчура сацар нислора, амма цо юха меттахвохура, «Остог'фируллахI, остог'фируллахI» – олий, цецволуш меттигаш нислора. Иштта сан къамел кхин соьга хада ца дойтуш, тхан колхозе д'абоьрзучу некъана т'ехваьлла д'авоьдуш хиллера тхойша, буйьса Iаьржа хиларна, сан леламашкахьа валарна а. «Кызыл-Аскер» ц'е йолчу тхан луларчу колхозний, тхо Iаш долчу колхозний юкъахь долчу дозанан татолна тиллинчу т'ай т'е кхаьчча, меттавеара Джунайд.

Цо элира:

– Ванах, Мовла, вайшиь-м. шун колхозана т'ехваьлла, д'авоьдуш ма ву.

– Дера ву-кх, – элира ас.

Цигара д'а татолца некъ бина, тхойша тхан колхозан коьрте кхечира. Т'аккха, жимма лахахьа ваьлча, тхан керта а кхечира. Джунайда коре вахана, корях п'елг тухуш:

– Сайдселим, ва Сайдселим! – аьлла, мохь туьйхира.

Д'атевжина велахь а, сагатлуш, набкхетанза хиллера тхан да. Буйьса юкъал т'ехьяьлла хан яра иза. Коре а таьIна:

– Ва вай! – элира цо. – Схьачувола, Джунайд!

Цунна озах вевзина хиллера иза. Х'усаман зайл д'аболланза бара, х'инций-х'инций шена ц'ха ирча к'хаь к'хача там бу-кх бохуш, даго кийрахь вота етташ, хан яьккхинера тхан дас со ц'ера ваьлла леллачу хенахь. Джунайд – хьалха, со – т'аьхьа а волуш, тхойша чуваьлча, тхан дас элира:

– ВаллахIи, Джунайд, ахь Сайдселама аьлла, мохь ма-тоьххина, хаа ма хиира суна, хьо Мовла валош вог'ий! Марша вог'ийла хьо, Джунайд, оха мел сагатдо хаарна, веана-кх хьо! И Дела, Делан Элча (I.с.с.), устазаш резахуьлда хьуна! П'аш беа некъ беш, ма к'хяхийги-кх ахь! Дала шен меле, йоле а дуьллийла ахь хьегна къа, – бохуш, хазахетар сов даьлла хьаьвзира тхан да.

– К'хяхьегар-м довр дара, жимма набийчхьана. Мовла ц'а веана, сапарг'атдалар бу-кх Делан к'винхетам.

Джунайдна к'хаь баккха а дицделира. Цул т'аьхьа, бераш д'асахьовсийна, хаам бира колхозехь болчу нохчашка со ц'акхачарх лаьцна. Ц'хьа сахьт далале тхан чох юьзира цара. Хаттарш деш, луйьш-олуш, дагадуьйлуш, сахуьланга девлира. Т'аккха баьккинарш д'асабахара, тхо а д'адийшира.

Делк'ахан хуьлуш тхан дестечо со самаваьккхира. Улле диллина ч'епалгийн хедар ду суна, даьтта чохь кад болуш.

– Ас мацаллина сагухур дара, набарна са ца тохало соьга, жимма вижий вихаь со, – элира ас дестечуьнга.

Десте елахь а, Медис тхо шен берех къеста ца дора, цундела цо суна луург дира. Иза юьртахь оздачу нехан ц'ен т'ера яра, дуккха а шича-маьхчалахь, гергара а нах болуш. Тайпана Iаьндех болуш, Цоци-Юрт юьллуш дуьйна кхузахь орам хецна ц'а дара цераниг. Со, делк'ал т'аьхьа ши сахьт даьлча, самавелира. Медис дохдина ч'епалгаш хьалха дехкира суна, юьхехь даьтган кад болуш. Уьш дийначул т'аьхьа, со сайца доьшуш хиллачу нийсароьх д'акхийтира. Ас цаьрга со, Кавказе вахана, ц'авеаний хаййтира. Царах ц'хьамма, Бакас, боху, массарна а хозуьйтуш:

– Аткхандан кайпаг'ан адам экенсин. (Аьллагунна т'ера вер воцуш адам хилла-кх хьо).

Цаьрца дикка «бета калды» бохучу ловзарх левзина, ц'а вахара со. Ц'ахь дас хеттарш дан долиьра соьга: «Хьенехг'еран ц'а дарий?», «Минехерниг дарий?».

Ас:

– Дара. Дацара. Дара моьгту суна.

Тпаккха сан дас элира:

– Я дара, я дацара, – хила деза къонахчун дош. Мобтгий, хетий бохург нахана
Iаддиталахь, иза, хьаъа дийцахь а, дош дац хьуна.

Жимма Iийна, юха хьаттира цо:

– Белахаърга вахарий хьо?

Ас со ца вахана элира, сайна иза евзаш йоцу дела.

– И йолчу а вахана, ахь хьуо Сайдселиман кIант ву аьлলেখьара, хьо цо дика
тЕоьцур ма вара. Уьш вайна луларчу Буга-хьаьжин Хьамидан кертахь Iаш ма
бу. Белаха ша гIумки елахь а, амма нохчийн къам чIогIа дукхадезаш ю,– элира
дас, суна цига цавахарх дагахьбаллам беш.

Со цIа кхачначу кхоалгIачу дийнахь араваьлла сан да шина-кхаа буса цIа а ца
вогIуш лийлира. Иза хиллера маьI-маьIПерчу колхозашкарчу нохчашка мовладе
кхойкхуш лелаш. Юха иза лелла цIа веана кхо де даьлча, пIерасканан буййсана,
тхан чох юьззина бакхий нах гулбелла, мовлад дийшира. Оцу мовладе тхан
дас гIиргIазойх волу молла Къасим валийнера. Мовладехь бакхийчех цхьамма
соьга мала хи дийшира. Ас, сихха куршка ведар чу Iобьтина, аьрру куьйга
къаночуьнга дIакховдийра. Молла Къасима шайн маттахь элира:

– Онн кхолун менен бер! (Аьтту куьйгаца дIакховдаде.)

Ас, цо ма-аллара, куршка аьтту куьйга лоцуш, тIам цуьнгахьа берзош,
дIакховдийра. Оццул ийман долуш стаг вара и Къасим молла. Цо рузба шен
латта тIе тесначу ценойн тхов кIел дойтура, амма гIиргIазой кIезиг бара
рузбанца гIуллакх долуш. Тхуна лахахьара «Миниткеч» («Къинхьегамхо»)
колхозера кхо-виь, лакхахьара «Кызыл-Аскерера» («ЦIен Эскарера») кхо-виь
стаг вогIура говрашкахь. Баккъалл аьлча, тхан колхозера гIиргIазойх болу
бакхий нах а бацара рузбанца гIуллакх долуш. Церан-м, вайн санна, ламазна
«АллахIу акбар» олуш, молла кхойкхуш Iедал а дацара. Къасим-моллас:

– Мамындай убакхьт тыйнама,– олий, мохь тухура. Иза дара: «ХIинца ламаз
до хан хилла шуна», – бохург.

ГIиргIазехь тхов тIехь поппар хьаьхна цIенош массеран дара, Даванбай цIе
йолу стаг воццубан. Цуьнан цIа тIехь эрзан тхов болуш дара. И стаг Iай, аьхка
а лам чохь жаца вара, цундела доладеш, чохь Iаш стаг ца хиларе терра, тишлуш
лаьтгара цуьнан цIа. Цуьнан цIеношна тIехьа наркаш олучу стоьман дитт
дара. Оцу дитта тIехь кегийчу хурманех тера, хурманан чам а болуш, стоьмаш
латабора. Уьш кхачабаллалц, тхо, берийн сур, хьийзара цунна кIел, охьаьгна
стоьмаш дууш. Дитта тIехь долуш уьш башха чомехь а ца хуьлура, ластийча
охьабужуш берг бен. Цхьана дийнахь Къасим-моллас хотту соьга:

– Атын ким? (Хьан цIе хIун ю?)

– Мовла ю.

Тпаккха цо:

– Жакхшы ат, жакхшы ат, – элира. Юха тIетуьйхира: – КьурIан чохь аьлла ду:
«Я мовлана», дика цIе ю хьан.

ЧIогIа боккха там хилира суна Къасима аьллагх. Дела реза хуьлда цунна,
Iаламат дика бусалба вара и гIиргIазойн Къасим-молла.

Хьалха, хIара дагалецамаш дIаболош, хьахийнера-кх ас, со Кавказе ваха
новкъаваьллагху дийнахь, сайна дуьхьал сан маьхча Минкайлов Шемал кхетар,
тхойша дIасакаьстинчул тIаьхьа, кхуьза вовшаша дуьхь-дуьхьал а воьрзуш,
юхажаваларх а. Со цIа кхачча Шемала дийцира суна: «Вайша кхуьза
вовшашка юхажавалелча, са даг чу иккхира: кхин гур вац-кх тхойша вовшийн.
И ойла дагара ца йолуш, суо висинчохь даима а воьлхуш Iара, кхоллуш йолу
хIума а, цхьа чам ца хаалуш, хала юура я меца лелара со».

Цо, со цIераваьлла лелаш, шен хилла дог-ойла йийцича, цунах чIогIа къахетта,
дохковаьллера со айса лелийначунна. Соьга: «Къийго мас хьур яцара хьан
Кавказе», – баьхна волу Баудди шен люцерна йохка ваханчу хенахь, колхозехь
цуьнан (Бауддин) ворда лело вахийтинчу сан маьхчас Сайд-Эмис элира соьга:

– Базаран буса кечдина жижиг-галнаш хьалха дехкича, хьо дагавогIий,
яхIума логак чекх ца йолий, шун дIатоттура оха.

Со ца веана кхо-диде даьча Чуйски районан милицин белхало веанера буьрканах ловзуш долчу тхан колхозерчу берашна тле. Цо царга, фамили йоккхуш, со вевзий аьлла хьаттира. Берех цхамма суна тле пелг хьажийра. Милчочо, со юьстахваьккхина, шен планшетара схьэцна кехат, ручка а делира, ша олуш дерг цу кехат тле даязде аьлла.

– Даязде расписка, хьо кхул тлаьхьа Тедална ца хууш Гиргазойн мехкан дозана арахьавер вац алий.

Ас, сайна оьрсийн маттахь яздан ца хаьа, элира. Таккха цо, шен планшет кехатна клел лоцуш, суна хьалха данисьеш, элира, даязде гиргазойн маттахь:

– Мындан кийин оьмоьктуьн урукхсатыз эч жерге бармайим. (Кхул тлаьхьа Тедалан бакьо йоцуш цхьана метте гур вац со). Келахь терахь, бутт, шо а билгалдойтуш, куьг яздайтира. И кехат шен планшетки чу а диллина, милцо давахара. Милла велахь а, цхьана мотт сацаро со Тедале Давеллера-кх, цхьа сингаттам балийта. Делахь, а Дала и сингаттам тхуна баккхина, дегахьаам ца бира мотт баьхначунна.

Цул тлаьхьа йохьяла йоларе terra, поппарийн белхеш буьйлабелира, со а оцу белхешка лела вуьйлира (буьйда кибарчигаш ечу, тхов тле ценкья йоккхуче, хьаьжкIаш тилоче). Цхьана дийнахь Старо-Покровкехь Султиев Элмарзин декья тлехь кибарчигаш ечу белхехь тхо долуш, Султиева Нуржас, суна тле пелг хьажийна:

– И дора ву-кха Кавказе вахана цавеанарг, – олуш хезира суна.

Суна ца хеза моьттуш, Нуржина уллехь волчу Догжиев Абдурешеда эли:

– Кхунан хIун дисинера Кавказехь, нехан цадисинарг?! – аьлла.

Со-м цунна оьгIаз а ца вахара я дегабаам ца бира. Цо шен Даймахке, винчу юьрте мел безам-марзо ю схьагайти-кха аьлла, Адийра, цуьнга хIумма ца олуш.

Нагахь санна суначул шена Даймохк безнехьара, вина юрт езнехьара, суна тле а веана, хатта декхар дара: «Мовла, хIун дара вайн цахь, юрт дукха эрчам ца яьллера, Дасавахар некьаховзам боцуш хилин хьан, вайн юьртахь Iаш муьлха тайпа кьаьмнаш дара?» – аьлла.

Баккхийчара олуш хезна суна: делла дош кхочушцадийриг а, дагахь цхьаь долуш, багахь кхин дуьйцург а – мунепакь ву бохуш. Цунна дара сан дош кхочушдан гертар. Ас кху тлехь дийцинарш цена бакь ду. Тетоехна хIумма а дац.

Ас лелинарш ма-дарра яздича, сан дагалецамаш кхин а дуккха бара.

Бега гуобаьккхира ас Даймахка кхача сатуьйсуш, шен «Архипелаг Гулаг» тлехь А.Солженицына: «Но была одна нация, которая совсем не поддавалась психологии покорности, – не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это чеченцы». – аьллагунна дайна, со а вацара кьарлур волуш, буржалш тоьхна саца ца вича я вийна дIа ца ваьккхича. Оццул чоIа дара сан Даймахке сатийсар, Даймахка кхача лаар а. Шен дай а, богуш болу мохк дукха гийла, дукха сингаттаме гина а, сайн Даймехкан дайшна, нохчашна, сахьавзина а, Гиргазойн махка юавахара со. Уггаре хала хиллера дагна лан а, баьргашна ган а: дайн махках кьастийна халкь, халкьах кьастийна мохк а. Шовзткье ялхитта шо ду-кх и ирча сурт сан баьргашна хьалха лаьтта, сан дагна Тедазлуш, даязделла а. Исбаьхьа сурт хIоттош дийца похIма сан дацахь а, шуьга айса бина бега, хала некь бийчича, сайн сапаргIатдаларна дийци ас, шина дийнахь халкьяна, махкана а юккьехь «ТIай» хилла со латтарна, цу хенахь Даймахкара со вухавьча, дуккха а нахана цуьнах боккха кхь хилла хиларна, церан дегайовхо чоIагIяларна, Делан диканах цара дог ца дилларна а.

Лариса Исхаджиева

В открытую дверь только эхо войдет...

А ты любил? Скажи,
но только честно...
А ты ценил – что жизнь тебе дана?
И принимал ли все, что неизбежно?
И отдавал – что взять судьба должна?
Ты приходил на помощь,
когда просят –
По зову сердца, искренне, любя?..
Был холоден,
когда со злобой смотрят,
И улыбался – всем назло и вся?..
Хотел ли ты, чтоб жизнь
была другою?
Что ты искал? Не счастья ль
нить в пути?
Дарил цветы – без повода, зимою –
Порадовав от сердца, от души?..
Но ты б хотел... я знаю, без сомненья,
Чтобы ценили, верили в тебя...
Так оглянись – чтоб не было
сплетенья –
Между «хорошим»
не должно быть зла!

Увы, время не опрокинется вспять.
Утрачены глупо секунды, минуты.
Дано нам с рожденья
взрослеть, угасать...
И памяти горше распутывать пути...
Где сердце стучало
в минуты волненья,
Там камень тяжелый,
там стынет печаль...
Живем один раз,
но вечно в сомненьях...
Гонять голубей понапрасну нам жаль.
Хорошее помним и помним обиды...
Стараемся жить
потомству в пример...
Хотим, чтоб ошибки были забыты
И меньше нести в этой жизни потерь.
А время – оно втихомолку смеется...
Летит, устремляя

свой в вечность бросок...
Что нам от земного
в смертном дается?
Какой же на вкус
наш последний глоток?..
Увы, время не опрокинется вспять.
Утрачены глупо секунды, минуты.
Дано нам с рожденья
взрослеть, угасать...
И памяти горше распутывать пути!

Я чай заварю себе – не крепкий...
Возьму конфету, сяду у окна...
А за окном все дождик идет мелкий.
Уж третий день без солнца и тепла...
Ты знаешь, мне недавно
было грустно...
Не знаю, почему была хандра.
И все, что ела, было мне не вкусно...
Наверно, я болела без тебя...
Придешь с работы ты,
устало улыбнешься
И с теплотой согласишься
мне в глаза...
О чем-то вспомнив,
тихо усмежнешься...
И спросишь, как идут мои дела...
А я прижмусь к колючему
покрепче –
К тому, кто самый на земле родной...

Ты улыбнешься, взяв меня за плечи,
И скажешь тихо: «Я всегда с тобой»...

Эхо войдет в открытую дверь...
Заплачет листва за оконною рамой...
А ветер, как загнанный в угол зверь,
Заует от боли в комнате странной.
Хаос по кругу... С ветром кружась,
осколки разбитого счастья считает
Эхо... в углу, разбитая страсть
В камине с углями вместе сгорает –
до пепла с золою – без дров и огня.
Душа без приюта, без веры, тепла...
В открытую дверь этой
комнаты странной
лишь эхо вошло...

Нельзя грустить, нельзя пытаться,
Любить нельзя и ждать измен –
Того, что может оказаться
Не тем, что хочется взамен...
Нельзя страдать и не смеяться,
Нельзя не ждать и не дарить...
Нельзя на время забываться
И жить как правильно, учить...
И вот теперь начнешь смеяться
И вопрошать: «А как же жить?
В глаза как милой улыбаться?
И что от сердца ей дарить?
Чем удержать без принужденья,

Любовь свою как доказать?
Как излечить ее сомненья –
Чтоб снова дорогим ей стать?»
А я скажу вам: «Это просто!
Вы напишите ей в письме,
Что вы любили ее просто...
Хоть ошибались по судьбе...
И что готовы в час урочный
Достать с небес вон ту звезду,
И волшебством ее полночным
Исполнить каждую мечту»...

Цветы цветут и отцветают,
На время подарив красу...
А снег зимой некстати тает,
Прощаясь с жизнью на ветру.
Мечтаю тихо у причала –
Или когда приходит сон...
Все, что хотела, пылью стало,
И болью в сердце этот стон...
Найти себя под небом можно.
Под солнцем нужно расцветать.
А быть счастливым – ужас, сложно.
Никто не хочет вас понять...
Цветы завяли... снег растаял...
И дождь всю вечность не идет...
А мысли, словно птичья стая –
Не отменяют свой полет...
Мы существуем. Мы живые...
Цвести умеем, как цветы...
Как снег мы, тая, умираем,
Когда не чувствуем любви.

От рассвета до заката мысли где-то далеко...
Улыбнулось счастьем солнце, но не мне уже давно...
Только унывать не стану – разве в этом есть беда?
Я счастливая, поверьте, и не на день – навсегда...
Улыбаюсь в день дождливый, словно не тоскливо мне.
Пусть подумал день ленивый, будто грустно стало мне...
Мысли просто завертелись, закружилась голова...
Знайτε, знайте, дорогие, я не сдамся никогда!

Халикова Мадина

Халикова Мадина йина 1995-чу шарахь Глехъа-Мартан кIоштарчу Керла Шара цIе йолчу юртахь. 2012-шарахь, юккьера ишкол чекхъяккхиначул тIехь, НПУ-н филологин факультете деша яхна. Байташ язъян йолаелла ишколехь доьшуш йолчу хенахь дубйна.

Сих ма ло, зама!

ДIайоьду, ца хьожуш юха,
ДIайоьду, ца хеташ къя.
Зама, хьо сих ма лохъя,
Дай-наной делхадан тхан!

Езачух везар дIакъасто,
Сих ма ло, хIай зама, хьо.
Синтемехь, дог паргIат даккхий,
Хьастахъя цхьажимма тхо.

Юха а тхо вовшех къасто,
Сих ма ло, хIай зама хьо.
Баккхийта цхьажимма чомехь
Кху лаьттахь мел боккху ког!

Нохчийн мотт

Шайн дайшца йолу зIе хьадча,
Духуш ду муьлха а къям.
Нохчийн мотт хьовца зIе хьадча,
Ца боьхча боли-те лам?

Дедеха буйцуш бисина,
Я ворхIе а дегара сайн.
Безам а, дозалла хеташ,
Ирс хета нохчийн мотт сайн!

Нохчийн мотт- хьо ду сан дахар,
Дедеха дисина сий.
Хьо боцуш мел хиларх яхар,
Бицбийр бац, дуй хууш сий!

Нохчийн мотт – сан деган ага!
Дахаран йист йоцу хIорд.
Эрна дац сан лаьттахь ягар,
Дагчохь мел йогу хьан шовкъ!

Муса Бексултанов

И завтра, как вчера

Повесть

Опять придется без дела торчать в этом классе целых два урока. А на дворе весна. И дети играют в классики. Как же я завидую вам – никаких забот, передвигаете свой плоский камешек в незатейливой игре. Видимо, у них урока нет. Наверное, учительница не пришла. Везет некоторым, у них учителя хоть болеют иногда, или ссорятся с мужьями, или поедут куда-то. А вот наша никогда не поссорится с мужем. Да легче черта загнать в рай! Вообще-то, как она может с ним поссориться, если мужа у нее нет и в помине? Даже ворона сляжет с ревматизмом раньше, чем она заболит. Главное ее занятие на уроке – так это делать маникюр, как будто она находится в салоне красоты, а не на уроке обществоведения. Вот что значит проводить урок.

А урок-то застыл, как застрявшая в болоте корова нашего соседа, и идти дальше, очевидно, не собирается.

Каждый незаметно занимается своими делами. Хотя зачем – можно открыто делать все, что тебе вздумается, ведь Тамара Магомедовна так увлечена своими ногтями, словно она сегодня выходит замуж.

Некоторые пишут друг другу записки. Когда приходит записка, у девочек краснеют уши и глаза от умиления становятся влажными, словно лед тает под солнцем. И это неудивительно – ведь эти записки о любви, о сильной, светлой любви, способной срывать с неба звезды. Ты только вдумайся в это!

Я тоже получаю записку: «Тебе не кажется, что кожа нашей учительницы похожа на гусиную, особенно шея? Ты видел общипанного гуся на морозе? Не помнишь, сколько раз она была замужем – четыре или пять? Давай займемся исследованием судеб ее бывших мужей? Кто же те, кого она успела «осчастливить»?

Шерлок Холмс».

А я-то с самого утра сидел в ожидании, что кто-то и мне напишет любовную записку! А это Руслан. Да, близится время начала очередного концерта, где Румиса надменным тоном будет демонстрировать свой начальственный вид, а Тамара Магомедовна примет очередную таблетку валидола.

Я пишу ответ: «Ты мне помешал! Не даешь спокойно созерцать мордашку Румисы, которая так мило покраснела, получив записку от Иностранца. По нашей врачебной логике, человек должен быть с человеком, а гусыня – с гусем.

Ватсон».

– Ха-ха-ха! – смеется Руслан, прочитав мой ответ. Сейчас его заметят. Хоть бы записку спрятал.

– Азимов! – скрип стула. – Я к кому обращаюсь, Азимов! – вытягивает шею. Изгибает дугой брови, наклонив голову набок. Скрещивает руки на груди. Бросает на меня взгляд. Я знаю: она недолюбливает меня, особенно это выражается на уроке, когда я с ней спорю по разным вопросам. А так, вне класса, на улице отношения у нас с ней, вроде, нормальные, даже отвечает мне на приветствие, кивая головой.

У Руслана, хохочущего, уткнувшись в полы пиджака, трясутся плечи.

Она сейчас же пойдет к директору школы, с гордо поднятой головой, с таким величественным видом, словно избрана делегатом на съезд.

Все эти десять лет, что я учусь здесь, она не меняется.

Пять раз была замужем. Я забыл, в каком году она вышла замуж в первый

раз и сколь долго там пробыла... Но затем все ее замужества были только в начале лета. И ни разу не задерживалась там дольше трех месяцев.

К сентябрю возвращается обратно, как ни в чем не бывало. И еще, выходя замуж, каждый раз забирает с собой все свои книги. А уже в конце августа несет их обратно, опустив глаза и напряженно поджав губы. Вообще-то, это ее постоянное выражение лица, выражение лица скромной, целомудренной девушки.

Возможно, ей сорок пять. Сорок есть точно. Но выглядит как куколка! Худенькая, стройная. Ярко-желтые волосы. Кожа покрыта какими-то странными бледными пятнами. Маленький ротик, с мелкими зубами, как у мышонка. Ребенка до сих пор не завела. Правда, ходят слухи, что у нее есть дочка, которая не желает с ней общаться из-за ее частых замужеств.

Очень любит стихи о любви. Читает их выразительно и с чувством, скрестив руки на груди и глядя вдаль, в окно. Закончив читать, долго стоит, задумавшись, уставившись в одну точку. Потом, повернувшись к классу, тщетно пытается спрятать в глазах глубокую печаль, печаль по прошедшему лету, в которое не удалось выйти замуж. Глубоко вздыхает, вздрагивая ресницами. Мне кажется, советский театр понес серьезную потерю в ее лице.

– Пожалуйста, не шумите! Руслан, может, ты перестанешь? Хватит уже! – это Румиса, комсорг. Успехи в учебе, как у дятла в пении... Но язык подвешен. Может говорить о чем угодно. И с каждым будет говорить на понятном ему языке. Удивительно созданы люди!

У нее были все шансы стать нормальным хорошим человеком. Несмотря на скромные успехи в учебе, она была робкой, застенчивой и красивой девочкой. Когда-то. А сейчас!.. Стоит ей увидеть грязную классную доску, сразу же устраивает комсомольское собрание. Если кто-то опоздал в школу, опять собрание. Щедро сыплет выговорами. Количество известных ей лозунгов Карлу Марксу даже и не снилось! Ведь чем чином меньше начальник, тем он хуже. Даже наш директор школы не так крут, как она. Ему лишь бы в школе было чисто, да дети не били стекла в окнах.

Думаешь, Румиса оставит сейчас свой «высокий пост»? Да ни за что, пока жива! Нынче современные начальники ведут себя, словно у них пожизненная гарантия на должность. Об этом не может быть и речи, вплоть до самой пенсии! Даже после этого надо ждать еще с десятков лет, пока зубы не выпадут от старости.

Из Румисы получится доктор наук в любом профиле, где она только пожелает. И даже президентом сможет стать. Правда, сейчас она поставила себе цель стать поэтессой. (Цветаева – женщина, Эскиев! Ты имеешь что-то против или тебе есть что возразить?) А я и не говорю ничего, пусть становится, кем хочет. Нашей молодежи сейчас открыты все дороги. А старикам почет. Вот такие у нас дела! Аплодисменты!

А вот Айза никем не станет. Она, если пойдет учиться куда-то, получит двойку, а Румиса пройдет. Так всегда бывает, независимо от того, кто что заслуживает.

Сейчас Румиса взяла в свои руки бразды правления в классе:

– Руслан, я о твоём поведении... в комсомольскую организацию района, я... я напишу...

– Дай мне шанс исправиться, – улыбается Руслан.

– Азимов! – повышает голос Тамара Магомедовна.

– Вы мне? – тычет себе в грудь пальцем Руслан.

– Выйди отсюда!

– Причина, Тамара Магомедовна? Пожалуйста, назовите причину, и я выйду.

– Ты покинешь класс или я? Я доложу педсовету, что мне мешают... я... я... я директору...

– Не нужно, Тамара Магомедовна, я выйду... Продолжайте свой урок, –

Руслан начинает медленно двигаться к выходу, пристально глядя на Румису: уж очень он умеет издеваться.

Румиса выдерживает его взгляд, не моргнув и глазом. Ноздри раздулись и трепещут. Руки лежат на парте образцово правильно, как в первом классе. (Умение правильно себя вести – половина успеха, если не полностью).

Когда Руслан выходит, Румиса бормочет как бы самой себе, но стараясь быть услышанной в классе:

– Тоже мне, комсомольцы! Сидят тут... Посмотрим!

Тамара Магомедовна молчит. Вновь смотрит в окно (возможно, вспоминает любовное стихотворение).

Застыла, словно глядя вслед кому-то. Наверное, вспомнила свою молодость, юную весну, когда в классе сидел Он, а мы хором пели песню «Мы на Марсе яблони посадим».

А в классе тишина, как после выстрела.

«Тук-тук-тук», – стучится кто-то в дверь. Учительница не реагирует. Стук настойчиво повторяется: «Тук-тук-тук».

Я сижу у окна и слышу, как на улице технички со смехом говорят: «Добро пожаловать!» – приветствуя кого-то.

Глянув в окно, вижу, как они окружили какую-то женщину. Каждая старается обняться, поздороваться с нею. Ну а та, статная дама с горделиво поднятой головой, ведет себя снисходительно, словно провинциальный губернатор. И одета шикарно, как жена директора нашего совхоза. Наверняка, какая-то спекулянтка. И не замужем. Квартира в городе и дом в селе. Наверное, имеет одного ребенка от первого мужа. Скорей всего, дочку: Анжела, Сюзанна, Лоретта или Лаура. И, наверняка, уже неоднократно мысленно выбирала для нее будущего мужа, оценивая его: кто он сейчас, кем станет завтра, а будет ли с собственной секретаршей и кабинетом послезавтра.

В современном мире бразды правления женщина взяла в свои руки. Женщины «правят балом и разрушают города». Они активны во всем! Каждая занята чем-то важным. Всюду и везде: поездки, командировки, встречи. Свободного времени не остается, слишком заняты «общественными делами». Если сегодня здесь, дома, то завтра может быть в специальной командировке в Москве, чтобы поспособствовать карьерному росту мужа. А роль мужа такова, что, если не будешь вмешиваться и сидеть тихо, они и на работу тебя устроят, и с карьерой помогут. Ты только не возникай. Больше от тебя ничего не нужно. Просто сиди тихо, если сам ни на что не способен. Сегодня дела обстоят именно так. Все равны: и женщины, и мужчины. Ты разве не смотришь телевизор? Ну так посмотри. Там много говорят об этом. Труд разделен поровну. Времена, когда мужчина охотился, а женщина готовила еду и нянчила детей, да еще и слушала терпеливо окрики мужчины, давно прошли. Прошли так давно, что и не верится, а было ли это время на самом деле. И это факт. Не веришь – спроси. На телевидение можно написать письмо, задавая все интересующие тебя вопросы. Как нужно говорить с женой, когда можно смеяться и во сколько лучше всего лечь спать с ней.

Те знания, которые человечество приобрело веками, ты можешь получить за раз, просто включив телевизор, где тебе все выложат. А после передачи любезно предоставляют тебе свой почтовый адрес.

Ты главное напиши. Не стесняйся. Все туда пишут.

Приоткрыв дверь, в класс заглядывает какая-то девочка:

– Тамара Магомедовна... Тамара Магомедовна...

– Господи, что это такое! Ну что тебе?! Что от меня вам всем нужно сегодня! Что я вам сделала... – хватается учительница за голову.

– ...Можно Вас на минутку?

– Нельзя! Подойди сама ко мне! Я все-таки старше тебя! – возмущенно трясет головой Тамара Магомедовна.

– ...Меня попросили сказать это Вам лично...

Учительница выходит.

Проходит минута. Потом еще одна.

Потом, приоткрыв дверь, Тамара Магомедовна заглядывает в класс.

– Эскиев, подойди сюда, – обращается ко мне.

– Зачем? – спрашиваю.

– Нужен... Подойди! – смотрит требовательно.

Я выхожу. Учительница в коридоре. Смотрит на меня пристально и жалостливо. Молчит, сцепив пальцы рук.

– Что... Зачем вызывали меня... – спрашиваю, не обращаясь ни к кому конкретно: кто знает, о чем сейчас заговорит.

– Джабраил... – поправляет мне ворот рубашки, – ты мой хороший, умница... будь умницей... – отряхивает с моего пиджака мел. – Со своей матерью, вернее... Твоя мать приехала, ждет тебя на улице. Ты освобождаешься сегодня от последнего урока. Понимаешь?

Она часто говорила мне раньше: «Я встретила твою мать, Эскиев. Какая она красивая женщина! Ничуть не изменилась. С ней был маленький мальчик. О тебе расспрашивала».

И я всегда отвечал: «Да что Вы говорите! И в самом деле, встретили? Неужто и мальчик был с ней?»

Она прекрасно знала, какой смысл я вкладываю в свои слова, но все равно делала вид, что не понимает, и уходила своей легкой, кукольной походкой.

И вот так же и сегодня говорю:

– Ой, что Вы говорите! Действительно приехала, что ли? Как же это приятно!

В ее глазах вспыхивают удивление и гнев одновременно. Пристально глядит мне в глаза.

Я не отвожу взгляд.

– Иди... к ней... – исчезает в классной комнате, громко хлопнув дверью.

Я остаюсь один. Подхожу к входным дверям.

Вижу свою мать во второй раз за двенадцать лет.

Зачем приехала сегодня? Причина? Должна быть какая-то причина. Обязательно. Через год мне исполняется восемнадцать. Я стану совершеннолетним, пойду служить в армию, потом учиться, работать и т. д. У нее осталось ровно год времени на то, чтобы склонить меня на свою сторону, добиться моей сыновней любви, поплакаться мне, рассказывая о своей тяжелой доле.

Говорят, когда разводилась, она забрала меня через суд, который оставил меня с ней. Позже, выходя замуж, она забрала меня с собой и в новую семью.

Тогда дедушка привлек к этому уважаемых стариков, которые провели нелегкие переговоры с ее семьей и с семьей ее нового мужа, и забрал меня с уговором продолжать ежемесячно платить, как и впрямь, алименты – пятьдесят рублей в месяц.

Говорят, что я вцепился в мать, не желая отпускать ее от себя. Когда поняли, что никак нельзя меня успокоить, нас обоих привезли к бабушке, подождали, пока я засну, и только после этого она ушла.

Я плакал целую неделю с криком: «Хочу к маме!»

«Тяжелее всего было ночами», – рассказывала бабушка. Проснувшись посреди ночи, я звал маму, а когда мне отвечала бабушка, то начинал плакать, выкрикивая: «Ты не мама! Ты не мама!»

И засыпал, только устав плакать и кричать.

После этого она приехала навестить меня, когда мне исполнилось пять лет. Я тогда тяжело заболел, и она испугалась, что я не выживу.

Говорят, я узнал ее, как только увидел, но, один раз обронив «мама», больше не сказал ни слова.

И вот сейчас приехала через двенадцать лет. Стоит, высокомерно откинув голову. Круглый парик уложен на макушке. Выщипанные брови. На голове легкий, черный шарф из шифона. Алые губы. Свой родной цвет? Нет, помада. Да, ничего себе у парня мать! Издали выглядит как двадцатилетняя девушка.

Если подойти поближе, можно дать больше – лет двадцать пять, двадцать семь.

Да, хорошую цену за меня назначили. Пятьдесят рублей в месяц! Кто думал! Не всякий может стоить столько в наше время.

Ты смотри, как договорились! Словно продавали животное или сдавали в аренду. Очень хорошая цена! Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить! Один продал, а другой купил.

А сейчас я должен побежать к ней, раскинув руки, чтобы обнять, глотая слезы и с криком: «Ты где до сих пор была, мама?» Во мне умер великий режиссер. Ведь фильмы же снимают именно так.

Ты только посмотри, как приехала! Оделась, словно на вечеринку... И не стыдно своего возраста, ведь ей под пятьдесят...

Выщипанные и накрашенные тушью брови. В туфлях на каблуке высотой в пядь. Импортная, узкая, облегающая юбка, готовая вот-вот лопнуть по швам...

– Приезжала твоя мать, Ватсон?

– Да...

– Наши девочки осуждают тебя. Говорят, что ты не стал разговаривать с ней. И она плакала, когда уходила... Это правда?

– Ровно наполовину...

– Когда эта гусыня меня выгнала из класса, я пошел играть в футбол... Потому не видел, что произошло.

– Ну и как, сыграл? – задаю ему вопрос.

– Да.

– Это хорошо...

– Что хорошо?

– Что ты сыграл в футбол...

– Ну и что это значит? Да что с тобой?

– Ничего. Все хорошо. Говоришь, девочки меня обсуждали?

– Да, обсуждали...

– Ну и пусть, – отмахиваюсь я. Наши девочки очень не любят меня. По их мнению, я слишком гордый. А свою дурость предпочитают не замечать. Просто иногда я не выдерживаю и говорю им правду в лицо, им это не нравится. Но с Русланом они все очень дружны. Руслан – красивый парень, да и характером не вредный. Мне он нравится как человек – умеет он смеяться к месту и ко времени. И смех у него веселый, заразительный.

Он очень смешно пародирует девочек. И все равно они прощают ему все. Вот это и есть сила его обаяния. Человек, который не слышал, как он с ними разговаривает, многое потерял. Каждое второе слово – подкол. И самое удивительное, что девочки никак не реагируют на его шпильки. «Говори каждой, что она красивее всех остальных. Этого вполне достаточно», – открывает он свой секрет.

Сидят, словно на смотринах, кокетливо поворачиваются, слегка наклоняя вбок голову, то томно кладут голову на парту, играют ручками, обнажая запястье.

И ни на одной из них не увидишь школьную форму – она стоит недорого. А прически! Всех стилей практически всех столетий! Несмотря на не очень большое мастерство укладки. Да и волосы мало похожи на женские. Отрезают. Укорачивают даже на висках, подобно мужским, а на лбу оставляют «челку». На затылке оставляют жидкую прядь волос, похожую на облезлую козью бороду.

Самый их любимый предмет – физкультура. Именно на этом уроке у них появляется шанс продемонстрировать свою фигуру во всей красе! Других делов-то у них здесь и нет. Утром приходят, а в обед уходят. И ничего из школьной

программы не знают. Не умеют даже нормально прочесть вслух книгу. Но сколько в них гонора – впору умереть от разрыва сердца, не выдержав чувства своей никчемности перед ними!

Высшим признаком культурности среди них считается неумение читать на родном языке. Это основание для гордости, шаг, сделанный ими в цивилизацию.

Золотые цепочки, сережки, кольца, бриллианты – чего только на них нет!

На вопрос учителя по теме урока они устраивают целое представление! С трудом приподнимаясь из-за парты, словно на последнем месяце беременности, кокетливо и томно изгибая тело, с потупленными глазами и без тени смущения отвечают: «Я сегодня не готова». Можно подумать, она сегодня первый раз «не готова». Не готова практически всегда! И не будет готова даже через века. Нет предела бесстыдству! «Тройки и так поставят, независимо от твоих успехов. Тогда зачем нужно напрягаться? Ты знаешь, Эскиев, что в школах тоже должны выполнить план? Видел, чтобы кого-нибудь оставили на второй год? Это вам, парням, нужно учиться и получать образование», – говорят они мне в ответ на мою издевку.

Однажды нам раздали анкеты с вопросами с просьбой ответить на них. Вопросы были:

Куда поступишь после школы?

Веришь ли ты в Бога?

Твой любимый писатель?

Ходишь ли ты в кружок атеистов?

Подписался ли ты на газету «Комсомольская правда»?

Кем работают твои родители?

Какая черта характера тебе нравится больше всего в человеке?

Оберегаешь ли ты от плохого влияния религии своих младших товарищей?

Вопросов было много, и приводить здесь их все нет смысла. Меня очень развеселили ответы наших девочек. Ни одна из них, хотя бы ради шутки, не написала, что хочет поступить в училище!

Все поступают в институты. Думаешь, поступают в обычные институты? Отнюдь – МГУ, МГИМО, ВГИК и т.д. А какой выбор факультетов? Вообще от удивления можно онеметь – дипломатия, режиссура, актерское мастерство.

Сдали анкеты и сидят с умиротворенными лицами, словно уже окончили свои институты и стали дипломированными специалистами. Представитель района, приехавший на анкетирование, весь измучился, бедный, пытаюсь им объяснить, что и другие профессии есть на свете, и ничем не хуже, и ничем нужны и зоотехники, и врачи, и учителя. Мне показалось, что он ненормальный.

Эта картина меня так рассмешила: представитель района, с пеной у рта уговаривающий стать врачами и учителями спокойно на него смотрящих уже готовых «дипломатов»!

Забыв обо всем на свете, я захохотал на весь класс, как сумасшедший. Все уставились на меня. А я никак не мог остановиться! Чуть позже ко мне присоединяется Руслан. Он понял, над чем я смеюсь. Учительница орет на нас с вздувшимися от напряжения венами на шее. А мы никак не остановимся и продолжаем хохотать.

Так и не сумев совладать с напиравшим смехом, мы выбежали из класса.

Этой зимой был случай! К нам приехали с лекцией парторг совхоза и секретарь комсомольской организации. Вся лекция сводилась к наставлениям о том, что нужно приукрашивать, улучшать свое селение, улицу, на которой живешь. Больше всего говорил секретарь, муссируя эту тему на разные лады. Ну что делать? Это его право. Есть же в шахматах такие фигуры, как король, ферзь и т.д. Видимо, к секретарю подходит роль ферзя перед парторгом.

Красиво, очень аккуратно подстриженные короткие усики и значок на груди. И еще лозунги, которыми он бросается к месту и не к месту.

Привел огромное количество примеров о высоком сознании комсомольцев.

Пересказал нам практически все содержание романа «Как закалялась сталь». Сижу, гадаю: к чему он клонит и что такого он хочет нам сказать?

В конце концов, высказался. Оказывается, они приехали, чтобы уговорить девочек стать доярками после окончания школы. Приглашают и парней. Обещают дать направление в вузы на заочное отделение любого выбранного ими факультета.

Тараторит непрерывно, словно боится, что кто-то его перебьет! Я заметил: у этих комсомольских работников одну особенность – многословие. Не важно, о чем, лишь бы говорить без умолку, пример – наша Румиса!

Он все говорит и говорит, несколько человек уже стали Героями Социалистического Труда, раздает всем ордена и медали, словно их у него целый мешок, как подарок у Деда Мороза. Девочки изредка хихикают. Переглядываются. Иногда задают глупые вопросы, специально, чтобы поиздеваться над ним. А тот и не понимает! Начинает рассказывать опять по новой. Когда покажется: ну вот, закончил, кто-то опять встает с дурацким вопросом, провоцируя его на очередную нескончаемую тираду. Ты только представь себе эту картину! Друг друга обманывают. Я сказал ему вполголоса: «Не дай себя обманывать, уходи, они сами придут», – но он не услышал.

И тут, как назло, мне опять вспомнились их анкеты!

Прикусив губу, отчаянно прошу выпустить меня. Не дают. Я настойчиво трясу поднятой рукой, изо всех сил пытаюсь удержаться от хохота. Не успела Тамара Магомедовна произнести мою фамилию, чтобы прочесть мне нотацию, как я, зажав рот, пулей вылетел из класса, провожаемый хохотом Руслана.

Подумай сам, разве станет нормальный, здравомыслящий человек предлагать стать доярками дипломатам! Конечно, нет.

Несмотря на это, я все равно жалею наших девочек. Понимаешь? Смеюсь над ними и жалею одновременно.

Особо мне их жалко, когда меня посещает мысль: «А ведь все они должны за кого-то выйти замуж...» Кто же женится на них? А будут ли мужья заботиться о них, будут ли с ними и в радости и в горе до конца дней своих? Ведь и мужчины нынешние такие же безответственные.

В нашем селении ровно половина незамужних – разведенки. И женщины эти вовсе не такие старые, как поется в народных шуточных песнях. Совсем молодые, только немного старше меня.

А как одеваются наши разведенки – шик да блеск! Если весной ты окажешься в автобусе, который едет в город из нашего селения, можно подумать, что ты в Париже на показе мод.

Наш сосед Салман поехал на рынок за модными джинсами, а приехал с юной женой. Идут вдвоем, как будто с магазина, и всем ее представляет как свою жену. Никакой свадьбы или хотя бы ритуала не было.

У нее были коротко стриженные волосы и круглое лицо. Платье в длину не доходило до колен на целых пятнадцать сантиметров. Походка была смешная. Руслан с первого взгляда окрестил ее «Хиппи-невеста».

Она даже прожила целый месяц с мужем! А когда уходила от него ничуть не выглядела расстроенной или заплаканной. Просто вышла за ворота, спокойно их прикрыла и ушла своей косолапой походкой, оглядываясь вокруг, словно подыскивая нового кандидата на роль мужа.

Позже я спросил у Салмана о причине развода: «Да ну ее, надоела», – отмахнулся он, сидя без рубашки на лестнице своего дома с сигаретой в зубах. И это при отце, который возился чуть поодаль у подводы.

Он женился еще раз... Вернее, она сама приехала к ним домой и заявила, что он ее обесчестил и теперь обязан на ней жениться.

А через неделю, получив от них четыре тысячи в качестве калыма, сама же и ушла.

Рассказывали, что она была трижды замужем. А ей был всего двадцать один год. Настоящая красавица, с телом фигуристки. «Какое там три раза замужем! Три сотни раз была замужем, по несколько раз на дно! Настоящей

шалавой была Карибат, настоящей шалавой, – говорила мать Салмана бабушке. – Забрала все наши сбережения, которые мы с мужем копили на черный день... Я даже продала корову, Карибат! Да, единственную пеструю корову. Она до краев наполняла молоком десятилитровое ведро... Знаешь, какая красивая была моя буренка, когда вечером возвращалась с пастбища, с покачивающейся походкой, с грустными глазами и с огромным выменем... Доить ее было одно удовольствие, у нее были очень нежные соски... Да обрушится гнев Божий на тех, кто мучает меня! Пусть их Бог накажет...»

Я прятался и хохотал, хватаясь за живот.

Именно поэтому я и жалею наших девочек, боясь, что их тоже ожидает такая же судьба. Я это им и в лицо говорю. За это меня и не любят, я для них как бельмо в глазу. Странно то, что ты не можешь сказать человеку в лицо то, что о нем думаешь. Считается нормальным не говорить ему это, а просто улыбаться, делая вид, что все хорошо, создавая у него иллюзию своей исключительности. И он будет жить так, словно ты и в самом деле не знаешь, кто он такой. И посчитает своим долгом залезть тебе на шею. А, залезши тебе на шею, уже не слезет, хоть ты тресни. Наоборот, будет тобой же руководить, требуя от тебя оаций, как наша Румиса.

А молчать нельзя. Люди не рождаются одинаковыми, хоть и едят один хлеб. Кто-то рождается трусом, с мелкой душой, а кто-то другим. Если человек трус, то скажи ему это в лицо вместо того, чтобы создавать из него героя, равного Харачоевскому Зелимхану. Он же все равно им не станет. Не нужно улыбаться человеку фальшивой улыбкой, скрывая свое истинное отношение к нему. Я точно скажу кому угодно в лицо свое мнение. Если я не прав – убеди меня в этом. Скажу спасибо. Правда, не надо только ломаться, думая, что не знают твоего истинного лица. Знают, и очень неплохо знают со всем твоим нутром.

Потому и называется бранный мир несправедливым, что люди лицемерят, не говорят правду в глаза. Если бы люди изначально, с сотворения мира шли по жизни с правдой, то никакой ненависти, никаких бед не было бы на земле. Только счастье и мир. А когда ты говоришь им, как есть на самом деле, то злятся, словно мир стоит на их плечах. Не стоит. Расслабьтесь и расправьте плечи.

Вот видишь, несмотря на то, что они меня на дух не переносят и я такого невысокого мнения о них, я все равно люблю этих девочек, и не знаю, за что. Жалею, злюсь и люблю, думая, что только я способен их понять.

Ты, наверное, думаешь, что я лгу, но это не так. Я и в самом деле начинаю часто любить кого-то из наших девочек. Даже откровенную глупышку. Теперь-то ты понимаешь! Это не зависит от моей воли. Да и от них не зависит. Просто происходит само собой.

Однажды сидим мы на уроке астрономии. У нас есть одна очень кокетливая девочка Зура. Правда, сложена она красиво.

Говорят, она как-то сказала: «Во всей этой школе у меня самая легкая походка». Она как перышко, скользящее по воздуху!

И вот сидит она, слушает. Увлеченно. Забыла обо всем. Просто внимательно слушает. И тут я заметил ее приподнятую верхнюю губу и белоснежные зубы. Полуоткрытый ротик!

Это было очень красиво, как картина. Как картина одного из великих художников – Леонардо да Винчи или кого-то другого. Мне показалось именно так, когда я увидел ее мило приподнятую верхнюю губу, белоснежные зубы и широко распахнутые глаза.

И я влюбился в нее. Именно в такую, сидящую, забыв обо всем на свете, забыв о своем кокетстве.

После урока я сказал ей, что она была очень красива такой. Совершенно искренне сказал, без какой-либо задней мысли.

Как она заулыбалась, закокетничала! Короче говоря, даже если я хоть сотню лет буду рассказывать ей об образе, что родился в тот миг в моей душе, не поймет!

Я пожалел, что рассказал ей об этом. Я бы сохранил этот образ в своей памяти на многие годы.

После этого всегда сидит с полуоткрытым ртом. И не по забывчивости, а намеренно.

Вот так и бывает с ними со всеми. Стоит только сказать одной из них, что у нее красивые волосы, и больше никогда не увидишь ее с покрытой головой, даже если будет минус сто градусов на улице.

«Ну зачем вы такие? – хочется мне иногда крикнуть им. – От кого вы произошли? Неужели у вас нет матери-отца? Вы же похожи друг на друга, как инкубаторские! Слово создавали вас на каком-то заводском станке!»

Руслан смеется, наблюдая за мной. Он говорит, что в моей неприязни к девочкам виновата Аксана.

Аксана учится сейчас в городе, в техникуме.

Она училась на класс выше нас. Когда мы перешли в девятый класс после летних каникул, я думал, что эта Аксана – новенькая, приехала откуда-то.

Оказывается, это была Мукаева Аксана, которая всегда ходила с заспанными глазами и растрепанными волосами.

За одно лето она изменилась до неузнаваемости. Набрала рост, ноги стали длиннее и точнее. И даже лицо стало красивее, с чистой, нежной кожей.

А знаешь, каким удивительным стал ее взгляд! Он стал сиять каким-то внутренним сиянием.

Увидев ее, я долгое время просто застывал на месте, разинув рот. И часто кто-то шлепком по плечу приводил меня в себя.

Я не мог забыть эти ее глаза, глядящие на тебя сквозь густую сеть ресниц, как из-за полупрозрачной занавески, словно пытаясь сжечь тебя дотла.

Она выиграла – я написал ей письмо, подумав: «Эх, была не была...»

На следующий день, когда я возвращался из школы, ее подруга догнала меня и передала мне письмо, в котором Аксана соглашалась на мое предложение.

«Не говори об этом никому, – писала она, – я очень стесняюсь». Но раструбила об этом всем сама.

В этом коротком письме было невероятное количество грамматических ошибок. Вернее, оказалось, что было. (Я-то понял это позднее, в ноябре месяце).

А тогда мне было совсем не до ошибок – у меня внезапно выросли крылья, и я неустанно парил над облаками. И никак не хотел спускаться на грешную землю.

Все дети знали об этой моей «любви». «Твоя Аксана идет», – говорили мне дети. А я и в самом деле считал ее своей.

Она подходила и просто, без смущения просила: «Джабраил, дай мне свою куртку», – и я отдавал.

Эту куртку отец привез мне из Риги. Это была джинсовая куртка. И ни у кого в школе не было второй такой.

Иногда я замечал Аксану с мальчиками из десятого класса. И она не пропускала мимо ни одного мальчика, не бросив на него кокетливый взгляд.

Да и парни постарше частенько провожали ее взглядом кота, собирающегося схватить мышь. Я не обращал внимания. Ведь письмо она написала только мне одному.

Когда мы оставались наедине, я не знал, о чем с ней говорить. С другими девочками я мог говорить о чем угодно.

Хотелось говорить с ней о чем-то особенном. И не мог.

Тогда я – вечером, дома – писал ей длинные письма (которые, как оказалось, они читали всем классом).

Вот так и ходили мы, я писал ей письма, а она носила мою куртку. И ей очень шла эта куртка, когда она, засунув руки в карманы (и зыряя глазами по всем прохожим парням), шла легкой походкой, покачиваясь, демонстрируя свою тонкую, осиную талию.

После десятого класса она поступила в техникум в городе.

По субботам приезжала иногда. Она говорила, что живет у тети и не видит смысла приезжать домой каждую неделю.

Она коротко остригла волосы. «Я похожа на Мирей Матье?» – спросила она у меня. Но она была красивее ее, красивее этой Мирей Матье.

«Не знаю, – ответил я, – мне нравятся длинные волосы».

«Ты отстаешь от моды, – возразила она, – в городе у всех короткие стрижки».

Оказывается, сельские девочки любят город, слетаясь к нему отовсюду, как пчелы на мед. Какими жалко-смешными они выглядят «окультурившись», разговаривая только на русском. Это тоже, по их мнению, модно. Как русский высший свет в Санкт-Петербурге, который предпочитал общаться когда-то только на французском.

По-моему, они вышли бы замуж за любого, кто имеет квартиру в городе... Даже если бы им пришлось общаться с ним с помощью словаря.

Ну так вот, возвращаясь к Аксане... При нашей встрече, когда она приехала домой, она как-то легко и безразлично роняет «привет» вместо нормального приветствия.

А я, ни о чем не подозревая, пытаюсь поговорить с ней о нашей любви, напоминая ей о своих письмах, делаю все, чтобы она не уходила от темы. Рассказываю ей о всех прочитанных мной книгах – за неделю я мог прочитать их с десяток, – советуя ей прочесть некоторые из них.

А она и не слушает меня! Идет, думая о чем-то своем, глядя по сторонам и одаривая улыбкой каждого встречного мужчину, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания, словно я уличный щенок, бегущий за ней в тщетном ожидании ласкового слова.

И однажды, это было осенью, в ноябре, я говорю ей:

– Аксана... что с тобой... ты какая-то странная в последнее время...

– Ты о чем? – спрашивает она на русском, на ходу повернувшись ко мне.

Я рассказал все, что накопилось.

– Ой, ты еще не вырос! – говорит со смехом. – Когда это было! Да и было ли вообще... Мое печальное детство...

Я буквально ослеп. Я не видел ничего. Ни улицу, ни дома вдоль улицы, ни белый свет.

– Аксана... – пытаюсь я что-то сказать. – Аксана...

– Ну, спасибо, я пришла! – обронила она, исчезая в воротах.

Только тогда я понял, что это ворота ее дома.

В четверг после уроков я поехал в город, чтобы поговорить с Аксаной.

Выходя из автобуса, я распорол ту самую свою джинсовую куртку, которую надел ради Аксаны, несмотря на ее изношенность.

В холле техникума меня остановила какая-то женщина-вахтер, потребовав студенческий билет. Говорю, что приехал проведать сестру и назвал номер группы и фамилию Аксаны.

Тогда она предложила подождать до конца урока.

После урока, оставив распоротую куртку на стуле рядом со старушкой, я поднялся на третий этаж.

Мне сказали, что у Аксаны разболелась голова и она ушла в общежитие со второго урока.

Вернувшись, я не обнаружил свою куртку на месте.

– Где моя куртка? – спрашиваю у старухи.

– Какая куртка?

– Куртка, которую я оставил здесь несколько минут назад, – пытаюсь объяснить.

– А ты кто такой? – спрашивает она у меня.

– Это же я, – говорю, – тот самый, что стоял здесь рядом с вами и ждал окончания урока.

– Много вас здесь таких. Ты посмотри! Я что, должна всех вас помнить?..

Поспрашивай у учащихся, наверное, кто-то по ошибке взял, – говорит она мне.

Я потратил целый час в поисках своей куртки. И каждый, у кого я спрашивал о ней, так натурально удивлялся, что я начал сомневаться, была ли у меня эта куртка вообще.

В конце концов я махнул рукой на эту куртку и поехал в общежитие. Но там сказали, что Аксана на занятиях.

Я решил подождать ее здесь.

Ждал я долго.

На улице уже стемнело.

В десять вечера женщина-вахтер заперла входные двери на замок. Входящих в общежитие студентов почти не было.

Но я упорно продолжал ждать, дрожа от холода.

Я издали услышал знакомый смех Аксаны. Изредка вспыхивал огонек сигареты.

Потом... Когда эти двое – с ней был мужчина огромного роста – вышли из темноты, я шагнул им навстречу.

При моем внезапном появлении Аксана дернула головой, словно от пощечины. Попыталась пройти мимо.

– Аксана! – окликнул я ее. – Акс...

Она засмеялась, обернувшись на своего спутника так, словно к ней пристаёт незнакомый парень. Тогда я преградил ей дорогу.

– Аксана... я... я... был в техникуме, мне сказали, что у тебя болит голова... А здесь сказали... что ты на занятиях... Ты где... Аксана?... – заговорил я, путаясь и сбиваясь от растерянности.

Аксана же стучалась в дверь общежития, бормоча что-то под нос, даже не взглянув на меня.

Мир рушился.

Когда старушка пошла к двери, Аксана подняла руку и, помахав пальчиками, сказала:

– Ну, пока, Роман...

– Спокойной ночи, – обронил в ответ мужчина столь равнодушным тоном, словно смертельно устал от нее да и от всего света.

– Аксана, – окликнул я ее вновь, – Аксана, я... Джабраил... ты...

Я пытался спасти рушившийся мир. Пытался остановить время.

Аксана, не оглянувшись, вошла внутрь. Старуха что-то пробурчала, когда она входила.

Мир разрушился. Рассыпался на мелкие осколки.

Человек, развернувшись, уходил.

– Эй, – окликнул я его, быстро догоняя. – Знаешь, что ты сделаешь?... Оставишь Аксану в покое... Если же нет... Ты... Она... моя...

Человек повернулся ко мне. Его длинные космы свисали с головы, как плохо уложенный стог сена. Его плечи нависали надо мной.

– Пошел вон, ты! – сказал он. – Исчезни, чирикаешь много.

– Сам исчезни, это ты... – мне показалось, что я услышал какой-то глухой звук. Разноцветные звезды устроили перед глазами бешеный хоровод. Кажется, я сам тоже закружился с ними в хороводе. Да и весь мир устремился куда-то, неистово кружась. Потом все стихло, только глухой шум.

Я лежал навзничь. На губах ощущалась какая-то теплая струйка, вытекающая из носа.

Встать я не мог, словно отказали ноги. (Я не заплакал. Нет, не заплакал. Но после уже, в селе, проходя мимо школы, слезы текли из глаз сами собой. Не капали, а текли ручьями).

Утерев кровь с лица, я вышел на дорогу и остановил такси.

– На кирпичный завод, – обронил я таксисту.

В полночь в наше село должен был отправиться автобус, везущий рабочих с ночной смены.

– А деньги у тебя есть? – спросил он, изучающе глядя на меня, думая, стоит ли ему сажать меня в свою машину.

– Есть! – ответил я быстро.

– Двадцать рублей! – снова посмотрел он мне в лицо.

Я сел в машину.

– Кто проделал с тобой эту воспитательную работу? – спросил он.

Я, как обычно в таких ситуациях, ответил, что упал.

Он молча усмехнулся.

Я неделю не появлялся в школе. Даже дома ходил в темных очках, говоря всем, что упал с турника.

До сих пор не могу это забыть, вернее, остался какой-то горький осадок, глухое, ноющее чувство унижения. Я обязательно найду этого Романа через Аксану. Обязательно, когда подрасту немного.

Иногда думаю, что все получилось как нельзя хорошо – этот случай сделал меня старше ровно на десять лет. Увидел воочию, как выглядит фальшь. Правда, я не согласен с Русланом, когда он говорит, что Аксана вызвала во мне насмешливое и неприязненное отношение ко всем девчонкам.

Почему?

– Я изначально думал, что девочки слишком поверхностны. А в этот раз я просто забыл об этом на какое-то время. Да и не все девочки таковы, хотя и большинство из них. Поверь мне, не все такие. Просто все писатели сделали из них «непостижимую тайну», и они сами поверили, что они и есть «тайна». А самая главная их тайна – это желание быть красивее всех. И чтобы только самый красивый парень влюблялся в них. Любят модные вещи и выгодное замужество, где не надо будет по утрам доить корову и разводить огонь в очаге. Я слышал, как они говорили об этом. Вот и вся их «тайна», возносимая столь высоко, когда они смотрят на мир задумчивым и таинственным взором.

Ты не читал их письма, которые они пишут в газету «Комсомольское племя» на всеобщий обзор, на всю республику?

«Я люблю одного парня. Но родители против нашего брака. Что мне делать?»

Из редакции пишут в ответ: «Если любишь, выходи за него, не слушай никого. Сама создавай свое счастье».

Потом какой-то журналист или писатель пишет большую, развернутую статью по этому поводу: «Меч адата», «Свободу молодежи!», «До каких пор мы будем слепы?» – озаглавливают они свою откровенную ложь.

И знаешь, с каким энтузиазмом читают эту белиберду девочки?! Зачитывают газету до дыр, передавая друг дружке по очереди.

Ни одна уважающая себя девочка не напишет ничего подобного. Тем более, если действительно любит кого-то. О настоящей любви не трезвонят на всю страну. Ее хранят, берегут и лелеют глубоко в сердце, боясь, что кто-то может украсть или сглазить ее, с нею ложатся спать и с нею же просыпаются поутру.

А здесь: «Я люблю... что мне делать?». Прыгни в пропасть! Войдешь в историю, став Джульеттой двадцатого столетия!

Эти письма пишут те, кто даже представления не имеет о любви. Любовь никогда не унижается и не просит понимания и помощи у толпы... Она бывает полна чувства собственного достоинства и гордости. Как сокол, взмывающий в небо, осознав, что не может расстаться с бранным телом, и в стремительном, смертельном полете падающий вниз, разбивая грудь о камень, остающийся в вечном, свободном и гордом полете!

Весь мир у него в руках, он может его разрушить, если захочет, а может и оставить. Я говорю о настоящем чувстве чистой любви.

Я никогда не женюсь на подобной девушке. Мне станет ясно, что она меня не любит, как только она напишет об этом в газету. Просто играет роль на сцене чужой любви и плачет фальшивыми, пресными слезами. Да и весь мир – это большая сцена, где каждый играет чужую роль. Я ни капли не верю им,

и нет сострадания к их громко объявляемой на потеху миру любви... Не верю в подобную фальшь.

Мне до слез жаль женщин, дающих брачные объявления в газету! Мне жаль тех, кто вынужден искать личное счастье через контору, расхваливая себя: я, мол, такая или сякая, красивая, стройная, умная, хозяйственная, буду хорошей женой и т.д. Ведь после этого надо еще ждать отклика, втайне надеясь, что ответит кто-то нормальный. А потом выйти за него, поверив лишь своим глазам, отбросив все свои чувства, заглушив голос разума, забыв мечту о любви, лишь бы сбежать от пытки одиночества.

И это девушки, называется? Еще молоко на губах не обсохло, а все туда же... И ни одна из тех, что пишет в газету, не старше шестнадцати-семнадцати лет!

Девчонки! Оставим девчонок в покое, в конце концов они всего лишь девчонки, «слабая половина человечества». А ты знаешь, какие парни? Парни «на голову выше» них! Имею в виду парней из нашего класса, вернее, школы.

Почти каждый озабочен тем, насколько крупные у него бицепсы, следят за ними, рассматривают. Больше им ничего и не нужно: крупные бицепсы, толстая, накачанная шея и умение хорошо бить по мячу.

Отец Руслана учился в свое время неполных семь классов, но тем не менее он знает и физику, и математику лучше, чем наши одноклассники. Он-то хоть семь классов закончил, но даже взрослый с пятилетним образованием знает эти предметы лучше наших. «Когда мы учились, учебная программа была легкой», – говорят они. Наверное, они говорят это, чтобы не обидеть подрастающее поколение.

По правде говоря, я тоже думаю, что эти формулы слишком сложны для понимания. Их словно специально писали так сложно, назло нам.

Ну ладно, оставим математику, но хоть элементарные вещи же надо знать.

Они даже не могут толком определить, где юг, а где север.

«Видал, какое тело у Гойко Митича?!», «Смотрел фильм «Пираты XX-го века?», «Салех – очень сильный каратист».

За целый день не услышишь от них ничего более интересного. С ними невозможно общаться. О чем бы ты ни говорил – глухая стена, сложенная из безразличия и глупости. Правда, будут рассказывать анекдоты и сами хохотать громче всех. Если кто-то рассказывает новый анекдот, сразу же записывают, уговаривая рассказчика больше никому его не рассказывать. Заводят целые толстые тетради, полные анекдотов. Потом в классе смешат девочек, рассказывая им новый анекдот. Такой бородатый анекдот, например: «Мужик, возвращаясь с работы, забирает из садика своего ребенка. Но вместо благодарности жена устроила скандал: «Ты кого забрал из садика, идиот? Это же не наш ребенок!» На что муж отвечает: «Какая тебе разница, завтра ведь все равно обратно отводить».

А потом первыми начинают хохотать сами, заглядывая каждому в глаза. И ты через не могу выдавливаешь из себя смех, из жалости к рассказчику – старался ведь.

Они никогда не взрослеют, как люди, ставящие перед собой цели на будущее. До сих пор как дети, которые верят, что солнце на ночь прячется за деревьями.

Есть у нас один городской, любимчик Тамары Магомедовны, который ставит перед собой цель стать космонавтом. Мы кличем его «Иностранец». Это прозвище дал ему Руслан. Говорят, его отец – большой ученый, написал диссертацию по чеченскому языку. Он пришел в наш класс после зимних каникул. По слухам, отец прислал его, чтобы он научился чеченскому языку, ну и за хорошим аттестатом зрелости, конечно.

Он иногда вместо «я пришел» говорит: «Я пришла», путая род в чеченской грамматике.

Я сначала смеялся над его речью. Но сейчас уже не смеюсь. Чтобы

смеяться над человеком, нужно испытывать к нему хоть что-то, кроме полного равнодушия. Мне он кажется каким-то неудачно выведенным гибридом. Сам подумай, отец имеет ученую степень по чеченскому языку, а сын приехал в село, чтобы выучить этот самый чеченский. Словно он воспитывался не здесь, при отце, а в детском доме где-нибудь в Китае. Концерт, да и только!

И чем только люди не занимаются. Чего только не напридумают. Взять хотя бы прозвище «Иностранец», полученное им от Руслана.

Как-то Иностранец о чем-то оживленно болтает с Румисой поодаль от учеников.

– Маэстро! – говорю, обращаясь к нему. – У тебя есть привычка смотреть телевизор?

Румису передергивает, словно ящерицу, которой наступили на хвост.

– Ну и что? – спрашивает он, искоса взглянув на меня. Он же еще и гордый, словно он единственный наследник престола.

– Слышал речь академика Д.С. Лихачева в марте? – смотрю ему в глаза.

– Допустим... Что ты хочешь сказать? – закидывает голову, словно хочет сказать: «А ты-то откуда знаешь, кто такой академик?»

– Ты слышал, как он сказал, что фольклор малых народов нужно собирать, пока эти народности не исчезли? Народ, забывший свой язык, умирает, сказал он, даже если представители этого народа и не вымрут физически. Почему ты не записываешь все свои пословицы и поговорки, пока живешь?

– Не остроумно! – отворачивается он, шумно дыша. Будь его воля, он стер бы меня в порошок.

– Эскиев, я пожалуюсь директору школы, что ты пристаешь к... – голос Румисы обрывается, а по лицу пошли красные пятна.

– Но я же не сказал ничего, – говорю примирительно. – Просто хотел продлить как можно дольше вашу прекрасную жизнь! Вы же вымирающий вид! Ну и живите тогда дальше, не забывая сказать: «Я пришла!» – поворачиваюсь к ним спиной.

Когда он только пришел в нашу школу, он произвел на меня впечатление хорошего ученика. На всех уроках он сидел с поднятой рукой. А когда преподаватель спрашивал, никогда толком не отвечал, кроме как: «В общем, значит, так...»

Правда, вокруг темы крутился бойко, пытаюсь сбить с толку слушателей, но ничего конкретного по теме. Попросту говоря, «пускал пыль в глаза». Я-то быстро раскусил этого «мачо».

Своим умением приспосабливаться очень уж похож на Румису. Да и вместе они почти все время.

Я в последнее время начал верить в суеверия, в которые отродясь не верил. Например, в то, что Бог стер железную подошву обуви, пытаюсь соединить родственные души.

Ни моря, ни пустыни не могут им помешать соединиться. Даже если будут на разных концах света, все равно найдут друг друга.

Тамара Магомедовна просто в восторге от него, считая его великим теоретиком. «Самый лучший ученик! – отзывается она о нем. – Историю знает прекрасно!»

Он племянник директора нашей школы. Настоящее его имя – Тамерлан, почеченски – Темарка.

Руслан умудрился даже это его имя переименовать так, что сказать неудобно.

Много чести ему делаю, рассказывая столько про него. Правду говорят, что упоминание неприятного тебе человека влечет за собой еще девятикратное упоминание, как упоминание гадюки. Есть такая примета тоже.

Прозвенел звонок на шестой урок. Сейчас все накинутся на меня с упреками: «Как можно так обращаться с матерью, не разговаривать, как можно заставлять ее плакать, что за бессердечность к родному человеку?» и т.д.

Этот урок растянется для меня на целый год – надо же выслушать их всех. Ты можешь понять это?! Прекрасно знаешь, что и о чем они говорят, эту их ложь и лицемерие. Каждый следующий будет стараться переплюнуть предыдущего.

Да пусть говорят о чем хотят. Пусть болтают. Им легко говорить, разумеется, им легко...

Интересно, о чем они разговаривают у себя дома, с родителями? Наверное, сидят перед телевизором и ведут приятные беседы. Это действительно удивительно, наверное, когда родители вместе. Очень хорошо... Я все-таки не в состоянии понять, насколько хорошо, если видел маму лишь дважды в жизни.

Да и вниманием отца я не особо избалован. Вижу его раз в месяц, в лучшем случае два раза. И у него всегда бывает мало времени. «Заглянул на минутку, узнать, как вы тут». Под «вы» подразумевает нас с бабушкой и Дерки.

«Чем ты занимаешься, парень? – роняет он каждый раз мимоходом (да ничем, живу просто). – Волосы, волосы!»

И на этом все наше общение заканчивается.

Одевается он очень модно. Короткие курточки, которые постоянно меняет. Всегда носит модные джинсы. И солнечные очки с зеленоватыми линзами.

Модной одеждой он обеспечивает и меня лет на сто вперед. Я раздаю сверстникам.

Отец работает в затерченных степях. Он занимается шерстью и кожами.

Дерки постоянно ругает его. Бабушка часто встречается, урезонивая Дерки со словами: «Не провоцируй сына на неуважение к себе...»

И тогда Дерки начинает ругать их обоих. Отец встает, не обращая внимания на ругающегося Дерки, и уходит.

«И-й-й, да прогневается Бог над тобой, пес шелудивый! Посмотри на него! Ведет себя так, словно я не отец, а пес бродячий!» – долго ругается Дерки, разговаривая уже сам с собой.

Потом изливает душу мне:

– Чтобы стать таким же мужчиной, Джабраил, как твой отец, не нужно ни ума, ни усилий. Достаточно быть рабом своего тела и живота, выполнять все их прихоти. Ему за сорок! И ни одному человеку он не сделал добра. Ни разу не держал пост в рамадан. Ни разу не молился. Как можно назвать его мужчиной? Что это за мужчина? Самцом и осел рождается. Сколько раз ему говорил сначала мягко, а потом и жестко, чтоб женился и завел семью. Но зачем ему семья?! Для чего ему беспокоиться о продолжении рода?! Это бык, племенной бык, специально выращенный для разного рода шлюх! А сам-то он сильно отличается от проституток? Тьфу! А одевается во что и как?! И думает, что живет какой-то жизнью... Про него никогда не будут говорить: «Уважаемый человек пришел, пропустите его вперед. Уступите ему почетное место. Дайте ему слово. Проводите его достойно». Никогда не будут! Зато скажут: «Налейте ему еще!» И с этим же умрет. А зубы, ты видел его зубы, почерневшие от никотина? От запаха табака, который от него исходит, невозможно находиться рядом... – Дерки устало откидывается на нары, согнув одну ногу в колене. В изголовье он всегда кладет свой старый поношенный тулуп. Долго молчит. Потом начинает тихо говорить, больше сам с собой. Вспоминает былые времена, всех знаменитых мужей прошлого, как и чем они жили, какие тогда были нравы, мужественные поступки.

Тяжело вздыхает. Позже начинает сам себе задавать вопросы: «Люди спросят с меня, обвинят? Но почему? Разве я не говорил? Не учил, как надо? Не уговаривал? Чуть ли не на коленях умолял его!» – надолго замолкает, весь уйдя в себя.

Дерки сейчас идет семьдесят второй год. Он высок и худощав. У него до сих пор не выпал ни один волос, не испортились зубы, только немного притупились. И видеть стал немного хуже.

– Может, поешь? – предлагает бабушка, глядя в сторону.

Дерки в ответ молчит.

– Еда остывает... – снова роняет бабушка в пустоту.

– Джабраил, сходи, посмотри, нет ли кого на улице, чтобы разделить с нами пищу... Пригласи Абраила и Ахмеда... Они, наверняка, дома...

Дерки всегда такой. Он никогда не ест один. Если никого из соседей нет дома, он выходит на улицу и почти силой затаскивает в дом первого попавшегося старика. Даже если они не знакомы. А потом сидит с ним за приятной беседой и вкусной пищей с веселым настроением.

Он много интересного рассказывает мне. Каждый день что-то новое.

«Помни все, что я рассказываю тебе... Ничего не забывай», – этими словами заканчивает каждый раз свои беседы со мной.

Иногда, когда они с бабушкой начинают шутить друг с другом, я смеюсь до колик в животе.

Инициатором этих шуток неизменно выступает Дерки: «Ты же собиралась прыгнуть в пропасть, если бы я не женился на тебе! Ты не давала мне спокойно проехать через ваше селение, каждый раз выбегая на родник с каким-то старым кувшином».

Бабушка начинала горячиться, словно боясь проиграть решающее сражение, перечисляя все, что ей сказал Дерки, всех тех женщин, которых он присылал к ней, обращаясь ко мне: «Не верь ему, Джабраил, не верь».

А Дерки совершенно спокойно продолжает рассказывать свое.

Очень хорошо с ними, со стариками.

Дом без стариков мне кажется пустым. Они какие-то странные – доверчивые, простые. Знаешь, как легко удивить старых людей? А как искренне они смеются, от души, хлопая в ладони! Совершенно бесхитростны они.

Иногда мне хочется быстро состариться... Прямо сейчас. Это было бы здорово... Ты был бы мудр, все знал бы и просто наблюдал жизнь... Не пришлось было бы пройти через все это лицемерие, продажность, ложь, и остался бы чистым...

Интересно, а каково было бы состариться сразу же в детстве, оставаясь ребенком? Наверняка, нерадостно. Не было бы ни образования, ни воспоминаний, ни опыта.

Дети тоже бывают искренними, чистыми душой. Если бы у меня были младшие братья, как бы я хорошо о них заботился! Я бы постоянно рассказывал им сказки. Брал бы с собой повсюду: в город, в школу, в лес. Показал бы им девочек, которых я люблю, в том числе и Айзу. И у нас была бы сестра, самая младшая в семье. Она была бы моей любимицей. Я сам бы заплетал ей косы. И каждый из нас старался бы угодить ей. Я посадил бы ее в большое кресло, и обращались бы мы с ней, как с принцессой, выполняли все ее желания. Она всегда ходила бы в длинном, белом платье. Я научил бы ее красиво ходить, здороваться, сидеть, правилам поведения. Дал бы ей читать много книг... Хороших книг. Ведь не все книги хорошие, некоторые лучше не читать. Возможно, они тоже неплохие, но мне кажется не так.

Однажды я прочел одно стихотворение. Прекрасное стихотворение. Казалось, это стихотворение написано мной, вернее, что я должен был его написать. Понимаешь? Ты только послушай:

Я из кос твоих длинных печаль свою нежно сплету
И о белом коне сказку тихо тебе расскажу.
Там, где осень неслышно грустит на чеченских полях,
Золотых журавлей в их далекий я путь провожу.

Я из слез твоих чистых тебе песню одну сочиню,
Там, у края села, для себя одно место найду.
И в залитых рябиновой краской чеченских лесах
Для себя я прощенья у мира всего попрошу.

Я из грез твоих нежных целый замок тебе сотворю.
Пережитое все, то, что было, с душою солью.
И по селам чеченским, где вновь торжествует зима,
Я навстречу судьбе сам с собою по жизни пойду.

И прекрасней еще, чем и раньше была, станешь ты,
Одинокó проживший, свои искуплю я грехи.
И на этой земле чтобы стали счастливыми мы,
Белый конь принесет нам волшебные сказки свои.

Журавли золотые обратно домой прилетят,
Они белое платье с собой принесут для тебя.
И весною цветущей объятых в чеченских горах
Я из кос твоих длинных счастье сплету для себя.¹

Больше всего мне нравится первое четверостишие, где говорится о белой лошади, девичьей косе и золотых журавлях. Кажется, ничего особенного в них нет, но тем не менее сильно за душу берет. Я бы не смог написать так, несмотря на все мое желание и старание, точно не смог бы. Очень трудно писать так.

Еще одно стихотворение, написанное уже другим автором, тоже нравится мне очень:

Где же ты, о где же ты сегодня,
Босоногая, восхищавшаяся мной?
В краях каких оборвались дороги,
И где той славы суть, маячившей вдали?

Глаза померкли, и потекли жемчужины слез,
И не было тебя, чтоб вновь собрать меня,
С тех пор, как ты забыла мною восхищаться,
И я забыл удивлять весь этот мир.²

Каждый раз, как прочитаю это стихотворение, мне становится тоскливо... Как-то горько на душе. Этот парень, кем когда-то восхищалась девушка, наверняка, был раньше очень хорошим. Настолько хорошим, что им восхищалась эта девушка. А потом он эту девушку теряет из виду. Намного позднее парень понимает, он осознает, почему ушла та девушка. А ведь это труднее всего – запоздалое осознание своей ошибки, когда уже ничего нельзя изменить. Это грустно-тоскливая тяжесть в сердце.

Некоторые писатели пишут обо всем на свете. Мне такие не нравятся. А есть такие, что пишут только о чем-то близком, пережитом ими самими. У них получается значительно лучше. И не бывает так, что у писателя все написанные им вещи получаются хорошо. Из целой книги можно выделить пару рассказов, особенно удачных.

Однажды по телевизору шла передача с участием двух поэтов. Оба они – мужчины в годах, с морщинами на лицах и седыми волосами. Ведущий говорит: «Сегодня у нас в гостях молодые поэты».

Я так и не понял, почему они были молодыми. Возможно, они рано состарились, еще в детстве, с колыбели.

¹ Стихи А. Бисултанова в переводе М. Эльдиева.

² Стихи Л. Абдулаева в переводе М. Эльдиева.

Я ведь тоже хотел однажды писать. А подтолкнула меня на эту мысль злость на одного писателя. Выступая по телевизору, он нес какую-то чушь: «...Активно используя жизненный опыт активистов, и через его влияние возвести на более высокую ступень интуитивного пути наших пропагандистских активистов...» – нелепый набор слов, который не смогли бы расшифровать хоть тысяча криминалистов-дешифровальщиков ни на каком языке.

Мое произведение не понравилось нашим одноклассникам. Сказали, что у меня нет ни одного положительного героя без отрицательной черты характера.

Я ежегодно выписываю все газеты и журналы. В них тоже много странной, непонятной писанины. Много лжи, где автор пытается показать себя не тем, кто он есть на самом деле. Есть, правда, и хорошие вещи. Мне очень нравится Нодар Думбадзе. Мы с Русланом договорились поехать к нему в гости после школы, но говорят, он умер недавно. Это его «Я, бабушка, Илико и Илларион» – очень красивое произведение. Веселое, светлое и талантливое. И еще мне очень нравится его «Я вижу солнце».

Я влюбился в героиню этого романа. Ну, помнишь ту слепую девушку? Да, ту самую... Я же рассказывал, что постоянно влюбляюсь в какую-то девушку. Я влюбляюсь и во взрослых девушек, главное – чтобы они были по-детски чисты, бесхитростны.

У нас в школе как-то практиковалась одна студентка. В прошлом году. Это была очень красивая блондинка. Высокая, статная. А глаза были зелеными. Мне казалось, что у нее тело без костей, как вьющаяся веревка, настолько она была гибкая.

Что меня больше всего в ней привлекало, понимаешь, она очень легко краснела. Когда мы задавали ей вопрос, она сначала краснела, а потом медленно поворачивалась к нам. Мне очень нравится девушка, у которой ясный взгляд.

Когда ее практика закончилась, я поехал к ней в университет.

Она шла с подругами и смеялась. Смеялась негромко, едва обнажая белоснежные зубы. Впереди один зуб у нее был с щербинкой.

«Почему ты такой, Эскиев?» – спросила она у меня однажды после урока – я не ответил ей на уроке по теме, хотя знал ее неплохо.

«Все будет хорошо, Марет Адлановна», – ответил я, глядя ей в глаза. И, видимо, я задержал свой взгляд немного дольше, чем обычно.

Потому что она покраснела, растерялась. Ты понимаешь, она меня стеснялась, меня, который намного младше нее.

Не сказав ни слова, она быстро собрала со стола свои бумаги и ушла, не приподнимая опущенных глаз.

В университете я не подошел к ней. Побродив целый день там, вечером вернулся домой. Не знаю, зачем я туда поехал. Хотел ее увидеть. Увидев же ее, не сказал ни слова, просто полюбовался ею и уехал.

Мне нравится вот так смотреть на девушку, наблюдать за нею издали, когда она не знает, что ты на нее смотришь.

Тогда девушка бывает очень красивой, естественной. Она не играет и не кокетничает, потому и бывает красивой.

Идет последний, шестой урок. В классе тишина. Слышны только легкие, как порывы ветра, перешептывания. Вот-вот должна взорваться бомба – все готовы накинуться на меня.

Тамара Магомедовна напряженно чего-то ждет. На классном журнале лежит книга «История СССР». История – мой любимый предмет. Я даже создал однажды исторический кружок. Просто никто туда не пришел, кроме Руслана, конечно.

Мне кажется, было бы здорово знать свою историю.

В прошлом году мы с Русланом поехали в горы. Мы пробыли там десять дней. Видели башни. Были у трех башен, стоявших у входа в ущелье. Их почему-то называли «Башни Кирда». Там до сих пор живут люди и держат домашний скот. Мы сделали очень много фотографий. Правда, не было ни одной целой башни – рассказывали, что солдаты закладывали под них динамит и взрывали в тот черный день, когда наш народ депортировали в Среднюю Азию. Но почему? Наверное, сильно кому-то они мешали. Те, что чудом уцелели, постепенно добивали люди, держа в них свой домашний скот и приспособив их под хлеба.

Однажды башни показывали по телевизору. Там они выглядели очень неплохо. А вот на самом деле они оказались не такими. Старые, полуразвалившиеся тени от некогда стройных красавцев.

Говорят (по телевизору), что для сохранения этих башен делается невероятно много: их реставрируют, восстанавливают, охраняют. И что для этой цели отпущены средства и работают люди. Но местные жители опровергали эти разговоры. По их словам, только они занимались сохранением этих башен – хотя овец своих они доили внутри башен.

Мы спрашивали их, не находили ли они в башнях что-либо из оружия – кинжал или старинную винтовку.

В ответ они недоверчиво смеялись.

Там жил один парень лет двадцати пяти.

Он, оказывается, учился в Москве. Он много чего нам рассказал. Я и ему задал вопрос, не нашел ли он что-нибудь старинное.

Мне очень хотелось иметь чеченский кинжал. Он сказал, что не нашел. Правда, по его словам, в Москве можно было найти чеченское старинное оружие, вывезенное учеными и туристами, когда наш народ был в депортации. Иногда можно найти и в продаже, но по очень высокой цене. Да, там, в богатых домах, можно увидеть человеческие черепа из наших солнечных могильников, приспособленные под пепельницы.

Хорошо историкам: они знают все исторически значимые места. Вот бы мне стать доктором истории. Тогда я знал бы, откуда произошли чеченцы, сколько миллионов нас было в определенный исторический период. Какие вели войны. Были ли у нас города, откуда произошел наш язык – все бы знал. А возможно, и не знал бы. Если честно, то я не особо доверяю этим историкам. Один начинает писать, что в таком-то столетии произошло то-то и то-то. Другой пишет в ответ опровержение, обвиняя своего коллегу во лжи. А позже выясняется, что не правы были оба. И кому тогда верить? Кругом одна ложь. Сейчас каждый создает выгодную ему историю, накладывая на уста правды печать смерти. Современная история – это басня Крылова о волке и ягненке. Пусть только посмеет ягненок обвинить волка во лжи! Не обвинит ни за что! Ягненок жить хочет.

Дерки говорит, что перед войной чеченцев было более миллиона. А он знает, что говорит – работал председателем сельского совета.

По словам Дерки, на одном из районных собраний какой-то большой начальник из обкома сказал: «В Чечне, по документам, живет около миллиона трехсот тысяч человек только чеченцев! Председатели сельских советов не могут по десять раз ходить в каждый дом. И потому те, кто своевременно не отдаст налог в сельский совет, будут наказаны».

Я задаю нашей учительнице вопросы по истории.

В ответ она хмурится и говорит:

– В книгу посмотри!

– Но в книге нет ничего о чеченцах, – возражаю я. – Есть Рим, Париж, Петербург.

Но откуда она может знать?! Только в прошлом году она окончила университет заочно – тринадцать лет училась. А ведь за это время можно стать академиком.

Надо послушать, как она рассказывает о Второй мировой войне: «Великая

Отечественная война началась в 1941 году. Гитлер напал на нас. Но не вышло, сам попал в яму, которую вырыл для нас, проклятый! Самые большие бои были под Москвой и на Курской дуге. Наши доблестные воины дошли до Берлина, преследуя проклятого врага. Наших погибло на этой войне двадцать миллионов человек».

И все. На этом останавливается. И ничего больше не расскажет об этой войне, будь на эту тему хоть десять уроков.

На другие темы она оперирует датами и цифрами. На вопрос по теме отвечает вопросом: «У тебя что, нет учебника?»

Понимая, что она ничего не знает, я специально издеваюсь над ней, задавая вопросы о Чечне и чеченцах.

«Чеченцы – небольшая нация, а у малых народностей не бывает истории», – приводит она свои доводы.

«А как получилось, что мы выжили среди таких многочисленных народов, не исчезнув с лица земли?» – спрашиваю вновь.

«Не знаю... Сходи и спроси сам!» – гневно обрывает она меня.

«У кого спросить?» – Она делает вид, что не расслышала последний вопрос.

Глядит на меня, собираясь прочесть нотацию. Я пытаюсь сохранять спокойствие.

– Эскиев! – медленно поднимается Тамара Магомедовна.

Я удивленно смотрю на учительницу, не вставая с места и придав своему лицу невинное выражение.

– Ты видишь, я стою, Эскиев! А я старше тебя... И, вроде, ваша учительница. Кроме того, я ваша классная руководительница...

– Простите, Тамара Магомедовна, – поднимаюсь и я.

– Теперь можешь сесть! – она сильно недовольна.

– Спасибо, Тамара Магомедовна, – благодарю я. Она вздрагивает, как от укола. Видимо ее обожгло мое «спасибо». Почему же все меня так не любят?! Наверное, в этом что-то есть. Может быть, я даже виноват. Кто знает...

Я получаю записку:

«Ватсон, сгущаются тучи. Мудрые советовали уклоняться от заведомо проигрышной войны. Не забывай, что скоро предстоят экзамены. Повинись и скажи, что сожалешь, и на этой ноте заверши эту тягомотину.

Шерлок Холмс».

– Эскиев! К тебе приезжала мать, – начинает учительница, – а ты, герой, не соизволил подойти и поздороваться с матерью... Вы не виделись уже много лет! Твой отец, который до сих пор ходит бобылем – слушай меня внимательно! – обратился к ее отцу и братьям с просьбой остановить ее, и таким образом запретил ей видеться с тобой...

– Вы откуда знаете... Кто вы мне... вернее, какое вам дело до моих... вы... – у меня дрожат руки.

– Вы только послушайте его! Как это, кто я такая! Я – твоя учительница... и твоя классная руководительница! Это мой долг, Эскиев, иметь дело до своих учеников...

– Читайте тогда, что я не ваш ученик... Я не хочу... Никто не имеет права учить меня, как жить... Я уже наизусть знаю все ваши лекции по морали... слышу во сне... Надоело... Слышите меня, надоела ваша ложь...

– Тамара Магомедовна! Тамара Магомедовна! Можно я скажу... мне... – рука Румисы, кажется, сейчас оторвется от тряски.

Тогда я встал и пошел к выходу.

Ты бы видел, что там было, когда я выходил! У всех челюсти отвисли на метр. Все провожают меня глазами, словно я иду на смерть.

А Тамара Магомедовна, не шелохнувшись, уничтожила меня взглядом. Наверняка, уже копается в своей сумочке. Там у нее хранятся пилюли. Пригоршнями глотает их, даже если кто-то громко вздохнет.

Раньше, когда мы были маленькие, она била нас указкой. Она носила черные кожающие каблуками туфли. И капроновые чулки, шов которых проходил точно посередине икр. Я поначалу думал, что эти линии швов у нее на ногах, только позднее понял, что это чулки. Подальше, на краешке стула за последней партой – посередине он не помещался из-за малого размера детской парты – постоянно сидел какой-то взрослый мужчина. Он оказался ее парнем. Она именно за него вышла замуж в первый раз.

Тогда она учила нас петь или, если быть точнее, преподавала все уроки. Мы всегда пели только две песни: «Катюшу» и «Мы на Марсе яблони посадим».

Первая песня мне очень нравилась, а от «...мы на Марсе...» мы все порядком устали. Не знаю, как другим, но мне она надоела очень. Однажды она велела нам петь эту песню, а сама села рядом с этим парнем. Закончив песню, мы не смели остановиться и начинали ее снова, и так до конца урока. Я даже охрип.

После этого с любого урока, как только входил этот парень, я уходил, пожаловавшись на колики в животе.

До сих пор первое, что я вспоминаю, увидев Тамару Магомедовну, так это тот самый урок. Она прочно ассоциируется у меня с этим уроком.

Эту песню она навсегда вбила мне в голову. Раньше я часто ловил себя на том, что напеваю «Мы на Марсе яблони посадим». Мог ли я ее забыть, если каждый день в течение четырех-пяти лет только ее и пел?!

Она и тогда училась на историческом факультете. И успевала она везде: и учиться, и работать, и даже выходить замуж.

«Мой долг, Эскиев...» – «Спасибо, Тамара Магомедовна, поберегите силы и нервы, вы же еще должны летом на пару месяцев выйти замуж. Нелегко следовать столь напряженному графику», – с такими разговорами про себя я пришел в лощину, к речке.

Здесь люди не ходят. Есть зеленая лужайка. Маленькая речка. Никого не видно. И хорошо, что не видно.

Я вспомнил, как мы здесь играли, когда я был совсем маленьким. Вспомнил, как мы беззаботно прыгали в воду в длинных, черных шортах. Как приговаривали: «Пусть живут родители, пусть живут братья-сестры, но я вынырну, три раза окунувшись в воду с головой», – и бросались в прозрачную воду.

Ты бы знал, что это была за заводь! В самом узком месте втыкали в дно несколько кольшек. На них закрепляли ветки, сорняки, да все, что можно было под это приспособить. После всего полости заполняли землей. Тогда вода в заводи начинала доходить нам до пупка. А нам больше и не требовалось. Изображая из себя пловцов, мы копошились в этой заводи и вылезали оттуда с вымазанными глиной лицами и волосами.

Целыми днями мы пропадали вне дома. Ломая ветки, ели кислые несозревшие сливы. Иногда дрались из-за сливы. Все сливовые деревья были поделены нами. Правда, наши драки не порождали вражду: если кто-то падал, то драка прекращалась. Мы даже не знали, что можно бить кого-то кулаком по лицу.

Я вспомнил еще один случай. Мы играли однажды в нашем дворе в прятки. Один закрывал глаза и начинал считать. Остальные за это время прятались. Когда, закончив счет, он начинал нас искать, нужно было раньше него подбежать и хлопнуть ладонью по стене. Кто не успевал, тот начинал считать уже в следующий раз.

И вот однажды я, когда бежал хлопнуть ладонью, нечаянно наступил и раздавил лягушку. «Если убить лягушку, – сказали дети, – то умрут родители и корова с теленком». А потом все разбежались, спасаясь, бросив меня там одного.

Я очень сильно испугался.

И тогда я упал ничком на траву и, закрыв лицо руками, заплакал. Я звал маму. Про отца я и не вспомнил. Наверное, потому, что я жил тогда с ним. Я думал, что мама, которая живет далеко, умрет.

«Вставай, Джабраил, вставай», – я почувствовал чью-то ладонь на плече.

Это был Дерки. Я встал, обнял его, заплакал еще сильнее и, всхлипывая, рассказывал ему о лягушке, которую я случайно раздавил.

«Ничего плохого не произойдет. Конечно же, нет... Никто не умрет! Они обманули тебя, конечно, обманули», – долго утешал меня Дерки, старательно вытирая мои слезы.

Когда мы вернулись домой, он рассказал все бабушке и бабушка долго меня ласкала, уверяя, что мама вовсе не умрет, а наоборот, скоро вернется домой.

После этого я заметил, как украдкой, стараясь, чтобы мы не заметили, плачет бабушка.

Дерки прикрикнул на нее: «Не расстраивай ребенка, дура! Приготовь нам кашу на молоке. Хочешь кашу на молоке, Джабраил?» – спросил меня Дерки.

Я кивнул.

Потом мы ели кашу на молоке и Дерки рассказывал мне сказку о летучей мыши.

Заслышав чьи-то шаги, я обернулся. Это Руслан. Он, не говоря ни слова, присел на траву рядом со мной. Мы долго сидели молча.

– Не надо было так... Я в записке...

– Помолчи, Руслан! – обрываю я его.

– Оставь их... дай мне сказать... Зачем тебе это нужно... Пошла к директору школы и устроила истерику со слезами...

– Пусть идет куда хочет! Хоть ты-то перестань...

– Хорошо. Давай пойдем отсюда. Вон там нас ждет Айза...

– Она-то зачем пришла... – я быстро вскочил на ноги. Я не хотел, чтобы Айза видела меня таким.

– Да просто пришла. Пойдем.

Руслан придумал какую-то причину, чтобы уйти, и попрощался с нами.

Мы с Айзой остались одни. Она молчала. Я тоже не хотел говорить.

– Здесь никого нет... давай уйдем... – произнесла она, шагнув вперед.

Удивительная девочка она, Айза. Ни с кем особо не дружит. Учится хорошо. Всегда носит школьную форму.

Я немного робею перед ней... вернее, даже не знаю, что это – просто не чувствую себя с ней так же раскованно, как с другими девочками.

Мы медленно идем рядом. Айза идет, опустив голову и глядя в землю. Наверное, думает о чем-то. Но о чем?

– Джабраил, – начинает она, не глядя на меня.

– Что? – окликаюсь я.

– Почему ты вышел из класса? – выронила, не оборачиваясь, на ходу.

– Послушай, Айза... мне...

– Джабраил... – ее голос дрожит. Быстро оборачивается. Глядит мне в глаза. Глаза небесно-голубые. Лучи, лучи утренней зари. Губы дрожат. Потом пытается улыбнуться. На нежных щеках появляются две круглые ямочки.

Я отворачиваюсь. Я не могу глядеть Айзе в глаза. Я впервые не могу глядеть в глаза девочке.

– Джабраил... Мне... я все понимаю... Думаешь, я не вижу...

– Айза...

– ...Я же понимаю тебя, понимаю, почему ты так... я знаю, ты не такой, ты вовсе не вредный, не грубый... и что тебе нелегко...

– Айза...

– ...У меня тоже есть глаза, и я все вижу... Считают себя лучше всех, ничему детей не учат, да и не пытаются учить... Ставят всем тройки... А потом еще претендуют на роль благодетелей... Благодетели для кого, где их благодетения?... Ты зачем вышел, почему не сказал все спокойно, без обиды?..

– Айза! – взмолился я. – Айза, оставь их, пожалуйста... Давай говорить о чем-

нибудь другом... Какое они имеют право упрекать меня в том, что не поговорил со своей матерью? Зачем лезть мне в душу... Человек не робот... Почему не оставляют ему право мыслить, думать, принимать решения... Считают свои слова истиной в последней инстанции... Меня что, Тамара Магомедовна должна учить жить? Пусть лучше свою историю учит! Я же могу принять у нее экзамен по мировой истории... и я мог бы тысячу часов читать лекции по литературе Таисе Мухтаровне, все лекции по литературе которой заключаются в том, что Раскольников, якобы, зарубил топором старушку, чтобы не умереть с голоду...

– Джабраил...– слышу я и замолкаю. – Пойдем... пойдем, – говорит Айза. Отворачивается и идет вперед. Плачет, думая, что я не вижу. У меня в сердце рождается какая-то странная жалость к ней. К ней, что пришла пожалеть, утешить и успокоить меня. Мне кажется, что она моя сестра, которая пришла ко мне поплакать, пожалеть меня, когда я вышел из дома, поссорившись с родителями. Чтобы потом взять меня за руку и, смеясь и играя, забрать обратно домой.

«Айза, ты не обидишься, если я скажу тебе это? Не обидишься же, да? Я же не в силах признаться тебе... Не в силах написать даже записку. Почему? Ты знаешь почему? Я не знаю. Ты же сказала, что все видишь. А сердце мое видишь?»

– У меня хорошая повесть о десятиклассниках... – прерывает она затянувшееся молчание. – Принести тебе?

– Да, – прошу я, зная, что думает она вовсе не о повести.

– Ты придешь на консультацию? – спрашивает она.

– Нет, – говорю в ответ.

– Эту повесть тебе...

– А-а, приду, – спохватываюсь.

Мы в центре селения. Ей нужно идти в нижнюю часть.

– Ну, я пошла тогда, – она смотрит исподлобья, словно хочет что-то сказать еще. Глаза удивительные, словно влажные. В застывшем сияющем взгляде блестят слезинки.

Потом поднимает голову и уходит. Я смотрю ей вслед. На ней школьное платье. Оно короткое. С каждым ее шагом пола ее платья поднимается. Круглые, подколенные впадины с каждым шагом появляются, исчезают, появляются, исчезают... Я не могу оторвать от нее взгляда.

Потом она скрывается за дальним поворотом.

«Почему ты дал ей уйти так? Почему не сказал? Почему? Что с тобой? Боишься что ли? Да, боишься... Любишь... любишь ее, давно любишь... с прошлого года, с позапрошлого года, еще до своего рождения...»

Я неторопливо иду домой, думая о чем-то своем.

Тихо захожу.

Обед, приготовленный бабушкой, стоит остывший на столе. Дерки нет дома.

Пообедав, я стал листать книгу. Это «Мартин Иден», я только вчера ее дочитал до конца. Я очень расстроился, прочитав, что он умер. Я бы ему не дал умереть. Наверное, понял он эту ложь – что все было не так, как ему казалось, что Руфь такая же, как и все или даже хуже тех «падших» женщин, которых он знал. Но все равно не стоило умирать. Он бы нашел ту единственную, что была бы порядочной, честной и нековарной.

Но с другой стороны... Руфь он очень любил...

«Я же знаю, что ты негрубый... что тебе приходится нелегко».

Немного полистав книгу – я не могу сразу отложить книгу, которая мне особенно понравилась, – все же отложил ее и включил телевизор.

Показывают легкую атлетику. Один парень прыгнул на восемь метров тридцать четыре сантиметра. Он высок ростом.

Я встаю и оцениваю себя разглядывая. Нет, мне еще нужно подрасти!

Выиграв соревнования, этот парень и не смеется совсем, а вот спортсмены из Кубы, Америки или других стран, особенно чернокожие, выиграв, начинают прыгать и размахивать руками. И при этом так широко открывают рты, словно на приеме у дантиста. Некрасиво это. Как-то неблагородно по отношению к проигравшему. Я бы никогда не прыгал, даже если бы выиграл у чемпиона – никто не бывает всегда сильнее всех в чем-то. Когда-нибудь да проиграет любой.

Позже, когда началась передача новостей, приходит Дерки.

– Добрый вечер, Дерки, – приветствую я его, – где ты ходишь? Бабушка вся извелась, скучая по тебе, – я иногда шучу с ним так. У нас так принято – он меня к этому приучил.

– Живи долго, Джабраил. И не говори! Свояченица Висхи приехала из города – вдовушка в самом соку... Она, понимаешь, уговаривала меня переехать к ней в город... Говорит, что есть квартира, ванная с горячей водой... Обещает холить и лелеять, не позволяя встать с дивана... Я едва не согласился бросить эту Зазу, дочь Анзора, здесь, сказав на прощание: «Дасудани, старая бабка», – уехать с ней в город! – смеется он.

Диктор читает международные новости.

– Он рассказывает про Америку, Джабраил? – спрашивает Дерки.

– Да.

– О чем говорит? – спрашивает он вновь.

– Говорит, что землю, на которой живут американцы, они отняли у настоящих хозяев этой земли, истребив их. У туземцев, живших там раньше и называемых индейцами, сейчас остались только малочисленные племена.

– А что, Джабраил, у тамошних народов тоже бывают племена, как и у нас?

– Бывают, Дерки. От этих индейцев есть племена и роды. Ты видел по телевизору мужчин с длинными косами? Это они, которых истребили американцы...

– Ну ты даешь, Америка... Слишком заносчива, но пройдет ли у тебя этот номер?!

– Они, Дерки, еще привозили туда чернокожих рабов из других стран. А сейчас потомков этих рабов там много миллионов человек. И американские власти боятся, как бы эти потомки рабов не пошли против Америки, если у нее начнется с кем-то война...

– Думают, что приготовят им шашлык! Для угнетенного тоже наступит день торжества... Бог сказал, что он обязательно воздаст по справедливости всем и каждому, во имя справедливости перевернет даже лежащий камень. Именно так... Что это, бомбы?

– Да, Дерки... Говорят, когда-то их сбросили на город, который называется Хиросима...

– А сейчас не бросают?

– Нет, Дерки, конечно, нет. Говорят, что мир встал на защиту планеты от оружия массового поражения и против войны...

– Он не о Германии рассказывает?

– Нет, Дерки.

– Германия тоже однажды отказалась от здравого ума... Да гори Гитлер синим пламенем в аду... – Дерки замолкает, глядя в пол. Он очень не любит разговоры о войне. Я не помню, чтобы он хоть когда-то смотрел фильм о войне. Зная, что я выключу телевизор, он выходит из комнаты, чтобы дать мне посмотреть фильм.

Дерки вернулся с войны только через три года после победы. Кочевал по госпиталям с костылями и солдатским вещмешком за плечами.

Только в пятидесятом году он нашел своих сосланных родных. Они жили в Семипалатинске, в Казахстане. Не все, конечно, – выжившие. Его родители и

двое старших сыновей умерли, выжили только бабушка и мой отец. И то лишь потому, что родители бабушки забрали их к себе и помогли выжить. Старшие сыновья отказались переехать к ним. Их теперь нет никого. У Дерки остался только единственный сын – мой отец. После войны у них уже не было больше детей. Он долго пытался лечиться. В конце концов, врачи сказали ему, что ничего сделать невозможно.

– Глава нашего государства написал во все страны письма с предложением уничтожить оружие массового поражения, – говорю я, чтобы отвлечь Дерки от своих мыслей.

– Наш написал? – переспрашивает он.

– Да.

– Глава государства – это великая ответственность, Джабраил! Очень тяжело быть отцом столь большой страны и стольких людей... Даже в семье трудно заставить, чтобы единственный твой ребенок тебя слушался... А тут целое государство! Говорят, что в святых книгах написано, что все руководители стран получают благословение от Бога. Справедливый и милосердный к своим подданным правитель никогда не узрит пламени ада...

– Дерки, а сказано там о еще одной войне?

– Не могу сказать, когда точно... Но святые говорили, что будет война на закате цивилизации... Только я не знаю, какое именно это время – закат цивилизации. Говорят, что это время, когда уважение друг к другу, вера в Бога покинут сердца людей, люди настолько будут пресыщены жизнью, что им лень будет нагнуться за упавшей золотой монетой. Махмуд говорил: «Если будет эта война, то после нее останется на земле совсем немного людей, словно одинокие колосья после пожара на пшеничном поле». Да убережет нас Бог от подобной, да и любой другой войны... Все мусульмане после намаза молятся Богу, прося дать руководителям стран мудрости и согласия. Хвала Тебе, Аллах, смилуйся над нами... – говорит Дерки, проводя ладонями по лицу. – А кого они сейчас показывают? – задает Дерки новый вопрос.

– Это Асланбек Шерипов, который в революцию, на гражданской войне...

– Этот парень умер вовремя, Джабраил.

– Почему, Дерки?..

– Расстреляли бы, как и всех остальных. Сталин же уничтожил всех героев революции, когда сам пришел к власти. Не оставил ни одного уважаемого человека среди чеченцев и ингушей. А после этого собрал всех и выслал в Азию.

Дерки замолкает, шевеля губами.

Я поворачиваюсь к телевизору.

– По многочисленным просьбам телезрителей мы сегодня показываем польскую певицу Анну Герман, – слышится оттуда.

Я с трудом помню ее, поющую: «Красивая и смелая дорогу перешла». Я очень люблю музыку. Самое лучшее – это музыка, книги и предания старины. Анну Герман показывают. На ней черное платье с глубоким декольте. Серые, длинные волосы свободно падают на плечи. Застенчиво водит глазами. Покачивает головой. Медленно двигается по сцене, с задумчиво застывшим взглядом. Она словно невеста для всех, кто ее видит. «Фотографии умерших тускнеют». Когда я это слышал? Она же не такая, как остальные. Не прыгает по сцене, не танцует, даже не улыбается фальшивой улыбкой... Словно чеченка – скромная, застенчивая.

А какой мягкой у нее голос, трогает затаенные струны души, словно поет только для меня одного...

Если честно, то я не очень люблю этих артистов. Душа как-то не принимает их что ли... И поют они, и красиво танцуют, но все равно они не вызывают у меня симпатии как люди. Душа отторгает их, избегая родства с их душами. Мне кажется, что они врут больше всех, кривляясь и ломаясь, думая, что они выше тех, кто им аплодирует.

Конечно, не обо всех артистах я так думаю. О некоторых из них. Их узнает любой, имеющий глаза. Такие люди ведь выделяются.

У одного артиста спрашивают однажды: «Какое твое любимое занятие после пения?» – «Чтение книг», – отвечает он. «Кто твой любимый автор?» – спрашивают снова. «Я очень люблю волшебный мир Гарсиа Маркеса», – отвечает артист. Кажется, я слышал эти же слова пару месяцев назад. Только не помню, от кого именно, хоть убей. Я тогда не знал, кто такой этот Маркес. И я начал поиски его книг. Наконец достал его книги и прочитал. Ничего не понял. Какая-то муть, где все смешано: возвышенное с низменным, чистое с грязным.

После этого прочел еще два раза. Начал понемногу понимать.

И когда я читал Маркеса в последний раз, я вдруг вспомнил, что артист в точности повторил слова какого-то писателя, слышанные мной ранее. И тогда я понял, что артист просто-напросто солгал и солгал неумело, своровав чужую цитату. Я уверен не на сто даже, а на двести процентов, что он никогда не читал этих романов, а если и прочитал, то не понял их настолько хорошо, чтобы сказать о них такие слова. Просто он бесстыдно лжет со сцены, даже не моргнув глазом.

Вундеркинды, блин! Меня распирает от смеха, когда они начинают рассказывать свою биографию!

С их слов можно подумать, что каждый из них еще в утробе матери стал артистом и еще до своего рождения там танцевал или пел. Никто не рассказывает все, как есть, искренне, от сердца. Пытаясь соответствовать стандарту, заданному кем-то из них, одно и то же повторяют из года в год.

Мне нравится Дин Рид. Он как будто мой ровесник, который бродит по миру с гитарой. Он такой, какой есть, никогда не меняется. Когда его арестовали, я тоже писал ему письмо с выражением уверенности, что его песни будут жить вечно, что бы с ним самим не сделали.

Сейчас говорят, он погиб в автомобильной аварии. Всех хороших людей убивают эти автомобили. Хорошо бы уничтожить все автомобили на земле, чтобы они не убивали самых лучших среди людей. Но и тогда нашлись бы другие причины для некрологов: то сердце остановилось, то поскользнулся, то кирпич упал с верхнего этажа. Причин много, даже слишком, особенно для одного человека. Можно написать что угодно, не утруждая себя выбором.

Вот Высоцкий – это был настоящий мужчина! Ни перед кем не прогибался и не старался походить ни на кого. Его тоже хвалят только после смерти, словно он при жизни скрывался от всех. И оказалось, что все в этой стране были его личными друзьями, кроме меня одного разумеется. Сидят и вещают с экранов телевизоров: «Он был таким, был сяким. Не доглядели. Недопоняли. Он был моим лучшим другом», – галдят, временами делая длинные многозначительные философские паузы. И не стыдно затравливать человека при жизни и кричать: «Он был святым!» – после смерти, выпучив глаза и брызжа слюной.

Но «лучше» всех, конечно, наши артисты. Имею в виду, чеченские. Каждый из них – композитор, поэт и исполняет он исключительно свои песни. Это только надо видеть, как он стоит с блаженной улыбкой на лице, всерьез думая, что он второй Моцарт! Просто золотой памятник самому себе, считающий, что слово «нота» означает название блюда в меню ресторана.

Текст песен не стоит слушать вовсе – белиберда из слов, с трудом связанных меж собой.

Мне больше всех из них нравилась Малх-Азни Азиева. Не композитор и не поэтесса. В длинном платье и в белом шарфе, накинутом на голову, она появлялась на экране телевизора с песней:

Запрещают на закате идти по воду,
Запрещают вечером идти на посиделки,
Запрещают выйти замуж за любимого,
Которого я любила с юных лет... –

и у меня от радости перехватывало дыхание. Она рождала в моем воображении картины старины: девушки у родника с кувшинами, парни рядом с ними, удерживающие норовистых скакунов, их разговоры и шутки, журчание родника.

Вот Анна Герман тоже была хорошей артисткой. Она очень робкая, по-детски чистая. Сейчас поет русскую народную песню:

Сладкие ягоды мы вместе собирали,
Горькие ягоды я собираю сама...

Больше всех люблю народные песни. И эпические илли тоже:

В поздний вечер, в подступившем мраке,
Перед самым наступленьем ночи
В черной бурке, под бешметом белым,
Придержав косматую папаху,
Опершись на шашку терс-маймал рукою,
К сходу вышел Шихмирза, сын Зайты.
Словно вихрь, промчавшись по дороге,
На гнедом коне своем высоком
Прискакал и встал пред сходом всадник –
В поздний вечер – рядом с Шихмирзою....

А вот в этих книгах не бывает ничего подобного. Я говорю о школьной хрестоматии. Какие-то обрывки, как ящерицы, потерявшие хвосты. Я даже не смог найти эти илли, сколько ни искал. Кто же составляет эту школьную программу столь скучно? Все, что тебе неинтересно, ты должен изучать по ней. Хорошее произведение можно встретить крайне редко. Словно вознамерились не столько сделать детей умнее, а наоборот, лишить их остатков разума, все сплошь состоит из лозунгов. И нужно учить, хочешь ты это или нет. А потом вся голова забита этими лозунгами, словно наполненная свинцом емкость.

Выступает космонавт с воспоминаниями об Анне Герман. Я дослушал его до конца. А потом у меня все внутри перевернулось и на глаза навернулись слезы.

Почему эта женщина из далекой Польши не была моей матерью – пусть сейчас и мертвой (если по-другому нельзя), вместо живой нынешней матери?!

Ты только послушай, что он сказал! Космонавт рассказывает, как они пригласили ее на концерт, посвященный Дню космонавтики. И она пришла. Поднявшись на сцену, поприветствовав зрителей, она сказала:

– Я очень счастлива – я родила сына!

Представляешь! Столько народа в зале, и им дела нет до ее сына! Хотя это странно, когда женщина объявляет во всеуслышание, что родила сына. Но она все это понимает. И все равно говорит, приехав из Польши в Советский Союз: «Я счастлива – я родила сына!» Она делится со всем миром своим счастьем, своей радостью от столь любимого... сына...

А я... когда я родился...

Я вышел на улицу. Ночь. Легкий ветер. В ясном небе видны звезды.

Только сейчас вспомнил, что обещал Айзе придти на консультацию. Ну да ладно...

«Будь проклят тот, кто лишил нас друг друга, мой мальчик, мой ангелочек...» – прижатые к лицу ладони. Всхлипы через усилия. Выщипанные брови. Мелькающая сквозь пальцы рук блестящая тушь, которой подведены сухие глаза. Одета в сильно обтянутую, с несколькими фирменными этикетками, серую бархатную юбку.

Мать приехала к сыну! У-у-у!

В марте прошлого года, во время весенних каникул, мне, уставшему от разговоров и лжи вокруг темы, связанной с родителями, вдруг стало нестерпимо тоскливо.

Я разбудил среди ночи Руслана, и мы до утра бродили по сельским улицам под лай встревоженных нами собак.

Наутро, так и не выспавшись, я поехал в город. Я хотел все знать: кто я, кому я нужен, почему не ко мне приезжает мать, почему отец не общается со мной как со взрослым, а если я начинаю разговор, то почему не слушает меня.

– А, это ты! Ты чего это сюда приехал, молокосос?! – приветствовал меня отец, распахнув дверь после моего звонка.

У него двухкомнатная квартира в городе.

– Я приехал... я хочу знать... разговор...

– Входи! – ответил он отрывисто. На нем был полосатый махровый халат со слабо завязанным поясом. Виднелись голые ноги, поросшие черными кучерявыми волосами. На груди волосы начали сесть. На столе стояла дымящаяся чашка горячего кофе. Рядом пепельница с недокуренной сигаретой, над которой вился тонкий, голубоватый дымок. Ни дать ни взять – Генри Форд. На столе две пустые бутылки коньяка «Илли». Правда, в одной все же осталось немного напитка на доньшке. На развернутой газете лежали шкурки от колбасы, ореховая скорлупа, куски апельсиновой кожуры. И обертки от шоколадных конфет.

На одном углу стола лежали женские часы и пара шпилек для волос, словно забытые кем-то или же забытые на самом деле.

«Ну и хороши же, старик, твои потаскухи, – хотелось сказать ему по-русски, – постель за собой не убирают».

Отец был растерян. Он впустил меня от неожиданности. А потом понял и пожалел.

– Иди-ка на балкон, пока одежду...

– Я в ванную, попить воды...

– Нет, на балкон! – оборвал он меня.

«Неужели она еще и ванну не вымыла, когда...» – пришла в голову мысль.

Как только я вышел на балкон, мне помахала какая-то девушка. Потом резко остановилась, задрал голову вверх. Внимательно посмотрев на меня, отвернулась и быстро ушла.

Я до того, как позвонить ему в дверь, немного расхаживал под балконом, обдумывая свой предстоящий разговор с ним. Отец, наверняка, видел меня либо в окно, либо когда открывал форточку – да и балкон был открытый. Он, конечно, не мог меня узнать. Но могло показаться, что это я. И на всякий случай быстро проводил ее. А увидев меня, забыл выйти на балкон и попрощаться с ней.

– Поддай-ка мне это... мои тапочки там... это... – отец наклоняется и незаметно, сквозь прутья ограды балкона, смотрит на улицу. А девушка уже далеко, идет легкой походкой, ровно выпрямив спину. Поздно, Ромео, опоздал!

А потом вдруг вся эта накопившаяся злость у меня пропала, и мне захотелось засмеяться. Захотелось заплакать сквозь смех или засмеяться сквозь слезы.

Разговор с отцом представлял себе так:

– Оставь эти вещи, отец. Тебе это совсем не нужно. Подумай о том, чтобы жениться. Тебе разве не жаль Дерки, он очень огорчается, что ты так и ходишь неприкаянный. Я тебя ни в чем не упрекаю, жизнь такая, – мужчины разводятся и женятся вновь...

Он немного посидит в глубокой задумчивости. А потом тихо и ласково заговорит.

– Джабраил, – начнет он, – ты абсолютно прав. Мужчины женятся и разводятся. Ну не получилось у нас с твоей матерью, что поделаешь? Я женюсь.

И у тебя будут младшие братья и сестры. Я до сих пор не мог преодолеть чувства разочарования во всем. А теперь я вернусь домой, начну слушаться Дерки, и мы заживем все вместе...

Я пожалею, что до сих пор злился на него. «Тебе тоже, оказывается, было совсем нелегко, отец. А я совсем тебя не знал», – подумаю я про себя.

– Думая, что только мне одному тяжело, я злился на тебя до сих пор, отец. Прости меня, я же многое в жизни еще не понимаю... У тебя же два дня выходных, давай вместе поедem домой... Дерки и бабушка очень обрадуются. Отец, нам еще нужно строить новый дом: старый же разваливается...

Отец снова пристально на меня посмотрит, думая о чем-то. Потом улыбнется.

– Оказывается, ты у меня вырос, Джабраил. Уже начинаешь проявлять заботу и беспокойство о доме. А я думал – ты еще ребенок. Конечно, мы построим дом... После школы тебе нужно куда-то поступить учиться. Куда бы ты хотел сам?

А потом я, забыв обо всем на свете, буду говорить с ним так же открыто и свободно, как со своими товарищами. Расскажу о том, что я мечтаю стать художником. Покажу ему свои картины. Он даст мне много дельных советов. Купит мне все книги, которые я попрошу. Если захочу, то и вся библиотека будет в моем распоряжении. И мы вместе поедem в Ленинград посмотреть картины великих художников.

– Ну-ка, зайти! – слышу я крик, словно окативший меня холодным душем и заставивший подпрыгнуть на месте.

Я захожу.

Отец сидит в кресле, закинув ногу на ногу. На нем джинсы и рубашка с высоким воротником, чтобы скрыть морщины на шее. Стол сверкает чистой.

Не нравятся мне молодящиеся мужчины, которые красят волосы и два раза в день бреются. Которые постоянно крутятся перед зеркалом в тщетной надежде увидеть уже увядшие цвета молодости на лице.

«Этот стол я бы почистил. Это же мой сыновний долг. Ты же отец мне, почему ты так себя ведешь!» – захотелось мне его упрекнуть.

– Та-ак, зачем ты сказал, приехал? Поговорить со мной? Ну, говори тогда, я слушаю! – откидывает голову на спинку кресла. Глаза суживаются, как у монгола. Челюсть выдвигается вперед.

– Отец... не нужно так... Я уже не маленький... я...

– Говори, говори! Не тушуйся! – со свистом выдыхает через нос. Уголки рта насмешливо приподнимаются.

– ...Я не настолько маленький, чтобы ты... чтобы игнорировал меня... Я хочу знать... почему вы развелись с мамой... Почему мне... не рассказывают... Я... отец...

– А у тебя есть мама? Хочешь к маме? Маменькин сынок! Ха-ха-ха-ха-а-а...

– Не надо издеваться, отец... Мне семнадцать... Я...

– Спроси у своей матери! Позвони ей, вон стоит телефон... Спроси, почему ушла! Зачем сломала мне карьеру! За что до сих пор присылает ко мне БХСС! Что стоишь, спрашивай! Баба ты, а не мужик! «Зачем развелись с моей матерью... Я вырос и уже большой...» Вырос ты! – вскакивает из кресла. Ходит по комнате взад-вперед. Останавливается прямо напротив меня. Молчит.

Звонит телефон. Никак не реагирует на звонок. Телефон звонит настойчиво.

– Алло! – берет трубку, упираясь в бок левой рукой. Слушает: – Ты? Уже... Привет! Что? Нет-нет, подожди возле «Кавказа». Ну, спроси гостиницу... да-да, любой скажет. Что? Ну ладно, подожди, я... – кладет трубку. Ненадолго задерживается возле телефона. Начинает ходить по комнате, задумавшись о чем-то, потирая лицо. Идет в другую комнату. Сразу же выходит оттуда, на ходу надевая пиджак.

– Подождешь меня здесь! – бросает зло. Дверь захлопывается.

Постояв немного, я сел в кресло. Долго сидел без каких-либо мыслей.

Вспомнил все. К горлу подкатил комок. Подбородок дрожал. Глаза наполнились слезами. Хотелось заплакать. Зарыдать в голос. А потом драться со всеми, кого только встречу. Всех избить. Всех победить. А потом проявить ко всем милосердие, пожалеть их, утешить, извиниться, кидаясь им в объятия со словами: «Не обижайтесь на меня! Хорошо? Не обижайтесь!»

Услышав звонок, я вскочил. Распахнув дверь, увидел... нет, не отца. Передо мной стояла красивая девушка с застывшей на лице улыбкой.

– Здравствуйте, – поздоровалась она первой, так и не дождавшись от меня ни слова.

– Здравствуй... – обронил я.

– А Ричард где? Ричард дома? Я не стала ждать... – заговорила девушка тихо, наклонив голову. Я понял, что Ричард – это мой отец.

– Имеете в виду Рамзана? – спросил я.

– Да... Эскиев, – кивнула она.

– Заходите... – пригласил я ее.

Она вошла.

Маленькая черная сумочка на плече. Обтягивающие джинсы. Руки в карманах зеленой куртки. Густые, каштановые волосы до самого пояса.

– Он вышел... зайдет... Я сбегаю за газетами... – сказал я, только чтобы не оставаться там.

– Нет, подождите... Я с Куйбышева... Я звонила... Он сказал, в гостиницу... Куда он...

– Конечно... он пошел встречать вас... Вы не беспокойтесь... Вот... вот, садитесь сюда... Я сейчас... сейчас! – я выскочил из квартиры.

В первый раз я заплакал тогда. Точнее, во второй раз. Не в голос, конечно. Тихо, молча, пока шел по улице. Слезы катились сами по себе. Когда они доходили до уголков губ, я трогал их языком. На вкус они были соленые.

Я избегал смотреть в лица встречаемых прохожих. Но они смотрели на меня. Когда я проходил мимо, почти каждый из них оглядывался на меня так, словно хотел вывихнуть себе шею.

Я оказался в каком-то сквере с длинными скамьями в тени деревьев. Там стоял памятник какому-то мужику с длинными бакенбардами. Я присел на скамейку. Мне казалось, я полностью лишился сил. Был зол.

Мимо проходит парочка.

– Эй! – кричу я ему в след, весьма бесцеремонно. Поворачивается. Мужик в годах.

– Чего тебе? – спрашивает. Я растерянно молчу.

– Ты чего кричишь? – спрашивает он снова.

– Есть закурить?

– А сколько тебе лет?! – спрашивает строго, словно он мне дядя родной.

– Не лезь не в свое дело, пойдем, – тянет его женщина.

– На, возьми, – протягивает он папиросу.

Поднявшись со скамейки, я молча стою на месте.

– Чего стоишь? – говорит он. – Иди возьми!

Взяв папиросу, спрашиваю:

– А спички есть?

Протягивает коробок.

Не спеша раскурив папиросу, протягиваю спички.

Стоит на месте, пристально глядя на меня.

– Пойдем, Султан... – тянет его за собой женщина. Он упирается. Она так и увела его, пристально меня разглядывающего. А спички остались у меня в руке.

Когда я вернулся к скамейке, там уже сидела старушка в очках. На голове у нее шляпка, с цветком из банта на одной стороне. Маленькая собачка – словно игрушечная, покрытая кучерявой белой шерстью. Глаз этой собачки не видно совсем. Она на поводке...

Я присел рядом, всю дым папиросой. Ветер дует в сторону старушки. Папироса дымит, словно паровоз.

Старушка зашевелилась, кося, словно ворона, на меня глазом.

Ты, наверняка, встречал подобных старушек, которые, как только потеплеет, заполняют собой дворы и скверики, прогуливаясь на тонких ножках-спичках, ведя на поводках крошечных, игрушечных собачек. Обрати внимание – они никогда не бывают в компании других старушек. Каждая сама по себе, одна занимает целую скамейку. И всех вокруг презирают. Я бы нисколько не удивился, если бы они вдруг заговорили со своими собачками на французском, и собачки отвечали бы им на том же языке.

Так вот, сижу я, словно не замечая старушку, и неустанно дымлю.

Старушка оглядывается.

Глубоко затянувшись, выпускаю в ее сторону мощную струю дыма.

Смотрит на меня, словно на гангстера, наклонив голову набок, широко раскрыв глаза и придерживая очки за дужку.

Неожиданно поворачиваюсь к ней, глядя ей прямо в глаза, словно хочу ей сказать: «Ку-ку».

– Ой, – вскочила старушка, положив руку на сердце, – прости, господи, душу грешную...

Мне захотелось захохотать. Но я промолчал.

Старушка отошла и села поодаль на другую скамейку, втихомолку наблюдая за мной.

И вдруг мне стало ее очень жаль, захотелось обнять ее и со слезами попросить прощения.

Не выдержав, я подошел к ней:

– Бабушка, – обращаюсь к ней, – бабушка, Вы меня извини...

– Милиция... ми-ли-ция! – заорала старушка, отмахиваясь от меня, словно от черта, забыв даже свою собачку. – Караул!

Я рванул оттуда со всех ног.

И опять к горлу подкатил ком. Опять стало на душе пусто. Мне стало очень обидно, что так все повернулось. В чем провинилась передо мной эта незнакомая старушка?

Долго и бесцельно бродил по городу, просто разгуливая по улицам, заглядывая в разные магазины. И вдруг неожиданно пришла в голову мысль позвонить маме. Высказать ей все, что накопилось.

Я знал, что у них есть телефон, ее муж был какой-то шишкой.

Спросил номер в справочном бюро, я позвонил из автомата.

После долгих гудков в трубке раздалось:

– Алло!

У меня весь мир качнулся перед глазами, словно на меня обрушилась гора. Сердце стучало в таком бешеном темпе, как будто пыталось выскочить из груди.

– Алло, кто это? – снова в трубке.

Голос мне показался юным. У моей матери вроде есть девочка лет тринадцати.

– Я... это я...

– Вам кого?

– Мне... маму... вашу маму... Лайсу...

– Мамы нет дома. А кто ее спрашивает?

– А куда поехала ма... Лайса...

– Она в Ленинград пое...

– Почему она поехала туда... Когда домой...

– А кто это? Алло! Я не знаю, папа, кто... Маму спрашивает, – сказала она кому-то. – Алло!

Я промолчал.

Потом в трубке послышался низкий голос:

– Кто это звонит? И что вам нужно? Безобрази...

«Ту-ут, ту-ут, ту-ут, ту-ут» – пищит трубка.

Из будки телефона-автомата меня выгнала какая-то женщина со словами: «Это тебе не гостиница... Устроился тут на целые сутки». Домой я вернулся только ночью.

На улице лают собаки. Наверное, очень поздно. Включив телевизор, я совсем забыл про консультацию. Айза... Наверное, сильно обиделась... Встретив ее в той лощине, я испытал странное чувство. Сначала обрадовался очень, потом огорчился. «Я же знаю, что ты не такой грубый... что тебе приходится нелегко...»

Потом она взошла на сцену и сказала: «Я очень счастлива – сына родила». Ты подумай, как красиво она сказала.

Ночью на улице хорошо. Никаких дневных шумов. Изредка можно услышать лай собаки. Да пропоет петух. Наше селение большое. По краям огородов в изобилии растет слива. Ночью отсюда виден город. Вернее, видны огни, как светящийся туман. В нескольких местах горят газовые факелы. А в нашем селении газа нет. Есть в соседнем. Говорят, какой-то начальник районного масштаба родом из этого селения. Там даже есть дорога, покрытая асфальтом. А оно всего в пяти-шести километрах от нашего селения.

Если стану начальником, то я буду не хуже других, а лучше. Проложу в наше селение не только газопровод, но и асфальтированную дорогу и тротуары. Люди спросят тогда: «Кто проложил эту дорогу?» – «Джабраил, внук Дерказа и сын Рамзана!» – «Ты смотри! Каким хорошим парнем он вырос. И асфальт, наверное, он проложил?» – «Да. Это все Джабраил». – «Боже, вот как бывает, когда начальник из своего села!»

Представив себе эту картину, мне хочется смеяться. Если бы люди услышали, как я смеюсь на улице среди ночи, сказали бы, что я сумасшедший, тем более, что смеюсь в одиночестве. И что только не приходит в голову? Изредка я представляю себе, как я стал знаменитым художником и даю интервью в Париже. Иногда представляю, как Дерки и бабушка умерли, и тогда глаза наполняются слезами. Изредка фантазирую на тему своей смерти. В момент смерти я бываю совершенно спокоен. Лежу себе горделиво, уговаривая бабушку не плакать. Позволяю проводить меня в последний путь только Дерки, бабушке, Руслану и Айзе.

Айза... Интересно, Айза сейчас уже легла спать? Наверняка, спит. А может, и не спит. Они живут возле ферм. Там ночами всегда бывает много бродячих собак. Ну и что?..

Собаки бродили, как и раньше. А вот Айза уже спала. Окно не светилось. Я и раньше приходил сюда ночами, только не говорил об этом никому, даже Айзе.

Я приходил сюда, когда меня вконец одолевала тоска, чтобы мысленно пообщаться с Айзой. В минуты грусти почему-то всегда я вспоминаю девушек, тех, которые мне нравятся: Марет Адлановна, эта слепая девушка из фильма, Айза и даже те, кого я никогда и не видел, но образы которых я своим воображением создавал в душе. Мысленно я с ними разговариваю, шучу, грущу.

Мне кажется, что я один лежу навзничь в темной комнате, закинув руки за голову, без еды и питья, сильно исхудавший. Я поссорился со всеми, вернее, никто меня не понимает, хотя я и прав. Все считают меня своим врагом, и мне не повезло в жизни. И все равно я лежу в гордом одиночестве, даже и не думая сожалеть о чем-то. И тогда, тихо приоткрыв дверь, осторожно ступая белыми босыми ногами, входит, словно тень, Айза. У нее большие глаза, в глубине которых видны голубые озера и зеленые леса. Ровный, тонко очерченный нос. Пухлые, алые губы. Гибкая шея и узкие плечи. И в мире нет девушки краше нее!

Она медленно подходит ко мне. Некоторое время стоит, молча меня разглядывая. Потом садится на пол, опираясь на одну руку, склоняя голову. Тяжелые волосы, словно два ручья, скользя по спине, спадают вниз. Взгляд опущен. Длинные черные ресницы дрожат. Она молчит. Я тоже.

И тогда мое дыхание становится шумным, биение сердца учащается: я злюсь, злюсь из-за своей жалости к ней.

Я приподнимаюсь со своего ложа: «Ты зачем сюда пришла? Кто тебя звал? Уходи отсюда!» – кричу я на нее.

Айза молча плачет. Пухлые губы дрожат от обиды. Крупные, с горошины, слезы катятся по нежным щекам. Не двигается. Молчит. Не смотрит на меня. Только плачет, роняя слезы.

«Давай уйдем отсюда вдвоем! Давай уйдем! Давай уйдем!» – слышу страстную, сквозь рыдания, мольбу.

«Куда ты предлагаешь мне идти? Куда?» – кричу я снова, присев.

«Давай уйдем отсюда вдвоем туда, где никого нет... Построим на окраине селения, на зеленой лужайке большой белый дом, будем разводить белых ягнят и жить без лжи и коварства, пока оба не умрем», – говорит она, плача уже навзрыд.

И тогда мы уходим – на рассвете, когда начинают просыпаться в гнездах птицы, – взявшись за руки, ступая босыми ногами по росистой траве, двигаясь навстречу восходящему солнцу, чтобы больше никогда не расставаться.

Или представляю себе другую картину, не связанную с Айзой.

Я неожиданно исчезаю из нашего селения. А через какое-то время снова объявляюсь. На сером коне и в длинной, черной бурке. А в руке у меня обнаженный кинжал с серебряной рукоятью, ослепительно сверкающий на солнце.

Все жители селения сбегаются. Окружают. Застывают. Дрожат.

«Пусть каждый покажет свое истинное лицо, – говорю я, – а не свое положит!»

С настоящими лицами люди становятся неузнаваемо другими.

«Пусть каждый влезет в свою настоящую шкуру!» – кричу я.

И люди сбиваются в непонятную жутковатую кучу, которая грызется между собой. Каждый изменился: светлый стал черным, черный – светлым.

«Пусть каждый займет должность и работу по уму!» – взмахиваю кинжалом.

И никто не остается на прежнем месте. Директор нашей школы бегаёт за детьми с палкой в руке в качестве сторожа. Тамара Магомедовна чистит в качестве уборщицы корыто, в котором ученики моют обувь. Завхоз школы осужден на пять лет колонии за кражу дров и угля.

А в нашем классе остается всего несколько учеников. Остальные – в пятом и шестом классах. Некоторые учат алфавит в первом классе.

«Ну смотрите мне, смотрите!» – кричу я, прежде чем ударить плетью коня и ускакать с развевающейся на ветру буркой и сверкающими на солнце подковами коня.

Окончание следует

Перевод с чеченского Михаила ЭЛЬДИЕВА

Насрудин Ярычев**Мной утрачена...**

Мной утрачена прежняя воля,
Или я, разлученный, отвык?
Жадно слушаю музыку боли
И дождя незнакомый язык.

Стали гимном забытые речи,
Смолк мой голос
(как будто бы мстит!).
Тусклый взгляд немотою отмечен
И воспрянувшей тенью разбит.

Мякоть сердца бумагой промокла
И спасительно просит огня!
Рвется ветер в закрытые окна,
В брэнной жажде развеять меня!

Гаснут в небе хрустальные звезды,
Гневно когти вонзая в стекло!
И прохлада окутала ноздри,
Словно к холоду долго влекло.

Тишина. Мысли давят на нервы.
Вещим кругом сомкнулась печаль.
Луч сомнений мучительно прерван
И былое мне, право, не жаль!

Не уснуть. Все бессонницей дышит.
Хищной бездной взирают глаза.
И никто мои вопли не слышит,
Режет скулы сухая слеза!

Как вельможа, усердствует лето,
Цепкий шорох пролегал меж дверьми,
Чрево ночи молитвой согрето.
О душа! Все покорно прими!

Вопли глагола

Владимиру Маяковскому

Глагола скупой оскал
Звучит, словно гимн победный.
Владимир, о чем мечтал,
Когда наступали беды?!

Усопшие ноты труб
И возглас скупой и дикий,
А жест твой – сибирский сруб,
Надломленный мощным криком.

Трибуна! Набитый зал!
Застывшая плоть немеет!
Кулак налитой – кинжал:
Тугое крыло Орфея!

Идешь, теребя пути,
Не зная, что все будет!
И хруст по немой груди
От мыслей предсмертных будит.

О плач, обращенный в смех!
И мышц каменных силы!
Искрится твой тяжкий грех,
Как будто призыв постылый!

О век мой! О хищный час!
Десница – струя рассвета!
Над миром пронесся бас –
Молитвенный вопль поэта!

На заре...

Встаю, как солнце, на заре,
Ищу себя сонливым взглядом,
Я так ослаблен в декабре –
Лишенный сил, даримых садом!

Зло от добра не отличить.
О, что в душе моей творится!
Я с прошлым жажду различить
Судьбы промокшие страницы.

Так щедро сыплет липкий снег,
И неба взгляд едва заметен!
Я снова дар земной отверг,
На хриплый голос не ответил.

Я одинок. Как тень иду...
И нет надежды в давнем друге...
О, что же я в конце найду
И где: на севере иль юге?!

Ищу свой смысл лишь в простом.
Уже ль мне жертвой стать раздора?
Украден дар! Расхищен дом
И бдит в немом окне минора!

От бед, увы, спасенья нет!
Уносят жизнь часы, минуты.
Мой стих! Мной молвленный обет!
И жар в груди пустой запутан!

Мой недруг, не спеши к зиме!
Осенний плод и зрел, и сочен.
Мы – словно искры на земле,
Обрывки слов и многоточий!

Иду по краю...

Застыл обрыв. Иду опять по краю...
И чей-то голос снова вдаль зовет –
Неужто я опять с собой играю?
И твердь земная – мнимый эшафот?!

Смотрю в упор на выжженное небо:
Немую грусть твердят мне облака.
Душа моя, ты большего не требуй,
Моя печаль свирепа, велика!

Шагаю смело! И сухие кости
Стучат с надеждой об подошву ног.
Мы в этом мире странники и гости –
Всему есть час, конец, предел, итог.

О, дай взлететь
над безмятежьем грусти!
(Так мало воли требует бросок!)
Когда ж меня
свинцовый груз отпустит,
И я смогу размять тугой висок?

Я ни о чем давно не сожалею –
К своей судьбе,
как к таинству, привык.
Горят уста. И взгляд сонливый тлеет,
Объяв теплом мой исхудалый лик.

Я все забыл! И память гонит ветер.
И мнутся веки, словно два крыла.
В окне звезда упала на рассвете,
Разбилась, чуть вздохнула, умерла.

И я смотрю, как маленький ребенок,
На ребра стен, разбуженных огнем:

Скользит по стеклам
мраморная крона
И ветвь шуршит
под непробудным сном.

Не оступись!

Племяннику Магомед-Салаху

Ты в мир пришел,
чтоб стать одним из многих –
Так что ж, иди!

(на светлый путь ступай) –
Трудны его избитые дороги,
Он любит дерзких,
неотступных, строгих,
Бегущих вместе, опрокинув край!

Цени врагов (они того достойны!),
Ведь даже враг, порою –
лучший друг.

Пусть труден путь,
что нелегко был пройден,
И за спиной утраты... бури... войны...
Фатальных вихрей хищный полукруг!

И боль терпи, сомкнув в душе обиды...
(Она, как тень безликая, пройдет)
Ты видишь, бдят безмолвно пирамиды,
Покрыты тленом Мартовские иды,
Роландов рог о вечном не поет!

Не оступись!

Жизнь словно острый камень.
В ней слито все: и зло, и доброта.
Ломая судьбы, надрезая грани,
Она, как сон, неукротимо манит –
В конце порой одна лишь пустота!

Ступай вперед, неся благое слово!
Чужую мысль поспешно не суди.
Не будь со слабым,
гневным и суровым,
И он, быть может, улыбнется снова,
Забыв про все, что было позади.

Держи обет, завещанный отцами,
И голос гор – как матери напев!
Твои поступки будут жить веками –
Мужчина славен добрыми делами,
Что он творит, смирение узрев!

И, словно раб, будь всепокорен Богу
(Лишь только
Он способен защитить).
Как ни была б трудна твоя дорога
(Всего и вся на ней случится много...),
Сумей свой век
с достоинством прожить!

Все обиды забуду...

Все обиды забуду, прошу
(Боль в уставшей душе не вместится!)
Ничего для себя не прошу,
Дай воды лишь студеной напиться.

Давит мысли нагрывший гнев.
Мнется тело раскинутой тушей.
Так боюсь умереть, не успев,
Свой обиженный хрип не дослушав!

Буйный ветер скользит по груди,
Дерзок запах остуженной прели!
Понапрасну меня не суди
Оттого, что ты стала не верить!

Купол неба надрезал излом,
С вечной синью сливаются птицы...
К давней цели иду напролом
(Вряд ли пройденный
путь повторится)...

Нет, не жду снисхождений судьбы
(Я покорно приму свою участь!)
Буду, словно нагие рабы,
Биться в колокол, славя живучесть!

Мой испытанный гений незряч –
Он как будто отвергнут (не принят!)
Стану тенью былых неудач,
Вера в то, что душа не остынет!

Все приму (мне по силам оно!)
Черным коршуном сердце взлетело!
И рассвет бьется скорбно в окно,
Словно будит сонливое тело.

Стучится дождь...

Стучится дождь в мое окно,
Скрежешут окна!
Погасло небо. Так темно!
Луна поблекла.

Скользит обида по щеке,
Измяты скулы.
Бьет нерв по высохшей руке
Ослепшей пулей.

Почти окончен разговор...
Уста сомкнуты.
Душа и тело – вечный спор!
Часы! Минуты!

Вокруг клокочет пустота,
Томится щедрость.

И взгляд стремится в никуда –
В чужие недра.

К чему безмолвие конца
И грань расплаты,
Когда безумием свинца
Сердца объята?

Горят последние огни,
Мерцают лужи.
И лист пожухнувшей любви,
Как птица, кружит!

Библейское

От чего, Саломея, ты плачешь,
И по ком твое сердце грустит?
Где покой нерушимый утрачен,
Что душа угнетенная прячет
И какие обиды таит?!

Все забудь (одиночество лечит!)
И врагов ненавистных прости.
Зри молитвой притворные речи!
Путь земной: он и мглист, и беспечен.
Вздых судьбы, словно пепел в горсти.

Не гляди на мирское уныло!
Дни скрываются в таинствах вод.
Отступили последние силы...
Не жалеи! Все по промыслу было!
О, как щедр к нам грешным Господь!

Скорбно плачут скрижали и книги,
И предсмертно взмахнуло крыло.
Помни немощ свершенного ига:
Тяжкий вздох отступившийся мигом,
Сонный пир, превратившийся в зло...

Таят искры пред алчущим взором,
Бьется сердце в разбитой груди,
Вьется дым над остывшей минорой,
И сомнения ткуются узором...
О печаль, вещим кругом сойди!

Грозный царь! Разъяренные речи!
Все пред взором смиренно легло!
И спасения выпросить нечем –
Бдит глава Иоанна Предтечи,
Что свирепым мечом усекло!

Солнце тихо садится за доли.
Мир накрыла собой немота.
Пахнут смертью хевронские смолы,
И последние вопли глагола
Вдруг воспряли псалмом с живота...

Дебют**Хеда Мизаева**

Родилась в 1993 году в г. Грозном. Окончила городскую гимназию № 12. Студентка 2 курса факультета экономики и управления ГГНТУ. Стихи пишет несколько лет. Ей близко творчество современных молодых российских поэтов (Стефании Даниловой, Веры Полозковой, Виктории Миловидовой и др.). Публикуется впервые.

Все обманно

Не разбита... растоптана.
 Втоптана в грязь...
 Не убита... повержена...
 Истерзана в клочья...
 То, что было забыто,
 Вспоминаю смеясь,
 То так тихо, то дико...
 Да хоть ставь многоточья!
 И за смехом – вновь плач
 И все та же пластинка...
 Полоса неудач –
 Целый год «невидимка»
 Снова крик в небеса...
 Снова в полном игноре...
 Для кого-то была...
 Да какое там горе?!
 Это полный провал!
 Да будь прокляты чувства!
 Хоть бы кто подобрал
 То, что было искусством...
 Шаг конечный во мрак,
 Но и там только гостья...
 А душа? Да никак!
 Нет во мне ей житья...
 То погаснет она,
 То столбами огня
 До печали моей докоснется.
 Мне бы просто уснуть
 На устах, чтоб улыбка...
 Снова мир обмануть,
 Мол, была счастлива шибко...

К другу

Ни боли, ни жалости
 И без какой-либо слабости
 Перешагни через толпы людей.
 Под взглядом пусть плавают
 Те, кто прославятся
 Выбором легких смертей.
 И пусть не тарашатся,

За тобою не тащатся,
 Мало им наглости,
 Мечтают напакостить.
 Гнется ложь от усталости,
 Регулярной применяемости.
 Хочется мир весь спалить.
 Дробить на осколки,
 Втыкая иголки,
 Сущную сущность полузверей,
 Подлость их выявить,
 Предательством задушить.
 Рви эту нежить и не жалей.
 На страдания падкие,
 Омерзительно гадкие,
 Притворяясь, что души важней,
 Рвутся на помощь,
 Подразумевая, что «овощ»,
 Но даже не ведают, что ты сильнее.
 До ужаса жадные,
 Разумы смрадные,
 Одержимые властью вещей,
 Загрывают материальное,
 Позабыв, что главное –
 Быть друг к другу добрей.

Баллада о Добре и Зле

Бессмысленно брожу во сне,
 И страх пустот ум поглотил,
 Но все мы люди – как на дне,
 Единый круг нас очертил.
 Добро и Зло нас разбирает
 На армии своих высот.
 Не каждый сам путь выбирает,
 Как будто мало нам забот.
 Добро нас раем увлекает,
 Но Зло умеет соблазнять.

Добра нас рамки угнетают,
 А Зло стремится развлекать.
 Как низко пали мы в стремлении
 Отдаться Злу всем тем, что есть.
 Добро вселяет в нас сомнения,
 Нам в добродетели б засесть...
 Но Зло творить мы рады сами,
 Добро свершить ведь нам трудней,
 И в нас Добро убито нами,
 Ах, если были б мы умней...

Я погрузилась в свою душу,
 Ушла в себя, чтобы понять –
 Что там внутри себя увижу
 И стоит ли это принять.

Закралось в сердце подозрение
 К тому, что движется вокруг,
 Но, не дождавшись озарения,
 Отдамся в милость судьбы рук.

Считая слезы очищением,
 По капле исчезала суть,
 И, попросить забыв прощенья,
 Я начала в слезах тонуть.

От дна ногами оттолкнувшись,
 Всплыла к поверхности тоски –
 Со смертной болью там столкнувшись,
 Ушла на дно своей души...

Загвоздка

Напоминаю – мечты разбиты,
 Ты – убита,
 Прошлое – забыто...
 Хватит ждать,
 Пора играть,
 Свое у других забрать...
 Предавали не раз
 Друзья напоказ,
 Такие мы все сейчас...
 Но будь же умней,
 Не люби так людей,
 И будешь гораздо сильней...

Она обещала тебе не врать,
 Но обещанье ее было лживо.
 Ты никогда не сможешь узнать,
 Кого она на самом деле любила.
 Она сумела всю жизнь перевернуть,
 Исказить все события,
 имена и встречи.
 Ей тьма помогала эту ложь зачать,

Придумывать нежные, сладкие речи.
 Ты поздно бросился ее спасать –
 Вместо души в ней сгусток мрака.
 Она просто хотела твое сердце забрать –
 В дальнейшем тебя ждала только плаха.
 Но пожалела. Отчего? Не знала.
 Не захотела тебя тьме отдавать.
 Поверь ей, милый, она тебя спасала.
 Ей было больно тебя убивать...

Ирония

Знаешь... я столько их мучила...
 Веришь... меня не глючило...
 Сколько... во мне осталось...
 Столько... в тебя влюблялась...
 Ходишь... и тонешь в лужах...
 Впрочем... ты мне не нужен...
 Очень... собой довольна...
 Видишь... как я спокойна...
 Слышишь... как я ликую...
 Точно... я не рискую...
 Прочно... тебя задела...
 Получила, чего хотела?!

Зачем...

Зачем тушить пожар,
 Когда уже не жаль
 Отдать последний вздох,
 Чтобы стать вспышкой?
 Зачем кричать во тьму,
 Как я тебя люблю?
 О том, что ты молчал,
 Я снова позабыла...
 Зачем играть в игру
 С названием «убью»?
 Секундный блеск всех чувств –
 И вновь мы на прицеле...
 Зачем писать стихи?
 Ведь раны глубоки,
 Не исцелить строкой,
 Как все это прискорбно...
 Зачем разбил мечты?
 Им больше не цвести...
 В союзе дня и ночи,
 Не верю больше в сны...

В бокал обманутых надежд
 Долью еще немного боли.
 Довольно мне его депеш –
 Я пью до дна без счастья доли.
 Плесну в бокал немного мести,
 Она, возможно, и сладка,
 Но пью до дна без чувства чести.
 В дальнейшем – месьть слегка горька...

Не читай мои стихи

Не читай мои стихи, в них вовсе нет смысла.
 Я их пишу не от души, просто в воздухе как-то грусть повисла
 И появилась тяга к роковым словечкам
 О преданной любви, непонимании, сумасшедших мыслях.
 На самом деле, я невинная овечка,
 Прочитавшая сотни тысяч книг о нехороших человечках.
 На самом деле это не мои думы, не мои чувства.
 В момент стихотворения в меня вселяется персонаж
 рядом лежащей книжки.

Он не учитывает правила стихосложения.
 Он тупо выводит на бумаге глупые мыслишки.
 Глумится над моим девчачьим воображением.
 Притворно умиляется, ухмыляется при виде моих рассказов
 О любви, о принцах, волшебных пони.
 Говорит, что ржут они, как обычные кони.
 Разбивает в пух и прах мои эфемерные предпочтения.
 Он не оказывает моим дневниковым записям никакого почтения.
 Он критикует, смеется и бьет прямо в болевую точку.
 Достает вопросом: «За что Бог дал твоей маме такую дуру-дочку?»
 Я сначала снимаю, затем собираюсь и затыкаю его же цитатами.
 Он понуро опускает плечи и возвращается на свои тюремные страницы,
 Но тут же с новыми силами вылезает со страниц других книг.
 Он, в принципе, в каждой из моих книг сидит,
 И всем придает этот странный вкус волшебства,
 Но с притворной печалью заверяет, что оно не для меня.
 Я уже говорила, что в моих стихах смысла нет?
 А знаешь, мне ведь нравится весь этот бред.
 Я таким образом избавляюсь от придуманных мною бед,
 И пусть для всех-всех это сушая ерунда,
 Но я пишу эти стихи, не стараясь быть лучше тебя...

Океано

Под водой сложно дышать кислородом.
 Но я же как-то жила, задыхаясь в тебе.
 Ты мое океано – я рыбешка, родом
 Из предлунных троп в ночной синеве.
 Книги встали костью в моем горле драном,
 И не сбудется все сказкой наяву.
 Плавники мои пропитались ядом,
 Но сквозь тьму воды я к тебе плыву.
 А я устала, рыба малая, и попытки мои слабы.
 Потерялась я в тебе, океано, задыхаюсь, тону и мру.
 Но когда-нибудь я решусь взлететь –
 И расплавлю крылья свои.
 Мне весь мир твердит: «Нечего терпеть!
 В небесах новый путь начни».

Но, мое океано,
 что ты так?
 Ты не держишь меня!
 Почему?!
 А мне ветер на ухо шепчет:
 «Оглянись назад,
 За тобой лечу...»

Виват, виват, Виктория!
Что, госпожа, вам спеть?

А степь невозмутима,
Ее не удивить,
Она ли не взрастила
Акынов всех, джигит?!

Белую ниву бумаги...

Белую, ровную ниву бумаги
Семенами тоски засевая,
Сколько пролил я из глаз своих влаги,
Словно бы в поле посев поливая!

Откуда берутся они? – удивляюсь.
Ведь не был я
раньше слезливым таким,
Не старость ли это
нежданно подкралась
К глазам не жестоким,
но все же сухим?

Хоть и стараюсь в себе удержать их,
Ругаюсь: «Не будь идиотом!»
Но влаги излишней надо, видать,
Излиться слезами иль потом...

Зов

Я подсознания слышу зов –
Настойчивый, далекий,
неумолчный –
В объятьях самых крепких снов,
В час поздний, тихий, неурочный.

Зовет, зовет Земля Отцов,
Взывает к памяти моей.
Стучится в сердце вновь и вновь
Так много лет, так много дней...

Мне этот зов родной земли,
Что будоражит в жилах кровь,
Тоской, разлившейся в груди,
Сжимает сердце болью вновь.

Он зовом матери моей
Звучит в ушах – тоскливым, ждущим,
Под отчий кров меня скорей
Усталым голосом зовущим;

Горячим шепотом отца
Он проникает вглубь души,
И жалят сердце, не щадя,
Тоски разбуженной шипы.

За холмами-долинами

Я вижу меловые шапки холмов
Далеко-далеко, на краю горизонта,
Словно застывший строй облаков
Под куполом синего зонта.

Там, за холмами – в долине реки,
Отсюда не видимой взору,
На старой зимовке полжизни прожил
Я в самую светлую пору.

На этой зимовке, забытой людьми,
Но мною, как прежде, любимой,
За годы скитаний тропинки мои
Опутали степь паутиной.

Поредел оголившийся лес

Поредел оголившийся лес.
Пожелтев, опадает листва,
И над лесом нависших небес
Заструилась в ветвях синева.

Уж в преддверии скорой зимы
Тихо дремлют в лесу деревья,
Под шуршание желтой листвы
Постепенно ко сну отходя.

Я стремлюсь не нарушить их сны,
По тропинке скольжу, словно тень,
Мне навстречу выходят грибы,
Сдвинув шляпки свои набекрень.

Но не эти лесные дары
Заманили под тихую сень
На исходе осенней поры –
А печалью пронизанный день...

Идрис Булатбиев

Имена древневосточных богов в чеченской антропонимике

Месопотамия – это область, где возникла древнейшая в мире шумерская цивилизация. В создании культуры Месопотамии участвовали разные народы: шумеры, аккадцы (вавилоняне и ассирийцы) и обитавшие в Северной Месопотамии и Сирии хурриты. К какой из языковых групп относился язык шумеров, наукой еще не установлено, аккадцы считаются семитоязычными, а язык хурритов признан родственным языку нахов.

Мифология народов древней Месопотамии и в целом Передней Азии имеет много общих мотивов, и в пантеонах этих народов часто выступают одни и те же божества, узнаваемые под разными именами.

Этногенез чеченцев, как известно, имеет тесную связь с этнокультурным миром древней Передней Азии. И одно из проявлений указанной связи – следы религиозных верований народов Древнего Востока в чеченском языке – мы постараемся проследить, используя материалы чеченской антропонимики. Иначе говоря, мы ставим перед собой задачу продемонстрировать влияние древневосточных религиозных культов на чеченскую антропонимику, в которой по сей день сохранились в живом обращении имена языческих богов и героев мифов Древнего Междуречья.

Главной функцией антропонимики, по сути, является различение людей, но вместе с тем в основе личных имен издревле присутствовала «магическая» функция. Антропонимикон – реестр личных имен – в каждую историческую эпоху у каждого народа связан с определенной тенденцией, обусловленной в значительной степени религиозным мировоззрением. Таким образом, личные имена людей отражают определенную часть истории народа и национальное самосознание, характерное для этого времени.

С глубокой древности людям было свойственно нарекать своих отпрысков именами языческих богов и героев. Внесенные иудаизмом, христианством и исламом изменения в эту тенденцию незначительны – в виде добавлений к именам божественных эпитетов. С принятием ислама традиционные имена в чеченской антропонимике пошли на убыль. Однако, несмотря на это, в чеченской среде до сих пор сохраняются и бытуют имена шумерских, аккадских, хеттских и хурритских богов, четыре десятка из которых, как нам представляется, твердо идентифицируются.

Аба – бог Аккаде [15. с.238.] – города на севере Нижней Месопотамии. Аккаде – столица государства Аккад при Саргоне Древнем и его преемниках. Аккадскому **Аба** соответствует чеченское мужское имя Аба (с ударением на начальное короткое «а»). **Абиешу** – царь Вавилона [15. с.389.], правивший приблизительно в 1711–1684 годах до н.э., имя которого сопоставимо с чеченским мужским именем **Абаш**.

Ака – один из героев шумерской эпической поэмы «Гильгамеш и Ака» [6. с.60.], правитель шумерского города Киш (совр. Телль-Ухаймир, Ирак) и легендарный соперник Гильгамеша (по другой версии – **Агга**)[14. с.166]. У чеченцев бытуют мужские имена, соответствующие обоим вариантам (Ака//Агга) имени этого правителя: **Ака** (с ударением на начальное короткое «а», где конечное «а» практически не читается) и **АгГа** (с таким же чтением), от которых происходят чеченские фамилии – Акаев, Агаев. К этому же ряду имен, надо думать, относится и другое чеченское имя – **Іаха** (**Іа:ха** с долгим первым гласным), от которого происходит фамилия Ахаев.

Акита – чеченское мужское имя. Нам представляется допустимым его сравнение с названием новогоднего праздника в древнем Вавилоне – **Акиту**

[21. т.5. гл.19]. Анализ «библейских» имен показывает, что древним семитам было свойственно давать детям имена, связанные с названиями праздников (Песах, Шабтай и т.д.). Однако не исключено и то, что происхождение этого чеченского имени может быть связано с героем угаритского (*Угарит – город – государство в Финикии, ныне Рас-Шамра, Сирия*) мифо-эпического предания, богатырем-охотником **Акхит** [23. т.1. с.57].

Бог **Ана** – «Владыка Небосвода» – почитался [14. т.1. с.88] в шумерском городе Урук, он же хурритский главный бог второго поколения, имя которого восходит к шумерскому значению **Ан** «небо» [14. т.1. с.120]. То же самое значение это название имеет и в чеченском языке: **ана** – «небосвод, небо» [7. с.90]. Имени этого шумеро-хурритского божества соответствует чеченское женское имя **Ана**.

В этой связи следует отметить, что в некоторых случаях одно и то же имя у чеченцев имеет двойное хождение – как мужское, так и женское. К примеру, такие имена, как Бата, Дата, Мата, Пата, Тата, и др., даются и мужчинам, и женщинам. **Датта** – лувийский бог грозы [11. с.70] (ср. с чеч. **Датта**, являющимся и мужским, и женским именем). Таким образом, указанная практика присутствует в чеченском антропоминимике, примеры которой мы еще приведем ниже.

В чеченской лексике обнаруживается и другая параллель с шумерским **Ана** в значении «небо, божество неба»: чеч. **ана-йист** «горизонт» (**йист** – «край»), буквально «неба край»), первая часть которого (**ана**), как мы видим, и фонетически, и семантически в точности соответствует шумерскому **Ана**. С этим названием, надо полагать, связано также и чеченское значение **тIурнана** – «космос» (ср. греч. Уран – «небо»). Семантику **тIурнана** принято выводить из **тIера-нана** – «верхняя (небесная) мать» (**тIера** – «верхняя», **нана** – «мать»), считая его якобы именем доисламского языческого божества чеченцев. Однако ошибочность данного толкования убедительно представляет Арсанукаев Р.Д. [2. рукопись], по мнению которого семантика **тIурнана** означает **тIеран+ана** – «верхний (небесный) Ана», то есть – «небесный горизонт/край», где к окончанию первой части этого значения (**тIера**) добавилось назальное «н» – **тIера+н+ана**, что вполне объяснимо по правилам чеченского языка.

Имени финикийской богини-воительницы **Анат** идентично чеченское женское имя **Анат** (с ударением на начальную гласную), с вариацией **Ант** [14. т.1. с.133].

В шумерской «Поэме о сотворении мира» в числе богов фигурируют божество подземного океана **Апсу** и его визирь **Мумму** [14. т.1.с.102-103], которые, по нашему мнению, распознаются в чеченских мужских именах **Иапнас** и **Мума**. По поводу **Иапнас** следует отметить, что в числе чеченских имен есть также имя **Иабаз** – чеченская форма арабского имени **Иаббас**. Нам представляется, что чеченское **Иапнас** идет не от арабского **Иаббас**, а так же, как и оно, восходит к шумерскому **Апсу**.

В храме бога Эллия из шумерского города Ниппур Южного Междуречья (совр. Ирак) в отчете о лечении группы храмовых певцов упоминается певица по имени **Бабату** [15. с.460]. Насколько данное имя было распространено в среде храмовых певцов той эпохи, разумеется, можно только гадать. Для нас же интерес представляет то, что фонетически оно очень близко к имени-эпитету чеченской женщины – **Бабацци**.

Чеченская **Бабацци** – это некая дева, воспеваемая (в старину) и восхваляемая исключительно и только в застолях мужских компаний: «*Бабацци ехийла, вай цунна дезийла...*» («*Бабацци живет пусть долго, и нас она пусть полюбит...*»), – звучат слова из чеченской народной песни. Возникает ощущение, что дева **Бабацци** в представлении далеких предков чеченцев как будто вызывала ассоциации, схожие с образом японской гейши. В задачу последней, как известно, входило развлечение гостей танцами и пением в японских чайных домах, а также ведение чайной церемонии, умение говорить на любую тему и зачастую флиртовать с гостями, сохраняя при этом свое достоинство.

Таким образом, если наша догадка верна, то храмовая певица той далекой древности, нужно признать, являлась наиболее подходящей кандидатурой для возникновения у предков чеченцев подобного рода ассоциаций женского образа в лице девы Бабацци.

К сказанному можно также добавить, что в чеченской традиции право выражать чувства к деве Бабацци является всеобщим для мужчин (как для холостых, так и для женатых), в отличие от выражения чувств к конкретной избраннице. В кодексе традиционного «семейного права» чеченцев муж, как правило, не называет свою супругу по имени. Имя **Бабацци** является одним из шуточных имен, которым мужья называют своих супругов, и только их. Ко всем другим женщинам данное правило не применяется.

Бел (Бэл, Бал) – «*господин, владыка*» [14. т.1.с.100; 26. с.193] (семитский **Баал, Ваал**), так обозначался верховный бог в религиях Древнего Междуречья. **Бел** выступал у шумеро-аккадцев как «**царь богов**» (ср. чеч. эл < ал – «*повелитель, князь*»), он же Энлиль, он же Мардук и он же Ашшур в ассирийском пантеоне. В чеченской среде сохранилось несколько вариантов этого имени – **Бал, Бил** (оба с коротким гласным) и **Бала (Бал:а** – с долгим конечным гласным). В ассирийских клинописных текстах «*царь богов*» отмечен под именем **Belu (Билу)** [13. т.4. с.66-67], в этой же форме – **Билу**, это имя и поныне бытует в списке мужских имен у чеченцев.

Супруга **Бела** именовалась **Belit** (Белит) [13. т.4. с.66-67], у аккадцев – **Белет** [23. т.2. с.648], что означало «*жена Бела*» (**Bel-it**) (буквально «*господина (владыки) госпожа*»). Впоследствии имя **Belit** было перенесено и на супруг других богов. В антропонимиконе чеченцев в числе женских имен сохранилось имя Белит (с ударением на «и» – **Бели:т**), которое даже при сильном желании сложно спутать с каким-то другим именем. Следует также отметить, что отпечаток женского эпитета – /it (ti) в шумерских женских именах со значением «*госпожа*» распознается в аналогичном определении женщины (**ту/сту-«жена»**) у чеченцев, который первоначально также имел значение «*госпожа*»:

«*Да эла хилла хьан,
Нана сту хилла хьан...*» [24.с.296]

(«*Отец твой князем был,
мать госпожой была...*»), –

(ср. чеч. **дести** – «*мачеха*», де/ – «*отца*», /сти – «*жена*», сту-нана – «*теща*», сту/ – «*жены*», /нана – «*мать*» и т.п.).

В чеченской лексике существует выражение **гечдан** в значении «*простить, прощать, помиловать, миловать*», образованное при помощи основы **геч (гич)** – «*переход*» [7. с.201] и вспомогательного глагола /дан – «*делать*» (просительная форма – **гечде**) [19. с.102]. Следует подчеркнуть, что данное выражение изначально используется в отношении покойника или при мольбе о прощении грехов: **Дала гечдойла цунна!** («*Да простит его Аллах*»). То есть семантически данное выражение изначально имеет явную направленность к покойнику и загробному миру.

Этимология основы **геч** затемнена и не указывает ни на что знакомое слуху чеченца. При этом в чеченской лексике существует и другое выражение – **кьинт1еравала** в значении «*простить, извинить*» [7. с. 391], этимология которого вполне узнаваема и понятна любому чеченцу (**кьин+т1ера+вала**, буквально «*с греха сойти*»).

Вагапов А. связывает основу **геч (гич)** со значением **гечо** (гичо) – «*брод; переход, переправа*» [7. с.201], по поводу происхождения которого чеченский языковед допускает вероятность его заимствования: «*Возможно заимствовано из тюркских языков*» [7. с.202]. При этом к этой же основе относится и чеченское значение **гоч (гочдан** – «*переводить речь*», также образованное при помощи глагола **дан «делать»**) [7. с.201].

Указанные основы в этих же формах представлены и в тюркских языках в различных группах значений: **геч** – «*проходить по..., на..., сквозь..., переходить через воду/реку, переходить дорогу, переходить на другую*

сторону, переходить вброд, переправляться, переводить, переваливать...» и др. [28. с.32]; **гоч** – переселяться, перемещение, передвижение, переносить, кочевать, перевозить... и др. [28. с.88]. Однако следует отметить, что при всей многозначности значений в тюркских языках данная основа также не имеет ясной этимологии.

Возвращаясь к указанной Вагаповым взаимосвязи между чеченскими значениями (**гечдан**, **гечо**, **гочдан**), нам видится, что эта связь является потенциальной подсказкой, направляющей на выявление генезиса семантики приведенных основ как в чеченском языке, так и в тюркских языках. Каким образом? Известно, что еще в Древнем Египте в повествованиях о посмертных странствиях души использовали образы «перевозчиков». В греческой мифологии присутствует персонаж Харон – перевозчик душ умерших через реку в подземное царство мертвых – Аид. Харон перевозит только души тех, чей прах приобрел покой в могиле. Среди специалистов бытует мнение, что греческий Харон является заимствованием этрусского Хару, также выполнявшего роль перевозчика душ в мир иной. В мусульманской традиции существует мост Сират, расположенный над огненной преисподней, и в Судный день все люди должны перейти его. Для праведников Сират широк, и они легко могут пройти по нему, а для грешников он острее сабли и тоньше волоса.

Ознакомление с религиозными представлениями населения Древней Месопотамии натолкнуло нас на мысль, пусть и без твердой уверенности, что основу для семантической реконструкции значений чеченских слов – **гечдан** («простить»), **гечо** («переход») и **гочдан** («переводить речь»), как и для основы **геч** в тюркских языках, вероятнее всего, следует видеть в религии Древнего Востока. Дело в том, что судьи подземного мира («страна без возврата») шумеров выносили только смертные приговоры, а протоколированием участи мертвых заведовала женщина-писец Гештинанна [23. т.2. с.649], записывавшая в свою таблицу имена мертвых. Другими словами, Гештинанна имела определенное влияние на «юридическое» оформление дальнейшей судьбы усопшего в «стране без возврата». То есть можно сказать, что от Гештинанны зависел успешный «переход» из мира живых в мир мертвых.

Имя шумерской Гештинанны представляется нам состоящим из трех частей – **Геш+ти+нанна**. Из приведенных выше имен шумерских божеств можно заметить, что последняя часть ее имени (эпитета) – **нанна** – присутствует в именах и у других богов – **Нанна**, **Инанна** (ср. также вавилонское **Лу-Нанна**, **Лу** – «человек» **Нанны**) [14. т.1.с.102]. Вторая часть имени – **ти** – не что иное, как шумерское **ti (it)** – «госпожа». Таким образом, мы полагаем, что значение основы **геч** (*gei*) как в чеченском, так и в тюркских языках может восходить к функциональным обязанностям Гештинанны – «секретаря канцелярии» подземного мира в шумерской религии.

Помимо всего прочего, следует отметить, что рассматриваемая основа **геч** в чеченском языке существует и в другой форме – **гача** (**гачабан** «рыскать, слоняться, бродить» [7. с.201], **бан** – вспомогательный глагол «делать»). Огласовка «а» в этой форме (в отличие от геч), несомненно, является наиболее древней по своему происхождению, что твердо указывает против возможности заимствования этой основы из тюркских языков, ввиду отсутствия в последних указанной формы. Таким образом, проведенный анализ позволяет думать, что корни основы **геч** и в чеченском, и в тюркских языках восходят к шумерскому периоду.

Далее на очереди у нас имя аккадского царя Дуду [15. с.260], правившего приблизительно в 2173–2153 годах до н.э. Дуду [15. с.200] звали также и верховного жреца Нингирсу [15. с.195] – главного бога города-государства Лагаш, который впоследствии (около 2340 г. до н.э.) также стал правителем Лагаша. Имя Дуду в чеченской среде бытует в такой же форме.

Дудуш – один из правителей [15. с.516] города Эшнунна в центре Месопотамии, процветавшего в течение III-II тыс. до н.э. Имени этого правителя в точности соответствует чеченское мужское имя Дудуш, с вариацией Тутуш.

В шумерском **Урукке** почитался бог растительного мира **Думузи**, в семитской передаче – **Таммуз** [10. т.1. с.221], бог умирающий и воскрешающий¹, олицетворяя судьбу зерна.

Зузу – царь древнего **Акшака** [15. с.194], соседствовавшего с **Кишем** – древним городом, существовавшим на территории Междуречья (*совр. сев.Ирак*). В свете имеющихся соответствий нам представляется возможным сопоставить его с чеченским мужским именем **Зиза**, вероятно, его видоизмененной формой. Правители шумерских городов **Урай Лагаша** известны под именем **Каку** [15. с.517]. В чеченской же лексике присутствует очень близкое к нему по своей форме мужское имя – **Каки**, с вариацией **Какк**.

Помнится еще в детстве, когда мать, лаская внучек (т.е. племянниц автора этих строк), напевала нехитрый мотив, в котором раз за разом повторялись всего два слова – «*Инаноу-нана, инаноу-нана...*» (ср. чеч. звательной-ласкательной форму обращения детей к родителям – **Додоу, Мамоу** и т.п.). Тогда эти слова казались бессмысленными и ни о чем не говорили. Лишь спустя много лет, знакомясь с историей Древнего Востока, обнаружив, что шумерскую богиню утренней звезды звали **Инана** [15. с.280], а бог луны в шумеро-аккадской мифологии назывался **Нанна** [15. с.280], мы сразу же вспомнили ту, с детства знакомую песенку, в словах которой теперь уже явно узнавались имена этих божеств Древнего Востока. Чтобы говорить о безоговорочном соответствии текста той песенки именам указанных божеств, разумеется, необходимы дополнительные сведения. Однако бесспорно то, что выражение любви к ребенку в сравнении его с утренней звездой и красотой луны абсолютно соответствует семантике и духу ласкательной песенки для детей.

Лабасу – один из злых демонов в шумерской мифологии [26. т.1.с.177. прим.301]. Так и напрашивается сопоставление с чеченским мужским именем **Лабаз**. Можно только гадать, что послужило причиной того, что предки чеченцев посчитали названия шумерских мифологических демонов подходящими для использования в качестве личных имен (аналогичный пример обнаруживается и с именем демонов **Удуг**).

В числе мужских имен у чеченцев бытует имя **Иела** с разными приставками (**Лом-Иела** (лом «лев»), **Борз-Иела** (борз «волк»), **Сар-Иела** и др.). Принято считать, что **Иела** является *трансформацией* арабского имени **Иали**. Однако данное мнение, на наш взгляд, является ошибочным. С позиции фонетики, арабское **Иали** вряд ли имеет пути перехода в форму чеченского **Иела**. Все заимствованные арабские имена в чеченском антропонимиконе практически ничем не отличаются по своей структуре от оригиналов. С культурно-исторической стороны также нет оснований рассматривать чеченское **Иела** как особую форму перехода от арабского **Иали**. Более того, чеченская форма **Иела** применяется только в отношении сподвижника пророка (Мухаммада) Али, в то время как арабская форма **Иали** присутствует также в числе чеченских имен в неизменной форме.

По нашему мнению, чеченское **Иела** является видоизмененной формой чеченского же значения **эла** («князь, повелитель»), где к начальному гласному добавился гортанный звук «**л**» (ср. араб. **Иайн** – **ع**) (ср.чеч. имена: **Ал=Иал**, **Ам+Иам**, **Ум=Иум**, **Им=Иим**). Осуществлению такого перехода, как можно заметить, соответствуют как фонетика, так и структура обоих имен (**эла>Иела**). Примечательно, что корневая основа **ع** (**Иала**) арабского имени **Иали** означает «*высший, верхний*», что соответствует божественному эпитету (ср.Эл – «*бог*» – финикийский верховный бог) [9. с.79]). Таким образом, надо понимать, что чеченское **Иела** является переходной формой исконно чеченского значения **эла** («*повелитель*»), а не арабским заимствованием.

Исходя из сказанного, нам думается, что чеченское имя **Лом-Иела** имеет отношение к религиозной тематике далекой древности.

Высшим божеством хурритского пантеона был бог неба **Халди**, имя которого специалистами разбирается как **Хал+ди** (ср. чеч. **хьал**– «*верх, вверх, наверху*», **ди** (**да** – «*отец, повелитель*»), «*верхний/небесный повелитель*».

К имени хурритского бога **Халди** невольно напрашивается чеченское мужское имя – **Халд** (с долгим гласным «а» – **Ха:лд**), по своей структуре очень близкое к арабскому **Халид**, корневая основа которого означает «*быть вечным, вечно длиться*» [5. т.1. с.232.], что является божественным эпитетом. Вдобавок ко всему в языческом пантеоне нахов отмечен также и бог неба – **Нал** (**Хал**) [18. с.47] (ср. с чеч. мужским именем **Хал**).

В поисках солидарности с нашим видением происхождения этого имени мы обратились к чеченскому языковеду Арби Вагапову с вопросом: существует ли

вероятность того, что чеченское **Иела** могло образоваться на основе значения **эла** («повелитель»)? На что он ответил: «*Да, возможно, если этот Иела был элой*», то есть повелителем. Такая постановка условия специалистом подкрепила наше предположение. Из источников известно, что бог **Халди** изображался воином, стоящим на льве [25. с.223]. Исходя из проведенных сопоставлений мы склонны рассматривать чеченское **Лом-Иела** (**лом** – «лев», **Иела(эла)** – «повелитель») в качестве отражения одного из эпитетов хурритского верховного бога **Халди**, сила божественной власти которого, очевидно, символизировалась львом как «*власть сильнейшего*».

Мот – финикийский бог смерти [14. т.1. с.132], его имя означало «*смерть*» [9. с.81], оно распознается в чеченском мужском имени **Мовт**, которое вместе с арабским значением **мовт** (توَمّت «смерть»), по всей видимости, восходит к единственному источнику происхождения. Помимо этого, имя указанного божества упоминается также в чеченском фольклоре в форме имен **Элмовт** и **Билмовт** [24. с.155.]. Как можно заметить, перед именем этого божества присутствуют добавления – **эл+мовт**, **бил+мовт**, которые, бесспорно, идентифицируются со значениями **Ил**, **Илу**, **Эл** («*бог*») [23. т.1. с.506–507], **Бел** (**Бэл**, **Бал**) «*господин, владыка*» [14. т.1.с.100; 27. с.193] Древнего Междуречья. К примеру, имя вавилонского **Мардука** произносилось также с добавлением указанного эпитета – **Бел-Мардук** [10. т.1. с.305] («*Владыка Мардук*»). Таким образом, значение указанных форм имени божества (**Мовт**) **Элмовт** и **Билмовт** следует расшифровывать как «*бог Мовт*» и «*владыка/господин Мовт*». То есть здесь мы наблюдаем своеобразный усилитель значения теонима.

В свете изложенного трудно отделаться от мысли, что чеченское идиоматическое выражение **илла-билла** – «*в любом случае, по-любому*» (выступающее как клятвенно-заверительное выражение совершения или намерения совершить какое-либо действие, состоит именно из интересующей

нас пары эл и бил). То есть значение идиомы **илла-билла**, определенно, наталкивает на мысль, что изначально она являлась формой клятвы.

В контексте данного разбора также представляет интерес и осетинское выражение **аллон-биллон**, которое, по мнению известного осетинского лингвиста В.И. Абаева, является этническим термином (самоназванием осетин) [1. т.1.с.47]. Безосновательность такого утверждения была представлена у Дени Баксана [12. с.149-151], который отметил избирательность профессора в выборе названия для осетин из словосочетания **аллон-биллон** притом, что его вторая часть **биллон** была оставлена без применения к названию какого-либо другого народа на Кавказе.

Ошибочность указанного мнения Абаева отмечена также и у Р.Д. Арсанукаева: «...осетинское *allon-billon* встречается только в сказках и только в словосочетании *allon-billon*, а последнее – только в речи людоеда и только в связи с запахом. Увидеть здесь в *allon* «самоназвание осетин в сказках» можно, вероятно, только при очень большом желании» [3. с.48]. По мнению Арсанукаева, чеченское **илла-билла**, служащее «категорическим утверждением безусловности, несомненности предмета речи», и осетинское **аллон-биллон** не только имеют одинаковое значение, но «...более того, *allon-billon* в осетинском языке восходит к кавказскому субстрату – нахским языкам» [3.с.48.]. Таким образом, надо полагать, что первоначальная семантика осетинского **аллон-биллон** восходит к той же основе, что и чеченское **илла-билла**, и, вероятно, это выражение попало в осетинский язык из чеченского.

Царские имена хурритского царства **Аррапхи** включали имя бога **Тешшупа**. Одного из хурритских царей звали **Муш-Тешшуп (Тешшуп «господин»)**[8. с.89], которому соответствует чеченское мужское имя **Муьш** (ср. также чеч. мужское имя **Ташу**).

Нанна – в шумеро-аккадской мифологии бог луны, сын верховного бога **Энлиля** (он же **Алалу**) [14. т.1.с.88]. А не является ли чеченское **нана** – ласкательное прозвище ребенка в значении «*дитя*», ставшее нарицательным обозначением ребенка, калькой имени сына главного бога шумеров? То же самое можно отметить и в отношении имени шумерской богини **Нанше** [15. с.195] (ср. с чеч. женским именем **Нанаш**).

Значение имени следующего божества заметно выделяется своей узнаваемостью для чеченского слуха – это **Нин-гирсу** – бог-воитель шумерского города **Лагаш** [23. т.2. с.648]. Первая часть его имени /**Нин**/ означает «*господин/владыка*», определяемое в именах таких божеств, как **Нинэ-галла** – «*госпожа большого дома/дворца*» [26. т.1.с.106. прим.155.], **Нин-хурсаг** – «*госпожа покрытой лесом горы*» (**хурсаг** – «*покрытая лесом гора*»), **Нин-мах** – «*госпожа великая*» [16. с.133. прим.18]. Вторая же его часть /**гирсу**/ надежно распознается в чеченском значении **герз** – «*оружие*». Таким образом, нужно признать, что посредством чеченского значения **герзмы** обнаруживаем, что этимология имени бога-воителя **Нин+гирсу** – «*господин оружия*» – точно соответствует его сакральным функциям.

При исследовании хурритской «Песни об Улликумми» было установлено, что имя героя этого мифа – **Улликумми**, который должен был поразить город **Куммию**, означает «*Куммию да поразит он*» (или «*порази Куммию*»), от хурритского значения **ull** (**Ул**) и названия города **Кумми** [14. т.1.с.120]. В чеченской лексике мы снова обнаруживаем соответствие хурритскому **ull** («*поразить (убить?)*») – это устаревшее значение **Галашо** – «*слизистая жидкость изо рта покойника*» [19. с.553], которое разбирается на **Гала+шо** (**Гала** – «*мертвец/умерщвленный(?)*», **шо** – «*жидкость/вода*»). Несомненно, с хурритским **ull** («*поразить*») и чеченским **Гала** («*мертвец/умерщвленный*») семантически сближается также нахское **Эл** – «*мир мертвых*» [18. с.148] (ср. также чеч. мужское имя **Гал**).

«К числу самых жестоких, непобедимых, приносящих людям особенно много вреда принадлежали демоны **Удуг** (по-аккадски – **Утукку**). Этим могущественных и злобных духов, непрестанно угрожавших людям, было

семь. Их называли «духами смерти», «скелетами», «дыханием смерти», «преследователями людей». Демоны **Удуг** ходили по земле, разрушая дома, превращая плодородные степи в мертвые пустыни, поражая людей страшными болезнями, внося хаос в установленный богами порядок» [6. с.233] (ср. чеч. мужское имя **Удг** (**У:дг**) с ударением на начальное долгое «у»).

Чеченские мужские имена обнаруживают также следующие соответствия: чеч. **Уту** с именем бога солнца **Уту**, почитавшегося в шумерском Уруке [14. т.1.с.88]; чеч. **Тата** с именем одного из правителей области **Элама Тата** [15. с.397. прим.]; чеч. мужское имя **Хьалкъ** с именем хеттского бога зерна **Халки** [11. с.79]. Имя аккадского бога дождя и грозы **Хутха** [15. с.448], насколько можно судить, проглядывается в чеченском мужском имени **ХутПа**, а также и в женском его варианте – **ХутПи**. Чеченское мужское имя **Хьанун** безошибочно распознается в названии должности главы царских торговцев (так сказать, «министра торговли») в Вавилоне при дворе Навуходоносора (ок. 1127–1105 гг. до н.э.), именуемого **Ханнуну** [22. с.120]. И наконец, чеченское женское имя **Хепат** не что иное, как имя хурритской богини **Хепат** [11. с.68].

В контексте данной темы невозможно не упомянуть о параллелях в чеченском фольклоре и в мифологии Древнего Востока. А именно, речь идет о сходстве сюжетной линии, обнаруживаемой в чеченских сказках, с событиями из шумерского эпического «Сказания о Лугальбанде» [4. с.181-203; 6. с.55; 15. с.306; 14. с.93-94]. В мифе излагается один из эпизодов многолетнего соперничества между шумерским городом **Урук** и **Араттой** – неизвестным городом в Северном Иране. Главным героем повествования выступает **Лугальбанд** – младший сын царя **Энмеркара**, правителя **Урука**. Во время военного похода **Лугальбанда** одолевает зловещий недуг, который парализует его тело, лишив возможности двигаться. Оказавшись в безвыходном положении, он в итоге не только выздоравливает, но и с помощью чудесного орла **Анзу(д)** становится скороходом, оказывая неоценимую помощь войску, бросившему его на произвол судьбы.

Схожая сюжетная линия присутствует и в чеченских сказках [29. с.23, 34]. Аналогично шумерскому **Лугальбанду**, герои чеченских сказок также попадают в безвыходную ситуацию, которую они преодолевают благодаря помощи гигантской орлицы **Аьрзу**. Шумерский **Лугальбанд** закармливает птенца **Анзу**, мажет его благовониями, и за это получает помощь от чудесной птицы. Герои чеченских сказок убивают огромного змея, поедающего птенцов **Аьрзу**, и в благодарность за это орлица на себе выносит их из подземного мира.

Из текста шумерского сказания явствует, что царевич **Лугальбанд** является младшим сыном [4. с.184] царя **Энмеркара**. Главный герой чеченской сказки («*Золотые листья*») именуется не иначе, как «*младший сын эли*» [29. с.24.] (**эла** – «*князь, повелитель*»). Помимо всего прочего, шумерское название чудесной птицы **Анзу** также напрашивается на сравнение с чеченским названием орла – **Аьрзу**. Фантастические птицы присутствуют во многих мифологиях древности, однако идентичность сюжетной линии как в шумерском эпическом сказании, так и в чеченской сказке вряд ли можно оспорить.

По одной из шумерских легенд, первый царь Шумера **Этана**, чьи деяния подверглись записи, тоже попадает в подобную ситуацию. **Этана** был проклят бездетностью, и для того, чтобы добыть «*растение рождения*», которое находится на небесах, в недосыгаемости смертного, он «*заручается помощью орла, спасенного им из ямы, куда его бросила змея*». [17. с.57-58]

Таким образом, произведенный анализ сопоставлений и тот факт, что чеченцы в течение нескольких тысяч лет сохранили в своей лексике имена шумерских, аккадских, хеттских и хурритских богов, говорит о глубоко укоренившемся культурном взаимодействии народов, занимавших обширные регионы Древнего Востока. А на Северный Кавказ проявления этой культуры, надо полагать, попали с теми из предков чеченцев, чья миграция из Передней

Азии на север зафиксирована в устных и письменных этногенетических чеченских преданиях.

Использованная литература:

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 4-х тт.
2. Арсанукаев Р.Д. Чеченские имена, рукопись.
3. Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы. – Баку. 2002.
4. Афанасьева В.К. От начала начал. Антология шумерской поэзии. – Спб., 1997.
5. Баранов Х.К. Большой русско-арабский словарь в 2-х томах. – М., 2002.
6. Белицкий М. Шумеры. Забытый мир. – М., 2000.
7. Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. – Тбилиси. 2011.
8. Вильхельм Гернот. Древний народ хурриты. – М., 1992.
9. Виролло Ш. Рас-Шамра или вновь найденная финикийская литература. – ВДИ, 1937, №1.
10. Всемирная история в десяти томах под ред. Жукова Е.М. – М., 1955.
11. Герни О. Хетты.
12. Дени Баксан. След сатаны на тайных тропах истории. – Грозный, 1997.
13. Еврейская энциклопедия в 16-ти томах, под редакцией Каценельсона Л. и Гинцбурга Д.Г. – Спб, 1906-1913.
14. История всемирной литературы в 9-ти томах, под редакцией Бердникова Г.П. – М., 1983.
15. История Древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. – М., 1983. ч. 1: Месопотамия.
16. Крамер С. Мифология Шумера и Аккада, пер. Якобсона В.А. / Мифологии древнего мира. – М., 1977.
17. Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация. – М., 2002.
18. Мальсагов А.О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов, 1970. – Грозный.
19. Мациев А.Г. Чеченско-русский словарь. – М., 2000.
20. Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. – М, 1960.
21. Мень А. История религии, в 7-ми томах.
22. Миронов В.Б. Древние цивилизации. – М., 2006.
23. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах, под редакцией Токарева С.А.
24. Нохчийн фольклор (Чеченский фольклор) на чеч. яз. Грозный. – 1990.
25. Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). – М., 1959.
26. Поэзия и проза древнего востока. Сборник. – М., 1973. т.1.
27. Садаев Д.Ч. Древняя история Ассирии. – М., 1979.
28. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д»). – М., 1980.
29. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. – Грозный. 1986.

¹ Возникает также ощущение соответствия функциональной способности Таммуза (умирать и оживать заново) семантике чеченского значения тамаш – «удивление»: тамаш байта – «удивить, поразить, вызвать восхищение» (байта – глаг. «сделать») [19. с.393]. Также кажется не лишним сравнить упоминаемое в связи с именем этого божества шумерское значение муш – «змея» [26. т.1. с.116. прим. 184.] с чеченским муш – «веревка» [7. с.481].

Лиза Адмисиева

Краткие географические и исторические сведения о наиболее крупных селениях Наурского района

Наурский – один из пятнадцати муниципальных районов Чеченской Республики. На востоке он граничит с Шелковским районом Чечни, на севере – с Ногайским районом Дагестана, на северо-западе – с Курским районом Ставропольского края, на юге, по реке Терек – с Грозненским и Надтеречным районами Чечни. Протяженность района: с запада на восток – в среднем 60 км, с севера на юг – 40 км. Площадь – 2225 кв.м. Наурский район находится в степной зоне, вдоль реки Терек преобладает лесостепь, на южных оконечностях станиц Наурская, Ищерская и села Алпатово есть крупные леса¹.

Большинство жителей района – чеченцы, также проживают русские (в частности, потомки терских казаков), турки-месхетинцы (переселенцы из Средней Азии, приехавшие в республику в начале 90-х годов) и др. Численность населения на 2013 год составила 56 521 человек².

Всего в этом районе тридцать населенных пунктов. Это села, станицы и хутора. Селений всего одиннадцать: Алпатово, Дальнее, Левобережное, Новое-Солкушино, Новотерское, Рубежное, Свободное, Ульяновское, Фрунзенское, Чернокозово, Юбилейное. Станиц в районе шесть: Ищерская, Калиновская, Мекенская, Наурская, Николаевская, Савельевская. Хуторов – тринадцать: Капустино, Клинков, Козлов, Корнеев, Кречетово, Майорский, Мирный, Обильный, Постный, Селиванкин, Семиколодцев, Суворовский, Бежанов. Все эти населенные пункты относятся к четырнадцати сельским поселениям: Алпатовское, Ищерское, Калиновское, Левобереженское, Мекенское, Наурское, Николаевское, Ново-Солкушинское, Новотерское, Рубеженское, Савельевское, Ульяновское, Фрунзенское, Чернокозовское.

Одно из крупнейших поселений в Наурском районе – станица Наурская. Название происходит от тюркского слова «наур» – «болото, озеро, темная вода», станица была расположена в пойме реки Терек, в то время болотистом и топком месте.

Первые сведения о станице относятся к середине XVII века. По одной из версий, первоначально станица располагалась на правом берегу реки Терек. Позднее она была перенесена на левый берег. Это было связано с вытеснением татар из этих мест. На прежнем месте позже был основан чеченский аул Нижний Наур (ныне село Надтеречное).

После большого набега горцев в 1765 году на Кизляр во главе с имамом Мансуром Екатерина II приказала перевести на Терек часть волжских казаков, живших около Дубовки, и поселить их под именем Моздокского полка между крепостью Моздок и гребенскими городками. Казаки прибыли с Волги в 1769 году и были поселены на Тереке в станицах Галюгаевской, Наурской, Ищерской, Мекенской и Калиновской.

В январе 1772 года на Тереке появился Пугачев. Он посещает три станицы, где живут казаки-переселенцы с Дона, в том числе станицу Наурскую.

На сходе трех станиц – Галюгаевской, Ищерской и Наурской – казаки просили, чтобы он взял на себя ходатайство за них «о испрошении им в Государственной Военной Коллегии к произведению денежного жалованья и провианта против Терсакого Семейнаго войска казаков». Пугачев согласился. Однако эта миссия не была выполнена. В Моздоке Пугачев был задержан, где признался, что он беглый казак с Дона.

10 июня 1774 года, в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 годов, объединенное войско адыгов и крымского хана Девлет-Герей, которого поддерживала Османская империя, подошло к Моздоку, однако Девлет-Герей побоялся штурмовать крепость. Вместо этого он решил 11 июня атаковать станицу Наурскую. Станица была хорошо укреплена и оборонялась казачьим отрядом под командованием атамана И.Д. Савельева. 12-часовой штурм был отбит, а среди погибших адыгов казаками был найден труп князя Кургоко Татарханова, родного брата верховного князя Кабарды Джанхота Татарханова. Девлет-Герей отошел с войском вглубь Кабарды.

В 1907 году в станице было: дворов – 708; жителей – 4785; 1 церковь; 1 молитвенный старообрядческий дом; 2 школы; 1 питейный дом и 29 торгово-промышленных заведений. В 1916 году недалеко от станицы была проложена железная дорога.

Другое крупное поселение Наурского района – станица Ищерская. Станица находится на Терско-Кумской низменности, на левом берегу реки Терек, напротив селения Знаменское Надтеречного района. Точная дата основания Ищерской неизвестна. Первое упоминание относится к 1771 году, несколькими годами позднее она вошла в состав Азово-Моздокской военной линии.

В окрестностях станицы Ищерской находятся хутора (многие из которых пусты) и курганы.

На востоке: хутор Сборный (из воспоминаний сторожилов следует, что хутор возник на поляне, где собирались новобранцы-казаки); хутор Лукьяна (принадлежал зажиточному казаку Лукьяну). На севере: хутор Старомельникова (здесь находился хутор зажиточных казаков и поселенцев); хутор Чернышева (был предназначен для летне-зимнего содержания скота); хутор Новобычкова (принадлежал зажиточному казаку Бычкову); хутор Новомельникова (находился в урочище на севере от станицы Ищерской, в прошлом это был хутор для летне-зимнего содержания скота); хутор Кречетов (вероятно, название дано по фамилии бывшего владельца). На западе: хутор Осетинский (был основан осетинскими поселенцами); хутор Хрусталева (принадлежал зажиточным казакам); хутор Орлова (принадлежал богатому скотопромышленнику Орлову).

В окрестностях станицы Ищерской найдены средневековые курганные могильники. На западной стороне станицы Ищерской: курган Барышникова (Барышников имел земельный участок рядом с курганом); курган Часовницкий; курган Междурский. На восточной стороне – курган Жанжаллина.

В настоящее время станица Ищерская – административный центр Ищерского сельского поселения, который включает станицу Ищерскую, село Дальнее и хутор Кречетово.

На северо-востоке от станицы Ищерской находится благоустроенный рабочий поселок Рубежное, входящий в состав Наурского района. Долина реки Терек по левому берегу, на юго-востоке от станицы Ищерской, называлась Золотой долиной. Название долина получила из-за плодородной почвы, которая давала богатые урожаи. В окрестностях селения находятся хутора и курганы.

На севере от станицы Ищерской в прошлом находились хутора Чукулаева, Баскакова, Бычкова. В окрестностях множество курганных могильников: бугор Хохлацкий (одноименный курганный могильник на севере Ищерской); курган Калмыцкий находится в урочище с одноименным названием (этноним с тюркоязычной основой: «кхалмыкх» – отставшие, т.е. люди, отставшие от орды, племени); курган Косова; курган Серебрякова; курган Закутина; курган Городбище; курган Два брата (два курганных могильника, находящихся недалеко друг от друга); курган Терновыи (урочище с курганным могильником,

заросшим терновым кустарником) и курган Алпатово, который находится в черте селения Алпатово, на южной окраине. Назван он в честь известного на Тереке казака Якова Алпатова, казненного на этом месте задолго до Великой Октябрьской социалистической революции. Алпатов выступал против несправедливости царских чиновников по отношению к терским казакам. В настоящее время на этом кургане величественный мемориальный комплекс советским воинам, павшим в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны.

В четырех километрах к северо-востоку от станицы Наурской расположена станица Мекенская, основанная в 1771 году.

Существует несколько версий происхождения названия станицы. Первая – от татарского (тюркского) слова «мекенды» – «село с тысячами жителей»; вторая – от имени гребенского казака Мекена, который жил на месте станицы.

В окрестностях станицы Мекенской разбросаны многочисленные средневековые курганные могильники и хутора (часть из которых пустует).

На севере от станицы Мекенской находятся курганы: Водопойный; Калеркова; Разрытый (по рассказам старожилов, курган бы разрыт кладоискателями); Батарейный (название связано с тем, что на кургане когда-то размещалась батарея); Ситников курган, курган Кобылкин, курган Копылов; курган Коленкова (носят имена владельцев земельного надела и хутора, на территории которого был обнаружен данный курган); курган Кошевой (на кургане долгое время находились овечьи коши³, что и отразилось в названии. Одновременно кошевой – казачий атаман.

На хуторах Майорский, Ярышева, Шерпутовского, Мельникова постоянно жили и трудились пастухи и батраки – казаки, ногойцы и др. Здесь содержались многочисленные отары овец, табуны лошадей, крупный рогатый скот.

На хуторах Отгонный, Золотарева, Бухаров, Бахматкова, Станский (здесь была почтовая станция, а на почтовой дороге от Моздока до Кизляра почтовую тройку всегда сопровождали казаки) в прошлом содержался скот в летне-зимний период. Принадлежали они крупным скотопромышленникам.

На хуторах Клинков и Мирный, расположенных в окрестностях станицы Мекенской, живут чабаны и содержится скот.

Мекенская станица – административный центр Мекенского сельского поселения (включает станицу Мекенскую, хутор Клинков, хутор Майорский и хутор Мирный).

Напротив села Правобережное на слиянии канала имени В.И. Ленина с Терекком в 1848 году была заложена станица Николаевская, которая имела и чеченское название «Салт-Гала» или «Салтийн-Гала» («Солдатское укрепление»⁴.

В 1848 году здесь были водворены военные поселяне, прибывшие из России в числе 76 семейств. В 1839 году к ним добавилось еще 34 семьи военных поселян, в 1840 году – 12 семей, в 1841 году – 14 семей и в 1842 году – 47 семей. В этом же году все военные поселяне были обращены в казачье сословие и причислены к Кавказскому линейному казачьему войску⁵.

В 1848 и 1849 годах в Николаевскую станицу прибыли переселенцы из Харьковской, Черниговской, Киевской губерний и Малороссии. В 1861 году из упраздненной станицы Дадыховской в Николаевскую переселилось 10 семей. Среди населения была очень большая смертность. К 1880 году из 323 семей осталось около половины. Изначально станица располагалась на отдельном, довольно возвышенном холме, который со всех сторон окружало болото, заросшее камышом. Вода, которой пользовались станичники, была непригодна для питья, из-за тумана и сырого ветра развивались болезни. Необходимость

вброд преодолевать водные преграды, а также длительное стояние в воде при ловле рыбы были причиной ревматизма. Медицинской помощи практически не было никакой. Наконец 17 февраля 1880 года решением станичного схода казаки просили начальство о разрешении переселиться на новое место, на левый берег реки Белая, в 5 верстах от прежнего местоположения станицы. Просьба жителей была удовлетворена.

Вокруг станицы есть хутора: Старый хутор, Луцова хутор, Бачагирова хутор, Сабинские хутора, хутор Чугункин, хутор Дуймабеткин, хутор Чернаева, хутор Свинцова, хутор Росламбекова.

На хуторах Семиколодцев, Обильный, Папанина, Суворова (Бурунный) живут семьи животноводов. Хутор Старый Касаева принадлежал Касаевым – переселенцам из Осетии.

В окрестностях станицы также множество средневековых курганных могильников: Аксинский, Кабанячий, Раскопанный, Пресный, Жареный, Острый, курган «Три брата», Загин барз (возможно, чеченских топонимов здесь было гораздо больше, но с течением времени они утрачены), бугор Старцева, Солнышкина, Длинный, Черный.

По левому берегу Терека шла большая почтовая дорога. Называли ее по-разному: «Большая почтовая дорога», «Русская дорога», «Черкесская дорога». Позже здесь была проложена дорога от Моздока до Кизляра.

Еще одно крупное поселение Наурского района – это станица Калиновская, которая включает хутор Козлов, хутор Постный и хутор Селиванкин. Точная дата основания Калиновской неизвестна. По одной из версий, станица основана в 1642 году на правом берегу реки Терек отшельниками-монахами. В 1715 году по приказу Петра I перенесена на левый берег, а на месте станицы позже был образован чеченский аул Галне (Кень-Юрт). Первое упоминание о станице появляется с образованием Азово-Моздокской укрепленной линии. Станица считалась одним из главных центров старообрядчества на Тереке.

В окрестностях станицы разбросаны многочисленные хутора, курганы и села. Черногаев хутор, Бештов хутор, Батыркин хутор, Сакайкин хутор, Ново-Сакайкин хутор, Лаврентьев хутор, Камышов хутор, Постный хутор, Бежанов хутор, Росламбекова пастбище, Колпинова пастбище, Свинцовы бахчи, Садки хутор, Корнеев хутор, Кордонный хутор, Сапожок, Можарская балка (сюда казаки ездили за солью; возможно, восходит к средневековому хазарскому поселению Маджары. Отсюда распространилось огнестрельное «маджарское» оружие, упоминаемое в героических песнях чеченцев: «мажар топ» – кремневое маджарское ружье. Или: «барх I сонар мажар топ» – восьмигранное маджарское (кремневое) ружье), хутор Линкова, хутор Аксеновичева.

В окрестностях Калиновской было много мельниц, кузниц, маслобоек.

Многочисленные курганы, находящиеся поблизости от станицы Калиновской, частью разграблены, частью раскопаны археологами.

Восточнее от станицы Калиновская раскинулось село Левобережное, основанное в 1954 году как совхоз «Комсомольский». В 1957 году, после разрешения чеченцам вернуться на родину, село было заселено преимущественно семьями терских казаков из предтеречных населенных пунктов, в которых они проживали еще до депортации чеченцев, чуть позже из-за оползней и селей в горах в село начали переселяться семьи из горных чеченских сел и аулов бывшего Чеберлоевского района, а также из села Дарго Веденского района. Они селились компактно на южной окраине, именуемой в народе «хитрым поселком». В 1992 году в село прибыли беженцы из Узбекистана, турки-мехетинцы.

Местное население занято виноградарством, животноводством, садоводством и другими видами сельского хозяйства. Имеются тепличные комплексы по выращиванию овощей и фруктов, которые снабжают республику. Также село богато серными источниками. Часто они используются для отопления. В окрестностях села ведется нефтедобыча, а также имеются станции по перекачке нефти.

На левом берегу реки Терек, у железной дороги Ростов-на-Дону – Баку (железнодорожная станция Алпатово), расположено село Алпатово, основанное в 1929 году при одноименном железнодорожном разъезде. Село называется так же, как и курган, расположенный недалеко (Алпатовский, Алпатова), который, в свою очередь, назван по фамилии казака – Якова Алпатова.

На северо-востоке – село Новотерское (основано в 1932 г.). До 1977 года носило название совхоз Калиновский, который в свою очередь имел отделения, в настоящее время являющиеся самостоятельными сельскими поселениями. Это села Ульяновское, Новое Солкушино и Фрунзенское.

На северо-западе от Калиновской находится станица Савельевская. В окрестностях – хутора и курганы.

Села Чернокозово, Рубежное, Юбилейное также входят в состав Наурского района.

К 1916 году на территории района насчитывалось 70 хуторов с 750 хозяйствами. Район создан 23 января 1935 года в составе Ставропольского края. С 1944 года по 1957 год входил в состав Грозненской области.

В 1957 году район был передан, вместе с территорией нынешнего Шелковского района ЧИАССР, которая была восстановлена 9 января 1957 года. Однако ее территория изменилась. В частности, Пригородный район не был возвращен в состав республики и отошел к Северо-Осетинской АССР. Также было запрещено селиться в Галанчожском, Чеберлоевском, Шароевском районах, на некоторых территориях Итум-Калинского и Шатоевского районов⁶.

С 1957 года по 1991 год Наурский район входил в состав ЧИАССР. С декабря 1991 находится в составе Чеченской Республики.

¹ <http://combcossack.0pk.ru>

² <http://ru.wikipedia>.

³ Коша (устар.) – загон, овчарня; место стоянки или зимовья группы пастухов, отсюда и название – кошара (овчарня).

⁴ В наше время почти не используется.

⁵ <http://combcossack.0pk.ru>

⁶ См.: Кузнецова А.Б. Этнополитические процессы в Чечено-Ингушской АССР в 1957–1990 гг.: последствия депортации и основные аспекты реабилитации чеченцев и ингушей. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2005. Глава II. Реабилитация чеченцев и ингушей: политические аспекты. §2. Административно-территориальное восстановление ЧИАССР.

Тауз Исс

Проблема трудовой незанятости актуальна для населения стран всего мира по разным причинам, особенно в связи с кризисом, поразившим экономики государств, в том числе высокоразвитых. Не является исключением ситуация в Чеченской Республике, которая на рубеже веков в результате двух прошедших войн потеряла весь свой производительный комплекс как в тяжелой и легкой промышленности, так и в сельском хозяйстве. Над решением вопросов по преодолению кризиса и снижению темпов безработицы бьются умы десятков (если не сотен) ученых-экономистов, не остаются в стороне от этого, в прямом смысле слова, созидательного процесса и люди творческих профессий. Вниманию наших читателей представляем философский «взгляд на проблему» известного чеченского писателя.

Национальная идея для страны Гор и Равнин

Если попытаться определить самую терпеливую из всех существующих в материальном мире четырех стихий, то, безусловно, в качестве таковой можно назвать землю. Земля и ее недра, согласно Конституции, являются основным национальным достоянием и богатством. Все произрастает из земли, земля кормит, поит, одевает, обувает, и сами мы, как известно, сотворены из земли, глины. Промышленник Генри Форд как-то отметил, что единственно производящей силой является земля. Действительно, на заботу, любовь и уход земля отвечает человеку сторицей.

Чеченский ландшафт именуется Горы – Равнина. Издревле хозяйственная деятельность в этой своеобразной экосистеме протекала в разумном равновесии. В горах основное внимание уделяли животноводству, а на равнине земледелию, то есть горы производили мясо, а равнина зерно. Причем животноводство не требовало особых затрат, так как зимовки проходили в затерченных бурунных степях с мягким климатом, а зерновые на равнине могли давать и по два урожая. Временами, в пору катаклизмов, этот уклад разрушался, и оба акцента смещались в горы. Последний из них – депортация, как известно, подорвал все основы. Сейчас основной акцент сместился на равнину, чего, пожалуй, никогда ранее не бывало. Так или иначе очевидно одно, что мы до сих пор не можем восстановить разумный баланс жизнедеятельности народа сообразно устройству нашей земли. В результате этого – огромный национальный производительный ресурс находится в тисках безработицы, попросту говоря, бездействует. Тем временем земля приходит в запустение. Странная, если не сказать больше, ситуация: при наличии целой армии безработных (искусственно созданной за годы советской власти!) и высокопроизводительной, лучшей в мире земли оба фактора пребывают в стагнации. Попробуем разобраться – почему это произошло и что надо сделать, чтобы выйти из этого деморализующего состояния, при котором нет и не может быть полноценной жизни народа и населяемой нами земли.

Данная проблема – наиглавнейшая в жизни нашего народа, возникла она вопреки его воле и до сегодняшнего дня ждет своего решения. Ликвидация безработицы вытекает из целостного видения проблемы, то есть, пока мы не наполним форму, среду нашего обитания соответствующим, должным содержанием, равновесие не наступит. Не наступит потому, что таковы законы соответствий, мироздания, Творца. Что же надо сделать на начальном этапе?

Пожалуй, нет ни одной семьи, а тем более рода, у кого в горах не было бы своей земли, надела. Земля эта, как было сказано, со времени депортации, когда разом потухли наши древние очаги, до сих пор медленно приходит в неузнаваемое, катастрофическое запустение. Можно сказать, почти ушло поколение, помнящее родовую землю, пропитанную потом и кровью отцов;

землю, где на заросших кладбищах лежат пращурь, где совсем одичали сады, где стоит мертвая тишина с того памятного утра сорок четвертого года; землю, ждущую, когда люди очистят, вспашут и положат в нее семена, чтобы взойти добрым урожаем, насыщая голодного, радуясь жизни, дарованной Творцом, исполняя его Завет. Восстановить естественную связь между почвой и кровью, воссоздать баланс хозяйственной деятельности – задача, жизненно необходимая, и это должно стать национальной идеей. Поскольку государство ее разрушило, оно же и должно ее восстановить. Необходимо создать целевую долгосрочную федеральную и республиканскую (или же совместную) программу восстановления крестьянства и жизнедеятельности горной зоны. На первом этапе эту проблему в короткие сроки (месяц-два) должна изучить специальная рабочая группа с участием старейшин, ученых и хозяйственников для выработки рекомендаций и создания предварительной программы. Затем вынести ее на всенародное обсуждение и доработать с привлечением всех пожеланий и рекомендаций народа, после чего, обсудив еще раз, утвердить всенародным голосованием.

На втором этапе – создать специальный фонд Возрождения с дотациями из федерального и республиканского бюджетов, откуда будет идти финансирование этого всенародного проекта. Это финансирование должно быть безвозмездным, так как государство выполняет свой моральный и нравственный долг. И не только. Общеизвестно, что детонатором «чеченской революции» явилась огромная масса безработных. Она же всегда является фактором неустойчивости общественной жизни. Если привести настоящий проект в действие, то он вовлечет в себя практически весь активный национальный ресурс.

И на третьем, завершающем этапе приступить к непосредственной практической реализации общенародного дела. В этот процесс так или иначе может быть включено практически все население республики от мала и до велика. Сама идея станет доминирующей и поведет общество к созиданию, к земле, к труду. Излишне говорить, что это даст в конечном итоге, но все же назовем лишь некоторые, самые существенные и возможные результаты. Во-первых, ликвидируется как явление безработица или же сведется до минимума, восстановится и установится традиционный, заповеданный Всевышним порядок: и человек, и земля (бездействующие ныне), согласно законам миропорядка, станут трудиться, производить, иначе говоря, пустующая форма наполнится содержанием. НАСТУПИТ МИР. Сам процесс общенародного дела привнесет в общество здоровое, благородное начало. В скором времени народ увидит плоды своего труда – экологически чистую и сравнительно дешевую, выращенную на своей земле продукцию. Созидательный процесс явится также реабилитационным в отношении здоровья народа – как известно, труд на родной земле способствует оздоровлению организма. Формула «Горы – Равнина» уравнивается, станет равнозначной, наполнится подлинным смыслом. Это не фантастика, это сущая правда. Правда и то, что наши древние родовые угодья и кладбища пришли в одичание и запустение и то, что мы можем возродить наши исторические гнезда. Видимо, для этого нам надо очистить наше сознание. Дальнейшее, надо полагать, произойдет само. И последнее, этот проект в большей степени выгоден государству, так как будет способствовать гармонизации общества, при этом здесь не нужны большие затраты. Несколько миллиардов рублей решат наиглавнейшую проблему нашего существования.

Вахид Итаев**В поисках идеального героя**

Роман Мусы Ахмадова «Дерева в сумерках» вышел на чеченском языке 25 лет назад. Он занял особое место в художественной словесности чеченцев, так как явился подлинно новаторским для того времени произведением. Удачное сочетание актуальной проблематики с «вечными» вопросами, необычная поэтика, в которой фантастика переплелась с реальностью – все это определило счастливую судьбу романа, который занимает достойное место в ряду лучших произведений чеченской литературы. Несмотря на высокую оценку, полученную из уст известных литературных критиков и литературоведов – Ю. Верольского, Л. Егоровой, Л. Довлеткиреевой – а также признание читателей разных поколений, споры о нем не утихают до сих пор. К обсуждению его снова и снова обращаются ученые, студенты, учителя. В данной публикации предлагаем взгляд писателя Вахида Итаева на этическую и философскую составляющую этого произведения.

Предваряя короткий анализ романа, скажу: тот молодой человек, который поставил цель – узнать глубже историю своего народа как в социальном, так и в психологическом плане, не обойдет этот роман, он проштудирует его. А если проштудирует, то обогатится, как и не ожидал, приступая к анализу. Этот роман – плотный и правдивый социальный и психологический материал о чеченском народе. Писатель изобразил народ на историческом перевале или, другими словами, на перепутье.

Если посмотреть на жизнь с большой орбиты, то этот роман – протест нерукотворного Божьего мира против рукотворного человеческого мира. Мир, созданный Богом, чист, и народ, живущий с природой, с Божьим миром, правдив и чист духовно. Но рукотворный мир, мир машин, университетов, книг – это мир повышенных человеческих страстей. Свежий народ, дитя Божьего мира, вступая в рукотворный мир, вынужден менять свою психологию, он приобретает много, но и теряет много, теряет тысячелетнее.

Чеченский народ не только в начале прошлого века, но и в середине был почти крестьянским народом. Он долго был запасным игроком новой цивилизации. Но и ему пришлось вступить в мир машин, книг и прочих атрибутов рукотворного мира. Процесс этот очень болезненный для любого народа. История это подтверждает. Вот это столкновение в человеческих сердцах двух миров – Божьего, нерукотворного, и человеческого, рукотворного, и прослеживает автор в романе.

Нерукотворный мир защищает главный герой романа – Астамар, рукотворный – другие герои. Нет, Астамар не против нового мира, но он против того, чтобы считать старым и вредным все, что наработано поколениями. Он не хочет верить, что светлые и нравственные категории, сотканные предками, устарели и больше не нужны. Он защищает все прекрасное, что было в прежней жизни, ибо вечные нравственные категории, хранящие человека, не сгорают.

Итак, обратимся к образу Астамара, попытаемся проследить, какими чертами наделяет писатель героя как носителя высших нравственных начал.

Мальчик Астамар растет в селе. Хорошо учится и тайно пишет стихи.

И, разумеется, мечтает печататься. Как-то приехал в горы драматург Ниттаев собирать фольклор и, само собой, отдохнуть. Он в полном объеме воспользовался традиционным гостеприимством: ел, пил, отдыхал. Ниттаеву

показали тетрадку со стихами Астамара. Он похвалил некоторые и обещал напечатать в Альманахе, а Астамару наказал следить за выпусками. И вот мальчик каждый месяц бегаёт на почту, покупает Альманах, но не находит свои стихи. Ниттаев не напечатал их.

Да, это был первый удар по сердцу Астамара, нанесённый представителем рукотворного мира. Взрослый обманул доверчивого мальчика. А обман доверчивого – грех величайший. Наказание за этот грех суровее всех, как это ни странно, определил язычник Чингисхан: в своде законов наказанием для обманувшего доверчивого была смерть.

Второй удар Астамару нанесла родная школа. Он учился лучше всех, а медаль дали другому. Третий, впрочем, и сотый удар по сердцу Астамара нанес университет. Тут были совсем другие правила и человеческие отношения, нежели те, которые впитал в себя в родном селе Астамар. И правила тут писали циничные люди. Забегая вперед, скажем: красный диплом, хотя он и учился на отлично, Астамару не дали.

Он не мог играть по правилам, расписанным Квадратным. Этот персонаж находка автора. Нет, он не выдуман, он был в той жизни. Это творение самой жизни. Биография Квадратного такова: его мать Лаура в деле любви была отчаянной женщиной. Родился мальчик. Мальчик подрос и спросил мать: где мой отец и кто он? Мать, хотя ее сын больше был похож на дядю Чингисхана, а не на кавказца, ответила, что его отец – Ахмед, он чеченец и что он уехал на Кавказ. Квадратный поехал на Кавказ искать отца. Правда, он не жаждал пасть на плечо отца и зарыдать, он хотел отомстить. Но Квадратный отца не нашел, потому что Ахмедов на Кавказе оказалось больше, чем огурцов, и ни один из них не был похож на дядю Чингисхана. Но Квадратный проявил энергию, выучился, стал ученым-археологом. Стал неудержимым сторонником эмансипации горянок, благо, и государство, создавая советского человека, вело политику нивелировки. Квадратного, разумеется, высокая политика не интересовала, но он приглашал девиц разных национальностей в археологические экспедиции и над древними могилами внушал им мысль, что все тленно и надо ловить минуты счастья. В университете было много его учениц и, разумеется, учеников тоже. Многих психологически перековал Квадратный. Прошедших его и ему подобных школу оставляли на кафедрах преподавательницами, а неподдающихся эмансипации посылали в глухие уголки, на дальние хутора, где не было ни света, ни газа, ни магазинов, одним словом, эмансипация шла черным налом: Жансари превращалась в Жаннетту, Мелисат – в Мельхиор и, соответственно, целомудрие и стыд – в распущенность. Ради карьеры и благополучия презрели и отбросили тысячелетние ценности. Все это видел и переживал Астамар и не мог мириться, он хотел чистоты и целомудрия, хотел в рукотворном мире как можно больше сохранить чистоту и ясность нерукотворного Божьего мира. Его отношение к любви рыцарское, он впитал это отношение от родников, горных вершин, священных для каждого горца преданий. И, как бы ни наступали на него книги, университет, высотные дома, одним словом, цивилизация, остался верен чистоте, вечному. Он влюбляется во многих девушек, но они предают его, нет, в глубине души они не предают его, они просто не могут устоять перед искушением и соблазнами рукотворного мира. К тому же и государство безбожное, атеистическая пропаганда – нет Бога! – льется водопадом на юные головы и сердца. И, чтобы устоять против этой безбожной стихии, надо родиться очень близко к оси истины. Да, Астамар – трагическая личность. У него нет ненависти к тем, кого из-за их слабости бесы увели по безбожной тропе, он их жалеет.

Когда Евгений Ахмархаджиевич (Эдалби-Хаджи) завел Астамара в ванную,

открыл кран, чтобы никто не услышал и не записал его исповедь, поведал, почему он поменял имя, данное ему отцом, почему живет такой искусственной жизнью, Астамар жалел его, он понимал его слабость, но не понимал его как человека.

Интересна исповедь Ахмархаджиевича, ведь она отражает то время. Он исповедуется в ванной, потому что боится, что его подслушают. И тогда – прощай, карьера и сытая жизнь. Он не хочет голодать, как голодал в детстве в депортации, когда он грыз брошенный собакам мочевой пузырь животного. Нет, он хочет есть икру, свежее мясо и чтобы и дети питались, как люди. «И к тому же, Астамар, я не верю в Бога, – говорит Ахмархаджиевич. – Если бы он был, он не позволил бы загнать в вагоны-телятники весь наш народ, вывести в Среднюю Азию и выбросить в степь. Везли целый месяц и в пути погибла половина народа. Какое мое было детство, я знаю. Нет, я не верю в Бога. Вот докажи мне, что Он есть, я стану перед тобой на колени, покаюсь и проживу той жизнью, которую ты требуешь от человека».

На собрании Астамар выступил с обвинительной речью – против лицемеров. Приведу некоторые строки из его выступления. «Вы подумайте, что с нами стало? Нашими жизненными принципами стало вранье, обман, двуличие... Почему мы допускаем, чтобы человекодыяволы сидели на наших плечах... Если это продлится, нам и война не нужна, мир людей будет уничтожен ложью... Кто бесчестен, тот и в почете. Трусые и безнравственные получают теплые места... Людей отравляют Квадратные и ему подобные... Настоящая жизнь там, в ауле, в краю чинар, дубов, лип и чистых родников. Где пахнут землю. Где слово и дело одно. У меня нет другой мечты, как построить дом из бревен на опушке леса и жить, беседуя с Божьим миром» и т.д. Это крик не просто чистого человека, это крик страдающего человека, призыв к падшим и заблудшим. Но его не поняли. Почти все выбежали из зала, разумеется, считая его сумасшедшим. Ведь власть говорила совсем другое: все хорошо, идем к коммунизму. Хоть это и опасно, Астамар не меняет своих убеждений. Однажды, в селе, он залезает на самую большую грушу и призывает людей опомниться, жить справедливо, по-божески.

Много можно писать об Астамаре, это цельный человек, он наследник главного народного духа, он наследник Божьего мира и он трагическая личность. Он мучительно переживает безнравственность современного мира. Он знает, что только чистое рождает чистое.

Молодые люди должны брать пример с таких героев. Для этого автором так тщательно и выписан этот образ.

Роман символичен и реалистичен, полон гипербола, фрагментов фантастики. Эти атрибуты – второй и третий план произведения.

В груди, например, Квадратного двенадцать ядерных печей, и каждая мощнее черновобильского реактора. Каждый мыслитель, да и просто вдумчивый человек, согласится с автором, с этой гиперболой. Один человек, который носит в своей груди цинизм, ненависть, вражду и сеет все это вокруг себя, опаснее и вреднее атомного реактора. Квадратный опаснее Чернобыля, он отравляет все вокруг. Ниттаев, который может соврать и ребенку и который имеет странную способность вытягивать шею на целый километр и заглядывать в иллюминаторы пролетающих самолетов, – тоже отравитель жизни. Отравители жизни – и Жаннетта, и Мельхиор, и им подобные, ведь их цель – перепачкать чистых девушек, вести их по тому пути, по которому пошли они сами.

А вот Балаев – поэт, утверждающий, что он хранитель золотых пирамид, богатства всего человечества и маленького камешка, на котором написаны тайны рода людского, – невинный сказочник, распалющийся воображение

поэтических и невинных людей. А вот фантастика, что при выселении народа некоторые люди превратились в волков, остались на Кавказе, стеречь и хранить родину, не кажется фантастикой, в это веришь. Веришь, что Бог при такой беде мог дать некоторым людям способность такого перевоплощения.

Много тронул, на многое намекнул, от многого предостерег Ахмадов в своем романе. Есть такое понятие в латиноамериканской культуре – «воин света». Можно сказать, что Астамар Ахмадова также является воином света, а его роман, предостерегая народ от ошибок, связанных с отклонением от тысячелетних идеалов, также является оружием «воина света», в качестве которого выступает уже сам автор. У автора оригинальное миросозерцание. Это прямое следствие прекрасного знания своего народа, его психологии, истории, мечтаний, преданий. Кстати, роман – целый кладезь поговорок, преданий, острого чеченского юмора.

Я еще раз хочу повторить: молодой человек, чеченец, многое потеряет, если не проштудирует этот роман.

Фолкнер говорил: человека надо судить по главному его достоинству, не обращая внимания на маленькие недостатки, даже если их и много. Это же нужно говорить и о литературных работах. Роман Мусы Ахмадова – выражение искренней любви к своему народу и страстное желание помочь ему в пути. А путь в будущее и труден, и долог.

Роза Межиева

Несколько слов о «Слове»

С начала текущего года в Грозном стала выходить ежемесячная культурологическая газета с символичным названием – «Слово».

Редактором этого независимого издания со скромным тиражом в 700 экземпляров является известный чеченский поэт, прозаик и публицист Тауз Исаев.

Иной, скептически настроенный, читатель вправе спросить: в эпоху Интернета и всевозможных гаджетов, готовых открыть заинтересованному пользователю доступ почти к любой информации, зачем еще одно «СМИ» – пусть даже сугубо культурологической направленности, да еще на «устаревшем носителе» (бумаге, то бишь)?..

Отчасти такое замечание справедливо: сегодня пресса в режиме он-лайн, работая на существенное опережение, по сравнению с одноименным типографским «собратом», конечно, вне конкуренции. Однако даже у такого супертехнического разрешения подачи информации есть свои «минусы»: слово, поставленное на конвейерный поток так называемой «бегущей строкой», зачастую не оставляет человеку времени на осмысление прочитанного – броские заголовки от «экспресс-нюс» теснят друг друга, рисуя в воображении чудовищный образ «фаст-фуда для головы». Только на месте последней еще один безразмерный желудок: многомиллиардный «пипл хавает» – а значит, сыт и доволен?..

Кажется невероятным, но тем не менее: избыток всякой информации, равно как и недостаток ее, не приближает человека к знанию как таковому, пониманию механизмов или движущих сил нашего бытия.

Если вернуться к примеру с фаст-фудом, то здесь врачи уже во всем мире бьют тревогу: постоянное употребление в пищу далеко не равнозначной по ценности «быстрой» еды наносит огромный вред физическому здоровью человека. Но ведь «не хлебом единым» мы живы?.. И наше духовное, нравственное нездоровье в немалой степени – результат неправильного «питания» ума. Сам собой напрашивается вопрос: как воздержаться (или даже отучить себя) от бездумного «хаванья», не обмануться и суметь вовремя отличить «зерна от плевел» (что особенно проблематично для подрастающего поколения)?..

Возвращаясь к заявленному анонсу, с которого начинались авторские «мысли о главном», хочу оговориться и даже подчеркнуть: это четырехстраничное, в формате А-4, периодическое издание, разумеется, не претендует на звание «кладеза мудрости» от Тауза Исаева или волшебных ключей от двери с табличкой «Аз есмь Истина». Газета «Слово» от автора нашумевшего в литературной среде республики романа «Имя Родины», многочисленных поэтических сборников, литературных эссе и статей философского содержания – это... всего лишь способ оглянуться дабы уже никогда не забывать, от каких источников и корней питается Древо общенародного (индивидуального, личного) самосознания чеченцев. Это... всего лишь способ оглядеться – дабы воочию узреть, что мы можем сделать уже сегодня – чтобы крона Древа продолжала зеленеть и разрастаться пышным цветом. Наконец, это еще и попытка заглянуть за ту умозрительную пограничную черту, отделяющую наше Настоящее от пространства Грядущего. Какими окажутся на вкус плоды с Древа, выращенные нами для наших потомков?..

Ну, а если отставить в сторону все вышеперечисленные аллегии, то можно сказать и так: газета «Слово» – не пример легкого «чтива». Материалы, публикуемые на ее страницах без претензии на «истину в первой инстанции» затрагивают различные грани нашего духовного и исторического бытия: это размышления о традициях, языке, религии, современности, о нашей Родине, наконец. Это драгоценные крупички из сокровищницы суфийской мудрости, а также целые разделы и странички, посвященные незаслуженно забытым словам чеченского языка. Только вслушайтесь: сайрат – планета, Рош – Меркурий, Дильбат – Венера; Маниз, Аналла – бесконечное пространство...

Книжные новинки**Чеченские тайпы**

Натаев Сайпуди Альвиевич родился 4 августа 1951 года в Восточно-Казахстанской области. В 1973 году окончил исторический факультет ЧГУ им. Л. Толстого. Кандидат исторических наук, доцент кафедры «История народов Чечни» ЧГУ. Автор монографии «Об общественном институте «тукхам» у чеченцев» и сорока научных работ, посвященных в целом истории чеченского народа.

Очередная научная работа С.А. Натаева под названием «Чеченские тайпы» вышла в 2013 году в издательстве «Alerph» (г. Махачкала). В аннотации к данному научному изданию, в частности, пишется: «В монографии рассматриваются проблемы изучения природы, структуры и исторической динамики социальных институтов чеченцев «тайп» и «тукхам» в исторической литературе. Тема исследования является одной из наиболее сложных и дискуссионных в чеченоведении и шире – в историко-этнографическом кавказоведении. В книге дано авторское видение социальной сущности чеченского тайпа в хронологическом разрезе до середины XIX века. Рассматриваются этносоциальная и этнотерриториальная структура Чечни изучаемого периода в авторской концепции».

Книга адресована историкам, этнографам, ученым-обществоведам, студентам исторических, гуманитарных факультетов вузов и широкому кругу читателей, интересующихся историей родного края.

Саламбек Алиев

К нашим иллюстрациям**Штрихи к портрету художника**

Султан Шамсудинович Абаев – член союза художников Санкт-Петербурга, заслуженный художник РФ, член союза художников Чеченской Республики – известный художник, окончил Академию художеств им. Репина в Санкт-Петербурге. Имя Абаева хорошо известно не только в нашей республике, но и далеко за ее пределами. Достаточно сказать, что работы этого самобытного художника хранятся в частных коллекциях в Германии, Китае, США, Польше, Японии и в других странах.

Султан Абаев родился 1 ноября 1954 г. в Киргизской ССР. Рисовать начал очень рано. Окончил Дагестанское училище искусств.

С 1991 по 1993 г. проживал на острове Шри-Ланка и в Сеуле. По приезду домой в творчестве художника появились новые работы – зарисовки острова Шри-Ланка и корейские пейзажи. Считает, что художник всегда должен совершенствоваться и быть в постоянном поиске.

Пейзажные произведения художника запоминаются простотой мотивов. В его работах нет искусственности, надуманности. Природа у С. Абаева одухотворенная, возвышенная.

С 1978 года Султан проживает в Санкт-Петербурге. Несмотря на то, что художник большую часть своей жизни провел за пределами республики, творческая личность художника гармонично слита с родной природой, которая обязательно присутствует в каждой из его картин.

В большой мастерской (принадлежавшей когда-то известному художнику Верещагину) Султан сегодня, помимо творчества, занимается преподавательской и общественной деятельностью.

На обложке номера представлены следующие работы художника: 1 стр. «Долина теней», 2 стр. «Депортация», 3 стр. «Средневековый Шарой», 4 стр. «Война».

Сацита Исраилова

Сведения об авторах и переводчиках

Эдильбек Хасмагомадов (1957) – кандидат исторических наук, историк, публицист и общественный деятель, директор Национальной библиотеки Чеченской Республики. В период с 2001 по 2006 гг. занимал должность главного редактора журнала «Вестник «ЛАМ», осуществлявшего поддержку процессов развития в Чеченской Республике открытого демократического общества. Долгое время занимается разработкой проблем общественно-политического развития Чеченской Республики, изучал малоизвестные страницы новой и новейшей истории народов Северного Кавказа, а также вопросы развития культуры и политических институтов в Чеченской Республике. Автор нескольких десятков научных работ, в том числе «История Чечни в XIX – XX веках» (в соавторстве).

Алвади Шайхиев (1947). Окончил филологический факультет ЧИГПИ в 1970 году. В 1977-79 гг. учился на Высших двухгодичных литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Поэт, писатель, переводчик. Член Союза писателей СССР с марта 1976 года. Публикуется в периодической печати с 1961 года. Первый сборник стихов «Чувство» увидел свет в 1969 году. В разные годы в Грозном и Москве выходили поэтические сборники: «Пламя любви», «Огонь в очаге», «Трава-мурава», «Пульс», «Совесть», «Башни мужества», «Ночные птицы», «Заповедь» и другие. Стихи Алвади Шайхиева печатались в журналах «Молодая гвардия», «Современник», «Звезда», «Дон» и других.

Мовла Сайдцелимов (1935). Родился в с. Цапан-Юрт Курчалоевского района. В 1955 г. окончил среднюю школу в с. Бурана Чуйского района Киргизской ССР, в 1974 году – Грозненский кооперативный техникум. Много лет работал на Аргунском сахарном заводе.

Лариса Исхаджиева родилась в городе Гудермес. Детство и юность провела с матерью в Киргизии, в поселке Кадамджай, где училась в местной средней школе. Одиннадцатый класс закончила уже на родине, в Чеченской Республике. Стихи пишет со школьных лет.

Ахмет Асхабов (1955). Родился в Казахстане, в Актюбинской области, Хобдинском районе. Образование среднее. С 1981 по 2013 годы жил и работал чабаном в Казахстане. Пишет стихи и рассказы.

Муса Бексултанов (1954). Народный писатель Чеченской Республики (2005), главный редактор (2007) детского журнала «Стелалад» («Радуга»). В 1977 г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского университета. Член Союза писателей России. Лауреат премии Ленинского комсомола (1988 г.), премии журнала «Вайнах» (2004 г.), премии «Серебряная сова» (2005 г.). Произведения Бексултанова переведены на русский, английский, французский, немецкий языки. Печатается с 1980 г. Автор книг «Мархийн кӀайн гӀаргӀулеш» («Облаков журавли белые», 1985 г.), «Юха кхана а селхана санна» («И завтра, как вчера», 1988 г.), «Наггахьа, сайн сагатделча» («Иногда, когда мне скучно», 2005), «Я хьан тухур буйсанна хьан не!» («И кто постучится ночью в твою дверь», 2005 г.); повестей «Иза бегаш ма бацара» («Это была не шутка», «Орга», 2004 г., №1), «Болийначу юхабоьрузу некъ» («Дорога возвращается к началу», «Орга», 2004 г., № 11–12), рассказов, миниатюр, эссе. Мастер лирических зарисовок.

Идрис Булагбиев (1968). Родился в Урус-Мартане, учился в урус-мартановской средней школе №3. Окончил московскую Академию Права и Управления (юридический факультет). Занимается исследованием истории древностей и доисламских культов нахов.

Лиза Адмисиева. Окончила исторический факультет ЧИГУ. Научный сотрудник сектора «История народов Чечни» Академии наук ЧР. Автор научных публикаций: «Борьба горцев Кавказа конца XVIII-XIX вв. в свете основоположников марксизма-ленинизма» (в книге «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.» Махачкала, 1994); «К вопросу о формировании Кавказской военной линии (1711-1785)» (Вестник АН ЧР Грозный, 2007 г.); «К вопросу о хозяйственных занятиях на Кавказской военной линии. (Конец XVIII – первая треть XIX в.)» («Таллам», Грозный, 2009) и др.

Тауз Исс (Тауз Исаев). Родился в 1951 г. Поэт, эссеист, прозаик. Окончил Московский литературный институт им. М. Горького (семинар поэзии). Автор поэтических сборников «Пространство души», «Горсть», «Линии», эссеистики «Грани», прозы «Путешествие в полдень», романа «Имя Родины». Вице-президент Академии культуры Кавказа. Член СП Абхазии (2002), ЧР и РФ (2007).

Вахит Итаев (1940). Окончил Литературный институт им. Горького СП СССР. Член Союза писателей РФ. Пишет стихи, прозу. Автор фантастического романа «Майдан предков», вышедшего в Москве в 2007 году.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.